

ISSN 0869-544X (print)
ISSN 2949-3927 (online)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ
2024
SLAVIC STUDIES

2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1
2024

ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.А. Сedaкова (гл. редактор), А.С. Стыкалин (отв. секретарь), И.Е. Адельгейм,
М.В. Белов, О.В. Белова, М.М. Валенцова, Т.В. Володина (Беларусь), М. Гардзанити (Италия),
А.Н. Галямичев, А.А. Гиппиус, Хр. Дейкова (Болгария), М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун,
М.В. Лескинен, К.В. Лифанов, Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко, В.В. Мочалова, С.А. Мызников,
К.В. Никифоров, О.В. Павленко, В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин,
Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, Н.Н. Старикова, О.В. Хаванова,
Э. Шашалми (Венгрия), Е.И. Якушкина.

Заведующая редакцией *Е.Ю. Нуйкина*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Т.Ю. Кравченко, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а
Телефон +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; номер Orcid, адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

Каширин В. Б. (Москва). Днестровская кампания генерала князя А. М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов.....	5
Ганин А. В. (Москва). Белые формирования в Польше и попытка срыва Генуэзской конференции в 1922 году.....	31
Магадеев И. Э. (Москва). Роль Чехословакии в развитии советско-французских отношений в период непризнания СССР: взгляд дипломатов и военных Третьей республики (1920–1924).....	39
Сальков А. П. (Минск). Словацко-венгерская «Малая война» в контексте послевоенного кризиса в двусторонних отношениях (март – сентябрь 1939 г.).....	54
Синицын Ф. Л. (Москва). Участие Коминтерна и Всеславянского антифашистского комитета в создании иностранных воинских формирований на территории СССР (1941–1945 гг.).....	70
Трунов Ф. О. (Москва). Стратегия и тактика ФРГ по формированию постъюгославского пространства в 1990-е годы.....	82
Пилипенко Г. П., Борисов С. А. (Москва). Семейный полилингвизм в миноритарном сообществе Хорватии (на примере многоязычной семьи из западной Славонии).....	95

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Станков Н. Н. (Москва). К истории создания Института славяноведения в Советском Союзе: «Пражский» проект. 1926–1928.....	115
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Адельгейм И. Е. Б. Шеллкресс. Холокост: вещи. Репрезентация Холокоста в польской и польско-еврейской культуре / пер. с английского и польского М. Крисань.....	130
Барinov И. И. П. Маркевич. Едва ли союзники: сотрудничество нацистской Германии и украинских националистов в Генерал-губернаторстве в годы Второй мировой войны.....	136

ЮБИЛЕИ

Широкова Л. Ф. К юбилею Юрия Павловича Гусева.....	140
---	-----

НЕКРОЛОГИ

Топорков А. Л., Чернецов А. В. Памяти Вильяма Фрэнсиса Райана (1937–2023).....	142
Памяти Ивана Ивановича Попа (1938–2023).....	146

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

JANUARY •

FEBRUARY •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

Irina A. Sedakova (editor-in-chief), **Aleksandr S. Stykalin** (executive secretary),
Irina E. Adelgeim, **Michael V. Belov**, **Olga V. Belova**, **Marina M. Valentsova**, **Tatiana V. Volodin** (Belarus),
Marcello Gardzaniti (Italy), **Aleksandr N. Galyamichev**, **Aleksey A. Gippius**, **Nikita S. Gusev**,
Hristina Deykova (Bulgaria), **Miloš Zelenka** (Czech Republic), **Elena N. Kovtun**,
Maria V. Leskonen, **Konstantin V. Lifanov**, **Gennady F. Matveev**, **L'ubor Matejko** (Slovakia),
Victoria Mochalova, **Sergey A. Myznikov**, **Konstantin V. Nikiforov**, **Olga V. Pavlenko**,
Vojislav Pavlović (Serbia), **Vladimir Ya. Petrukhin**, **Roumiana Preshlenova** (Bulgaria), **Mikhail Robinson**,
Nadezhda N. Starikova, **Boris N. Florya**, **Olga V. Khavanova**, **Endre Sashalmi** (Hungary)
Ekaterina I. Yakushkina

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova*, *T.Yu. Kravchenko*, *I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

Kashirin V.B. (Moscow). The Dniester Campaign of General Prince A.M. Golitsyn in 1769 and Russia's Strategy Towards the Principality of Moldavia in the Initial Period of the Russian-Turkish War of 1768–1774	5
Ganin A.V. (Moscow). White Military Formations in Poland and an Attempt to Disrupt the Genoa Conference in 1922.....	31
Magadeev I.E. (Moscow). The Role of Czechoslovakia in the Development of the Soviet-French Relations During the Non-Recognition Period of the USSR: View from Paris (1920–1924).....	39
Salkov A.P. (Minsk). The Slovak-Hungarian «Small War» in the Context of the Post-Munich Crisis in Bilateral Relations (March – September 1939).....	54
Sinitsyn F.L. (Moscow). Participation of the Comintern and the All-Slavic Anti-Fascist Committee in the Creation of Foreign Military Formations on the Territory of the USSR (1941–1945).....	70
Trunov Ph.O. (Moscow). FRG's Strategy and Tactics on the Formation of the Post-Yugoslav Space in the 1990s	82
Pilipenko G.P., Borisov S.A. (Moscow). Family Multilingualism in the Minority Community of Croatia (The Case of a Multilingual Family from Western Slavonia).....	95

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

Stankov N.N. (Moscow). On the History of the Foundation of the Institute of Slavic Studies in the Soviet Union: The «Prague» Project. 1926–1928	115
--	-----

REVIEWS

Adelgeim I.E. B. Shallcross. The Holocaust Object in Polish and Polish-Jewish Culture / tr. M. Kisan	130
Barinov I.I. P. Markiewicz. Unlikely Allies: Nazi German and Ukrainian Nationalist Collaboration in the General Government During World War II.....	136

JUBILEES

Shirokova L.F. Towards the Jubilee of Yuri P. Gusev	140
--	-----

IN MEMORIAM

Toporkov A.L., Chernetsov A.V. William Francis Ryan (1937–2023).....	142
Ivan Ivanovich Pop (1938–2023).....	146

Днестровская кампания генерала князя А.М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов

© 2024 г. В.Б. Каширин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

vbkashirin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученным проблемам истории русско-турецкой войны 1768–1774 гг. — военной и политической стратегии высшего руководства Российской империи и главнокомандующего 1-й армией генерал-аншефа князя А.М. Голицына в отношении княжества Молдавия в начальный период конфликта, в ходе кампании 1769 г. Изъяны в организации стратегического планирования российской стороны, отсутствие заранее разработанного плана военных действий, недостатки системы снабжения войск и невозможность использовать артиллерийский осадный парк существенно ограничивали эффективность действий Голицына в верховьях Днестра, что выразилось в двух неудачных попытках русской армии взять крепость Хотин в апреле и июле 1769 г. По политическим и психологическим причинам это подорвало доверие к Голицыну при императорском дворе и повлекло его смещение с поста главнокомандующего, однако именно прагматичная оборонительная стратегия Голицына позволила ему в конце августа — начале сентября 1769 г. нанести поражение главным силам османской армии и добиться их отступления с большей части территории Молдавии. Одновременно с ведением военных действий А.М. Голицын и командующий передовым корпусом 1-й армии генерал-майор князь А.А. Прозоровский, во многом по собственной инициативе, устанавливали тайные разведывательно-агентурные и политические контакты с представителями высшего боярства и духовенства Молдавии. Их успехи на этом поприще, а также привлечение на русскую службу арнаутских формирований из местных уроженцев в значительной степени подготовили почву для быстрого и успешного занятия русскими войсками большей части Молдавии осенью 1769 г. Статья основана на малоизвестном архивном материале, в первую очередь служебной переписке российского командования.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1768–1774 г., Османская империя, Молдавия, генерал князь А.М. Голицын, генерал князь А.А. Прозоровский, Н.А. Каразин, арнауты.

Ссылка для цитирования: Каширин В.Б. Днестровская кампания генерала князя А.М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов // Славяноведение. 2024. № 1. С. 5–30. DOI: 10.31857/S0869544X24010012

The Dniester Campaign of General Prince A.M. Golitsyn in 1769 and Russia's Strategy Towards the Principality of Moldavia in the Initial Period of the Russian-Turkish War of 1768–1774

© 2024. Vasilii B. Kashirin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

vbkashirin@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the little-studied problems of the history of the Russo-Turkish War of 1768–1774 – the military and political strategy of the top leadership of the Russian Empire and the commander-in-Chief of the 1st Army, General-in-Chief Prince A.M. Golitsyn towards the Principality of Moldavia in the initial period of the conflict, during the campaign of 1769. Flaws in the organization of strategic planning on the Russian side, the absence of a pre-developed war plan, deficiencies in the supply system of troops and the inability to use an artillery siege park significantly limited the effectiveness of Golitsyn's operations on the upper Dniester, which was reflected in two unsuccessful attempts by the Russian army to take the fortress of Khotyn in April and July 1769. For political and psychological reasons, this undermined Golitsyn's credibility at the imperial court and led to his removal from the post of commander-in-chief, however, it was Golitsyn's pragmatic defensive strategy that allowed him to defeat the main forces of the Ottoman army in late August – early September 1769 and force them to retreat from most of the territory of Moldova. Simultaneously with the conduct of military operations, A.M. Golitsyn and the commander of the vanguard corps of the 1st Army, Major General Prince A.A. Prozorovsky actively engaged, largely on their own initiative, in establishing secret intelligence and political contacts with representatives of the highest boyars and clergy of Moldova. Their success in this activity, as well as the recruitment of Arnaut formations from local natives to the Russian service, largely paved the way for the rapid and successful occupation of most of Moldavia by Russian troops in the autumn of 1769.

The article is based on previously little-known archival material, mostly on the official correspondence of the Russian command.

Keywords: the Russian-Turkish War of 1768–1774, the Ottoman Empire, Moldavia, General Prince A.M. Golitsyn, General Prince A.A. Prozorovsky, N.A. Karazin, Arnauts.

For citation: *Vasilii B. Kashirin. The Dniester Campaign of General Prince A.M. Golitsyn in 1769 and Russia's Strategy Towards the Principality of Moldavia in the Initial Period of the Russian-Turkish War of 1768–1774 // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 1. P. 5–30. DOI: 10.31857/S0869544X24010012*

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. (иногда называемая первой Екатери-
нинской) стала поворотным моментом, открывшим новую эпоху в истории
Молдавии и Валахии и их отношений с Россией. В ходе этого крупномасштаб-
ного военного конфликта впервые в истории русские войска на протяжении
нескольких лет занимали территорию обоих Дунайских княжеств. Все их исто-
рические земли, включая и турецкие крепости с прилегающими к ним окру-
гами-«райями» (Килия, Измаил, Браилов и Журжа на Дунае; Хотин, Бенде-
ры и Аккерман на Днестре), а также татарский Буджак в тот период оказались
на время освобождены от владычества Порты. В результате боевых действий
и подчас достаточно суровых военных и административных мероприятий

русского командования, в том числе уничтожения поселений и принудительных переселений, был начат масштабный процесс этноконфессиональной трансформации региона, приведший позднее к полной ликвидации прежде достаточно многочисленного присутствия мусульманского населения к северу от Дуная и появлению там районов компактного поселения новых этнических групп (европейские колонисты, «задунайские выходцы»).

В ходе войны 1768—1774 гг. в Молдавии и Валахии была установлена русская военная администрация, работавшая в тесном взаимодействии с местными Диванами; упорядочено взимание налогов и пошлин, отлажена система набора туземных добровольцев в русскую армию, проведены первые современные для того времени переписи населения и топографические съемки, составлены высококлассные географические карты, планы городов и крепостей, военно-статистические описания княжеств. Таким образом, первый длительный период пребывания Молдавии и Валахии под властью России в 1769/1770—1774 гг. имел далеко идущие политические и психологические последствия и, наряду с состоявшейся в те же годы Архипелагской экспедицией русского флота, придал мощный импульс всему грандиозному историческому процессу национального пробуждения народов Балканско-Дунайского региона, их борьбы за создание независимых государств и дальнейшей модернизации по европейскому образцу.

Помимо прочего, годы первой Екатерининской войны с Турцией стали временем массовой встречи, знакомства и длительного взаимодействия народов Российской империи (в лице военнослужащих ее армии) и жителей Молдавии и Валахии. Эти контакты осуществлялись на всех уровнях: как на высшем — между армейским командованием и верхушкой местного боярства и церковного клира, так и на низовом, с участием многотысячной массы чинов регулярных и нерегулярных частей вооруженных сил России и широких слоев местного населения. В результате был накоплен обширный и разносторонний опыт межнационального общения, притом в подчас экстремальных условиях военного времени, эпидемии чумы и иных бедствий; установлены новые и возобновлены старые фамильно-карьерные связи, задействованы иные механизмы лояльности и сотрудничества, выработаны конкретные приемы и методы социально-административной и межличностной коммуникации, сформированы поведенческие модели и психологические портреты взаимного восприятия с элементами как ценного объективного знания, так и этническими стереотипами.

Отдельный интерес представляет начальный период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — до занятия русскими войсками большей части Молдавии и присяги ее населения на верность императрице Екатерине II осенью 1769 г. Это стало возможно в результате трудной, шедшей с переменным успехом военной кампании русской 1-й армии под командованием генерал-аншефа князя А.М. Голицына, длившейся с апреля по сентябрь 1769 г. Ее основные события происходили в районе стратегически важной османской крепости Хотин на реке Днестр. Падение этой твердыни после двукратного бесплодного приближения к ней русской армии привело к поспешному отступлению османов с большей части территории Молдавии. Этому предшествовали и активные усилия русского командования по выстраиванию тайного взаимодействия с ориентированными на Россию представителями молдавского боярства и высшего духовенства. Таким образом, события кампании 1769 г. стали важной прелюдией к периоду оккупации Молдавии русскими войсками, и потому их изучение необходимо для понимания дальнейшего развития этого конфликта.

Меж тем история Молдавии и Валахии в период войны 1768–1774 гг., как и Днестровская кампания князя А.М. Голицына, еще не исследованы в должной степени. Первым и, по сути, до сих пор единственным научным военно-историческим исследованием кампании 1769 г. стал первый том труда А.Н. Петрова (1837–1900) «Война России с Турцией и польскими конфедератами», увидевший свет в 1866 г. [Петров 1866]. Его автор, в то время капитан Генерального штаба, был первопроходцем исследования огромных документальных пластов архива Военно-топографического депо (затем Военно-ученого архива Главного штаба) и за многолетнюю научную карьеру написал в общей сложности 14 томов военно-исторических исследований по истории четырех русско-турецких войн. Классический и фундаментальный труд Петрова по войне 1768–1774 гг. и донныне сохраняет значение и как памятник отечественной военной историографии, и как ценный источник фактических сведений о ходе русско-турецких войн XVIII в. Однако проблемы политики России в отношении Молдавии и Валахии интересовали Петрова в гораздо меньшей степени, притом он практически не разбирался в реалиях политической и социальной ситуации в княжествах.

А в дальнейшем изучение военной истории той войны в отечественной историографии было в наибольшей степени связано с исследованием деятельности генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского, сменившего Голицына на посту главнокомандующего 1-й армией. В кампанию 1769 г. он до августа командовал войсками 2-й армии на Украине и на этом посту не проявил себя какими-либо успешными или решительными действиями. Тем не менее историки-апологеты всячески превозносили полководческую мудрость, дальновидность и осторожность Румянцева в ту кампанию, а вся ответственность за трудности российской стороны возлагалась на князя Голицына, деятельность которого изображалась в гротескно-негативном виде (см., например, [Клокман 1951]). При этом и в дореволюционной России, и в СССР выходили ценные публикации документов П.А. Румянцева¹. Однако документы генерал-аншефа князя А.М. Голицына периода его командования в кампанию 1769 г. не публиковались.

Различные аспекты политики России в отношении Дунайских княжеств накануне и в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. затрагивались в исследованиях отечественных историков С.М. Соловьева [Соловьев 1965], В.А. Уляницкого [Уляницкий 1883], Е.И. Дружининой [Дружинина 1955], Л.Е. Семеновой и В.Н. Виноградова [Семенова 2006; Виноградов, Семенова 1982], в исследованиях и документальных публикациях молдавских историков, советских и современных, таких как Н.А. Мохов [Мохов 1980], И.В. Семенова², В. Ткач [Tcası 2012], И. Думиника [Duminica 2014]; а также у румынских авторов Н. Йорги [Iorga 1919], Г. Безвиконного [Bezvicconi 1962], С. Виану [Vianu 1953]; М. Матей [Matei 1953] и др. Отдельно следует назвать работы советского историка из Тирасполя И.А. Котенко, посвященные теме русско-молдавского военного сотрудничества во время войны 1768–1774 гг. [Котенко 1957; Котенко 1961]. Ему удалось найти и использовать ряд ценных документов из архивов в Москве. Однако кандидатская диссертация Котенко так и не была опубликована, а жесткие постулаты господствовавшей в то время идеологии накладывали серьезные ограничения на возможность разностороннего раскрытия избранной им темы.

¹ Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского. Ч. I. Кн. 1. С. I–II, 1–270; Ч. II. Кн. 2. С. 1–330; Фельдмаршал Румянцев; П.А. Румянцев. Т. II. М., 1953.

² Россия и освободительная борьба молдавского народа против Османского ига (1769–1812).

В целом до сих пор никому из исследователей не удалось при изучении событий 1768–1769 гг. в Молдавии и военной кампании 1-й армии А.М. Голицына совместить возможность свободного доступа к центральным архивам в Москве, хранящим документы военного и дипломатического ведомств России, с широким использованием источников молдавского и валахского происхождения. Примечательно, что к настоящему времени существует обширная историография Архипелагской экспедиции, в том числе новейшие фундаментальные работы Г.Л. Арша [Арш 2010; Арш 2013], И.М. Смилянской, Е.Б. Смилянской и М.Б. Велижева [Смилянская, Велижев, Смилянская, 2011], Г.А. Гребенщиковой [Гребенщикова 2007], написанные на богатом документальном материале и убедительно показывающие значимость темы военнополитических достижений России в период той войны. И на фоне этих исследований особенно заметна недостаточная изученность проблемы действий на сухопутном театре, взаимосвязи военных, политико-дипломатических, разведывательных и административных усилий российского руководства в отношении Дунайских княжеств.

Данная статья представляет попытку рассмотреть важнейшие события Днестровской кампании 1769 г., проанализировать особенности стратегии петербургского кабинета и командования 1-й армии, показать взаимосвязь событий войны на Днестре и политической реакции на них в Петербурге, исследовать развитие взаимодействия русского командования с правящей верхушкой и широкими слоями населения Молдавского княжества в период до его занятия русскими войсками. Основными источниками при написании работы послужили неопубликованные и в малой степени введенные в научный оборот документы из фонда Военно-ученого архива в РГВИА, в первую очередь — дела с всеподданнейшими реляциями князя А.М. Голицына, отпускными копиями высочайших рескриптов на его имя, а также с материалами служебной переписки Голицына и его подчиненного, генерал-майора князя А.А. Прозоровского, в тот период — командующего передовым корпусом 1-й армии, кавалерийские отряды и офицеры которого проникали в глубь территории Молдавии и наиболее активно взаимодействовали с местным населением и представителями пророссийской партии.

До начала войны с Турцией 1768–1774 гг. княжество Молдавия два раза становилось объектом стратегического внимания и значительных военных усилий со стороны Российского государства — накануне и во время Прутского похода Петра I и в ходе войны с Турцией 1736–1739 гг. При этом русские войска трижды вступали на территорию Молдавии, каждый раз на весьма непродолжительный срок. Вскоре после Полтавской битвы отряд бригадира Г.И. Кропотова, отправленный царем для преследования Карла XII, пересек границу Молдавии в Буковине и 23 сентября 1709 г. под Черновцами атаковал и принудил к сдаче в плен шведско-запорожский отряд А. Гилленкрока, посланный королем на соединение со шведским корпусом в Польше³. Затем летом 1711 г. состоялся печально знаменитый Прутский поход Петра I, в ходе которого русская армия находилась на территории Молдавии около двух месяцев, в июне и июле, а передовой ее корпус достиг Браилова на Дунае⁴. Наконец, летом 1739 г. русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Б.К. фон Миниха переправилась через Днестр, нанесла поражение главным силам турок в генеральном сражении при Ставучанах 17 августа, без боя овладела

³ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Вып. 1. С. 410–411; Вып. 2. С. 1289–1293.

⁴ О Прутском походе подробнее см.: Мышлаевский А.З. Война с Турцией; [Водарский 2004; Артамонов 2019].

крепостью Хотин 19 августа, и уже 1 сентября авангард армии вступил в столицу Молдавии Яссы [Байов 1906, 225–249]. Однако последовавшее заключение Белградского мира привело к прекращению военных действий, и в конце 1739 г. последние части русских войск покинули молдавскую территорию, где их пребывание продлилось в тот раз около четырех месяцев.

Несмотря на кратковременность нахождения русских войск в Молдавии, кампании 1711 и 1736 г. объективно способствовали укреплению русско-молдавских связей, хотя для населения княжества обернулись репрессиями и ужесточением гнета со стороны османских властей. В ходе тех войн командование русской армии получало практические знания о географии, населении и политической ситуации в Молдавии, устанавливало связи с представителями местных элит. Однако за три десятилетия, прошедшие между Миниховской и Румянцевской⁵ войнами с Турцией, сведения российского руководства о Молдавии отчасти утратили актуальность. Государственная Коллегия иностранных дел не имела ни одного официального дипломатического представителя в Дунайских княжествах и была вынуждена решать большинство служебных вопросов через российскую миссию в Константинополе. Источников информации о княжествах было недостаточно, а прежние политические и агентурные связи ослабели и прерывались. Так, в 1740-е годы прекратились, в том числе и в целях экономии, отношения русских властей с высокопоставленными информаторами в северных областях Молдавии – сердаром (боярская должность среднего ранга) Лупполом Анастасиевым и пыркалабом (комендантом) приграничной Сороки Андронакием Варфоломеевым⁶.

Во время прежних военных кампаний и последовавшей за ними вынужденной эмиграции переселились в Россию и поступили на русскую службу немалое число молдаван как простых чинов волошских хоругвей и гусарских полков, так и представителей местного боярства. Согласно челобитной князя К.А. Кантемира, после войны 1736–1739 гг. им было выведено в Малороссию из бывшего Волошского корпуса «разночинцов, поверстанных в рядовые» 1030 человек, а также «от молдавских шляхетств» 40 человек, не считая ранее зачисленных на службу в русскую армию⁷. К 1752 г. в Молдавском гусарском полку вместе с членами семей его чинов реально насчитывалось не менее трех тысяч душ⁸. Таким образом, перед началом войны 1768–1774 гг. в России проживала достаточно многочисленная молдавская диаспора, притом непосредственно связанная с русской военной службой. Однако хотя бы попытки использовать этот ресурс для какой-либо политической, разведывательной или иной подобной деятельности в отношении Дунайских княжеств в предвоенные годы не прослеживаются.

Усилия внешней политики России в период между окончанием Семилетней войны и началом войны с Турцией в 1768 г. были сконцентрированы на решении задачи установления господства в Речи Посполитой. Вступление корпуса русских войск в Польшу в 1767 г. и в особенности начало весной 1768 г. активных действий против Барской конфедерации в Подольском и Русском воеводствах вблизи молдавской границы стало источником серьезной напряженности в отношениях между Россией и властями княжества Молдавия. На

⁵ Миниховская – неформальное обозначение войны 1736–1739 гг., Румянцевская – 1768–1774 гг. Называются так по имени наиболее значимых главнокомандующих русской армии.

⁶ Об этом см.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1738 г. Ед. хр. 52. Л. 1–20.; [Bogdan 1957].

⁷ РГВИА. Ф. 10. Оп. 2/109. Ед. хр. 18. Л. 86об.

⁸ Там же. Л. 120.

его престоле в это время находился господарь Григорий Иоан Каллимаки (1735–1769), представитель известной молдавско-фанариотской семьи, дважды правивший в Молдавии, в 1761–1764 и 1767–1769 гг., и никогда не проявлявший пророссийских симпатий (о нем и его роде см. [Xenopol 1897]). В начале 1768 г. он по собственному почину пошел на обострение отношений с Россией, арестовав по обвинению в шпионаже ряд действительных или предполагаемых российских подданных и/или отставных офицеров русской службы (А. Янкоров, Д. Чернокапцев, Н.А. Каразин). По меньшей мере один из них, некий Алексей Янкоров, был публично казнен в Яссах⁹. В результате шпионских скандалов и приграничных инцидентов весны – начала лета 1768 г. отношения России с господарем Молдавии и поддерживающей его партией оказались серьезно испорчены. А активные политические связи с довольно многочисленной оппозиционной русофильской партией в боярских и церковных кругах перед войной так и не были выстроены.

Война, главным поводом к которой послужил известный Балтский инцидент 18 июня 1768 г., была официально объявлена России Высокой Портой на торжественной аудиенции в зале Большого Дивана 25 сентября (6 октября) 1768 г. Петербургский кабинет до последнего надеялся, что ему удастся либо избежать военного конфликта с Османской империей, либо оттянуть его на более поздний срок. Как следствие, Россия оказалась неподготовлена к войне ни с точки зрения сосредоточения войск, ни в отношении выработанных военно-стратегических и политических планов. Их пришлось разрабатывать в спешке, обсуждать и утверждать на первых заседаниях учрежденного в ноябре 1769 г. Совета при Высочайшем дворе, высшего коллегиального органа по координации военных и политических усилий воюющей империи.

На заседании Совета 6 ноября Екатерина II объявила свое решение о назначении главнокомандующих: «наступательный корпус» (будущая 1-я армия) вверялся генерал-аншефу князю А.М. Голицыну, «оборонительный» (будущая 2-я армия), предназначенный для обороны Украины, – генерал-аншефу графу П.А. Румянцеву¹⁰. Эти назначения достаточно хорошо отражали тогдашнюю расстановку сил и баланс влияния двух придворных партий. Голицын в наибольшей степени ориентировался на клан братьев Орловых и их ситуативного союзника вице-президента Военной коллегии графа З.Г. Чернышева, тогда как Румянцев, что хорошо видно по его письмам Н.И. Панину, в тот период тяготел к партии последнего. И учреждение коллегиального Совета, и то, что главные силы полевой армии были доверены Голицыну, ясно свидетельствовало о снижении влияния Н.И. Панина и его клана, в том числе, по всей видимости, и вследствие допущенного главой Коллегии иностранных дел начала конфликта с Турцией.

Принятые стратегические планы на кампанию 1769 г. были зафиксированы в виде протоколов Совета и соответствующих рескриптов императрицы на имя обоих главнокомандующих. В отношении предстоящих действий «наступательного корпуса» (1-й армии) они парадоксальным образом соединяли элементы осторожно-оборонительной стратегии и откровенно авантюрные черты. Главная поставленная армии задача предполагала воспрепятствование вторжению

⁹ Documente privitoare la Istoria Românilor, culese de Eudoxiu de Hurmuzaki. № XLV. P. 56–57; Documente privitoare la Istoria Românilor. Urmare la colecțiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaki. Suplement I. Vol. 1. 1518–1780. P. 758; Acte și fragmente cu privire la istoria românilor adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului. Vol. 1. P. 399. [Xenopol 1897, 63–64]; [Hammer J. von. 1832, 310–311].

¹⁰ Архив Государственного совета. Т. 1. Стлб. 8.

турок в Польшу и соединению их с барскими конфедератами. Вступление русских войск на территорию Молдавии отнюдь не предписывалось, но называлось допустимым и желательным при определенных благоприятных условиях. В любом случае речь шла не о вторжении в глубь княжества, а об ограниченных действиях («поисках») вблизи границы по Днестру. Основным объектом возможных наступательных операций называлась Хотинская крепость на Днестре, мощнейший османский форпост на молдавско-польской границе. При этом действия русского командующего ставились в зависимость от скорости сосредоточения и численности сил, а также направления операций противника: «Буде же по достоверным известиям окажется, что турецкого войска весьма мало или не все собрано и по вероятности над оным преимущество иметь можно, то при таковых обстоятельствах стараться над оным поиски чинить и взять Хотин»¹¹.

Однако ни один директивный документ не рекомендовал никаких конкретных способов овладения этой крепостью; в частности, речь даже не шла о возможности ведения ее методичной осады по системе Вобана прежде всего из-за полной неготовности к перевозке артиллерийского осадного парка в Киеве. Вместо этого взять Хотин Голицыну предписывалось методом некоей «воинской хитрости», по выбору и усмотрению самого главнокомандующего: «Будет уже особливо дело собственного вашего патриотического усердия и искусства делать на той стороне Днестра всевозможные над неприятелем поиски, стараясь его в квартирах по частям тревожить, томить и бить, а особливо, если только возможность будет, и овладеть еще способом какой либо воинской хитрости городом Хотинем, ибо оной худо укреплен и по сию пору, так сказать, со всех сторон открыт»¹².

Иными словами, исход главного и сложнейшего военного предприятия всей кампании ставился в зависимость от факторов, не поддающихся никакому точному расчету и прогнозированию. Таким образом, русский военно-стратегический план на всю кампанию 1769 г. был ущербен по самой своей сути. В начале 1769 г. Екатерина II одновременно с проектом Архипелагской экспедиции утвердила проект создания тайной миссии, предложенный отставным кавалерийским секунд-майором Н.А. Каразиным и поддержанный П.А. Румянцевым и Н.И. Паниным. Этот проект предполагал организацию антиосманского восстания в Дунайских княжествах и основывался на личном знакомстве и предварительных договоренностях Каразина с рядом влиятельных иерархов и бояр Валахии. Планировалось распространить манифест с призывом к восстанию и среди жителей Молдавии. Однако весь этот проект изначально имел характер почти самоубийственной и едва ли не безнадежной авантюры и всецело зависел от удачи его инициатора, шедшего на огромный личный риск (подробнее см. [Каширин 2022b]). Важно подчеркнуть, что центральное место в проекте Каразина занимала именно более отдаленная Валахия, а в отношении Молдавии никаких специальных и разработанных планов перед началом кампании 1769 г. так и не имелось.

Активные боевые действия передовых частей на молдавской границе начались уже в феврале 1769 г., спустя считанные дни после завершения крупномасштабного набега главных сил Крымского юрта во главе с ханом Крым-Гиреем на российскую Елисаветградскую провинцию (прежнюю Новую Сербию). На обширном пространстве Подольского и Русского воеводств Польши

¹¹ Там же. Стлб. 6.

¹² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 102об.

в это время располагался включенный в состав 1-й армии передовой корпус русских войск, которым командовал генерал-майор князь А.А. Прозоровский (1733–1809), будущий генерал-фельдмаршал. Перед началом кампании 1769 г. он считал первоочередной целью уничтожение опорных пунктов барских конфедератов и провиантских складов турок по обоим берегам Днестра в районе Хотина и Сорок, т.е. вдоль северных рубежей Молдавского княжества.

Пользуясь кратковременной возможностью перейти Днестр по льду, кавалерийские партии (т.е. небольшие подразделения с самостоятельными заданиями) корпуса Прозоровского в течение нескольких дней нанесли ряд скоординированных ударов на пространстве от Сороки до Атак, на линии протяженностью свыше 50 км. 16 февраля отряд подполковника И.Ф. Бринка, при котором находился и сам генерал Прозоровский, вступил в местечко Ямполь и, перейдя Днестр, занял расположенное прямо напротив молдавское село. В документах его название не приведено, но по географическим картам можно определить, что там находилось известное с начала XVI в. село Косоуцы (Косэуць, рум. *Cosăuți*), вотчина Хушского монастыря. Здесь к Прозоровскому явились местные жители во главе со своим капитаном (т.е. старостой) и сообщили ему о желании ради собственной безопасности переселиться во владения России. Прозоровский дал согласие и по своей инициативе предложил им переселяться в пределы опустошенной татарами Елисаветградской провинции. Впоследствии туда направлялись и другие молдаване, бежавшие из разоренного турецкими войсками и татарскими набегами княжества, чем было положено начало новому поселенному в российских владениях Волошскому (Молдавскому) гусарскому полку.

Рапорт Прозоровского князю А.М. Голицыну передает примечательные детали его общения с молдавским капитаном из Косоуц: «А как я оное село за нужно почел сжечь, то я ему объявил, что естли оне не совсем выбрались, то чтоб последнее выбрали, и что я не в кару им, но чтоб турки пристанища не имели, почему оне, досталное выбрав, не допустя войско мое до того труда, сами зажгли, чрез что ваше сиятельство заключить можете, сколь велика их привязанность к нам»¹³. Помимо прочего, косоуцкий капитан сообщил, что «он от своего господаря имеет секретное повеление, как наше войско приблизитца, что во всем вспомоществовать и нашу партию держать»¹⁴. Это сообщение вызвало особый интерес главнокомандующего 1-й армией, который поручил Прозоровскому попытаться отправить лазутчика, чтобы проверить сведения о тайных симпатиях правителя Молдавии к России и установить с ним связь¹⁵. Однако подтверждения данной информации получить тогда так и не удалось, и русское командование до конца воспринимало Григория Каллимаки как недружественную фигуру.

В те же дни партии корпуса Прозоровского согласованно атаковали другие молдавские местечки на Днестре. Утром 17 февраля 1769 г. гусарский капитан К. Палалов с 300 донских казаков, пройдя через Цехановку (Цекиновку), переправился по льду и ворвался в местечко Сороку, важный приграничный таможенный пункт Молдавского княжества. Там он разбил немногочисленный неприятельский отряд и взял в плен девять турок и семь конфедератов, в том числе двух полковников. При этом был уничтожен устроенный турками обширный провиантский магазин (склад), а вся Сорока целиком выжжена. На рассвете 18 февраля партия гусарского капитана Г. Гангеблова заняла

¹³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 289–291.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 288–288об.

Могилёв-Подольский, а капитан В. Тотович с сотней казаков перешел Днестр и захватил расположенное напротив молдавское село Атаки (совр. Отачь, рум. *Otaci*). Занимавшие его турки пытались обороняться в домах, и тогда село было также полностью сожжено. После этого отряды русской кавалерии отступили на левый берег Днестра¹⁶.

Итак, в феврале 1769 г. действия русских войск впервые в ту войну чувствительно затронули территорию самой Молдавии, притом никогда прежде русским солдатам еще не приходилось разорять молдавских местечек. Однако генерал князь Прозоровский в этих разрушительных действиях старался ограничиваться лишь насущно необходимым с военной точки зрения, притом имея в виду и соображения политической целесообразности. Он докладывал князю Голицыну: «Другие ж селы по берегу Днестра, не находя нужды, не жег, дабы ту нацию не привести в огорчение, а против Магилева село Атаки все до последнего двора выжег, толко везде с тем же примечанием, что прежде хозяевам прикажут и со всеми их пожитками из дому выбратца»¹⁷.

В день взятия Атак, 18 февраля, сам Прозоровский переправился на молдавский берег Днестра для разведки, и здесь к нему явились для перехода на русскую службу «арнаутов конных болгар нашего закона девять человек, из которых один харунжей, и принесли с собой их знамя»¹⁸. С этого момента Прозоровский, с разрешения и при полной поддержке Голицына, начал систематическую работу по переманиванию на сторону русской армии арнаутов со службы молдавского господаря (подробнее см. [Каширин 2022a]). Еще в начале февраля 1769 г., получив от разведки донесения о наборе молдавским господарем «гусар», Прозоровский предложил выбрать несколько человек «той же нации из наших старых и надежных гусар» и отправить их переодетыми в «простое платье», чтобы они завербовались в это формирование и начали работу по его разложению¹⁹.

Один из этих гусар-молдаван сумел установить связь с епископом Рэдэуцким Досифеем (Хереску, рум. *Dosoftei Herescu*; ок. 1710–1789), в то время одним из наиболее влиятельных церковных иерархов на севере Молдавии. Поначалу архиерей отнесся к эmissару от русского командующего с подозрением: «Но токмо он ему верить не хотел без писменного виду, опасаясь, чтоб то не был какой подосланной испытатель его прямых мыслей от стороны турков»²⁰. Тогда Прозоровский вторично отправил того же гусара в Рэдэуц (к северо-западу от Сучавы), снабдив его соответствующим «письменным видом» и по собственной инициативе пообещав брату епископа Досифея, в соответствии с его желанием, офицерский чин в одном из гусарских полков русской армии.

12 марта Прозоровский доложил, что посланный гусар вновь вернулся. Примечательно, что для выполнения задания этому тайному курьеру пришлось неоднократно преодолевать расстояние в сотни верст между Рэдэуцким монастырем и главной квартирой Прозоровского по территории, занятой войсками противника, подвергаясь смертельной опасности. По словам посланца, на сей раз владыка Досифей плакал, читая письмо генерал-майора, и дал

¹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 289–291; о том же см.: Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 210.

¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 289–291.

¹⁸ Там же; о том же см.: Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 210.

¹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 201–202об., 207.

²⁰ Там же. Л. 294.

полное согласие сотрудничать с русским командованием и передавать ему данные о противнике, а главное, по словам Прозоровского, «велел меня просить, чтоб, как можно, в Волощищу притти с войском, ибо де турецкого войска весма мало, а провианту и фуража весма доволно»²¹. Епископ Рэдэуцкий предложил скорее занять Молдавию, пока главные силы турецкой армии не прибыли и не опустошили страну, и пафосно заявил: «...последнее, что имеем, российскому войску охотно отдадим»²². Однако в тот период кампании вступление русской армии в глубь Молдавии было неосуществимо, да и устные декларации владыки Досифея никак нельзя было считать конкретным обязательством по снабжению русских войск продовольствием и фуражом.

И тогда же, в феврале 1769 г., Прозоровский с помощью некоего «своего приятеля благонамеренного поляка» установил связь с двумя достаточно влиятельными представителями молдавской светской администрации в северных цинутах (уездах) — великим пахарником (кравчим) Имболтом и черновицким старостой Жоржием. Первый из них был особо примечательной личностью, известной и из молдавских источников. Леон Имбо (фр. *Léon d'Ymbault de Manthay*; ок. 1700—1781), выходец из мелкого французского дворянства, родился на подконтрольной Венеции территории западной Греции, учился в капуцинском монастыре в Пере, затем служил драгоманом французской миссии в Константинополе, а позже перешел на аналогичную службу к господарям Молдавии, выполнял разные дипломатические миссии, затем занимал административные должности. В 1750-е годы он был исправником (правителем) приграничного Сорокского цинута, занимал должность великого пахарника при дворе господаря и, по его собственным словам, также был капитаном его гвардии (о нем подробнее см.: [Felea 2008]).

В письме к Прозоровскому на французском языке 7 февраля 1769 г. сам Имбо сообщил, что ранее, при графе А.И. Остермане, он оказывал услуги российскому правительству в качестве негласного агента и за это даже был награжден патентом на чин «секретаря» (т.е. на один из младших чинов статской службы). Теперь Имбо предлагал русскому командованию услуги в качестве тайного осведомителя, а взамен просил гарантий безопасности для себя и своей семьи, в частности, возможности свободного выезда в Польшу²³. Примечательно, что князь А.М. Голицын запросил Петербург проверить сведения о прежней службе Имбо, однако с этим возникли затруднения: «Просматриваны были реэстры делам, в коллегии иностранных дел находящимся, но по причине краткого тех реэстров содержания никакого известия об нем, Имболте, не сыскано»²⁴, а изучение самих архивных дел отняло бы слишком много времени. Другими словами, важнейшее в разведке дело учета тайной агентуры было налажено в российском дипломатическом ведомстве с вопиющими недостатками. В этой ситуации решили считать заявление Имбо правдоподобным, по сходству его дела с известным делом сердара Луппола Анастасиева. Для поддержания тайной переписки с Имбо русское командование снабдило его специальным шифром на французском языке.

В тот период генералы Прозоровский и Голицын были заинтересованы в тайных контактах с молдавскими сановниками прежде всего ради получения разведывательной информации о турецких войсках и обстановке в княжестве.

²¹ Там же. Л. 398—406.

²² Там же.

²³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 273—274.

²⁴ Там же. Л. 275—276.

Однако благодаря этому уже в самом начале кампании 1769 г., фактически еще до вступления главных сил русской армии на территорию Молдавии, их командованием были установлены ценные контакты с представителями духовных и светских властей в северных цинутах княжества, от Буковины до Сороки.

Перед началом летней кампании 1769 г. главные силы 1-й армии А.М. Голицына сосредотачивались в лагере у деревень Минковцы и Антоновка в 40 км к северо-востоку от Каменца-Подольского и выступили в поход лишь 14 апреля 1769 г.²⁵ По сезонно-климатическим условиям и понятиям военного дела той эпохи, это было обыкновенное время для начала летней кампании. Переправившись 15 апреля через Днестр по наведенному мосту у Калуса и оставив там тяжелый обоз, армия с минимальным запасом боеприпасов и продовольствия двинулась к Хотину, где в то время находился турецкий передовой корпус Кахраман-паши. 19 апреля, в день Пасхи, у стен Хотина произошло первое значительное сражение той войны. Около трех часов пополудни русские войска атаквали. Будучи сбит эффективным огнем русской артиллерии, противник бежал из ретраншамент (полевое укрепление), причем до ближнего боя, по сути, дело так и не дошло. Русские войска преследовали турок до самого палисада крепости и захватили различные трофеи. Возникший во время боя пожар уничтожил бóльшую часть предместья Хотина.

Реляция Голицына о сражении и победе под Хотинем была доставлена в Царское Село вечером 30 апреля. Екатерина II, уже удалившаяся во внутренние покои, после получения донесения вышла и вместе со свитой проследовала в придворную церковь для молебна, куда, несмотря на ночное время, собралось множество местных жителей и чинов гвардии. На следующий день, 1 мая, императрица специально прибыла из Царского Села в Санкт-Петербург для торжественного оглашения новости об одержанной победе, в честь которой артиллерия Санкт-Петербургской и Адмиралтейской крепостей дала салют из 101 залпа; был отслужен благодарственный молебен, на котором присутствовал весь столичный генералитет и иностранные послы²⁶. Столь широкое празднование объяснялось первой победой российских войск не только в ту войну с Турцией, но и с самого начала царствования Екатерины II.

И тем большее удивление и разочарование вызвала следующая реляция Голицына от 20 апреля, в которой он сообщал об отступлении 1-й армии. Оказалось, что ни о каком взятии крепости «с наскока» или тем более способом военной хитрости не могло быть и речи. Русская армия не только не имела осадного парка, но и испытывала трудности со снабжением, почти израсходовав имевшийся минимальный запас провианта и артиллерийских боеприпасов²⁷. В этих условиях Голицын принял решение о возвращении к своим провиантским складам. Уже 21 апреля русская армия отошла от Хотина, а 24 апреля переправилась обратно через Днестр. Как представляется, именно это первое весеннее отступление от Хотина особенно сильно раздражило императрицу, поскольку обернулось ее личным конфузом перед столичным обществом и, через иностранных дипломатов, перед всей Европой. В дальнейшем это событие омрачало ее отношения с генералом Голицыным в ту кампанию.

Первая серьезная заминка князя А.М. Голицына означала автоматическое повышение котировок «Панинской партии». Именно графу Никите Панину было доверено составление текста ответного рескрипта Голицыну, в котором

²⁵ Там же. Л. 334–335об.; ЖВД 1769. С. 5.

²⁶ Журнал камер-фурьерский, 1769 года. С. 68–74.

²⁷ См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 341–342об.

весьма желчно выражалось недовольство реляцией об отходе русской армии за Днестр: «Тем с большим удивлением не находим мы в ней изображения довольных резонов, кои несумненно вас в такую крайность поставили, чтоб на завтра выпустить из своих рук одержанную славу отверстия первой кампании и весь приобретенной авантаж над неприятелем»²⁸. Тем же рескриптом Голицыну предписывалось изыскать любые средства для возобновления наступательных действий, а заодно, по сути, сообщалось о неполном доверии к нему. Отныне все важные решения по командованию он должен был подкреплять протоколами военного совета генералов армии: «Сверх сего мы надеемся, что вы не оставите впредь присылать к нам обстоятельные протоколы держанных по случаям у вас советов с их положениями»²⁹. И в дальнейшем Голицын неукоснительно выполнял это безусловно обидное для него повеление.

Май 1769 г. стал периодом затишья в военных действиях на Днестре. Русская 1-я армия доукомплектовывалась и пополняла запасы в лагере у села Деражня близ Летичева и Меджибожа, где находился главный провиантский склад, более чем в 100 км к северо-западу от Хотина. А основные силы османской полевой армии в это время завершали сосредоточение у Бабадага в Северной Добрудже. В течение большей части мая 1769 г. шли работы по наведению большого понтонного моста через Дунай у Исаки. 21 мая сам великий визирь со своей ставкой переправился по нему на северный берег³⁰.

В это время в Молдавии происходили важные события, имевшие большие политические последствия. Прежняя деятельность генерала Прозоровского по разложению арнаутских формирований на службе молдавского господаря принесла особо крупные плоды. 7 мая к находившемуся с конной партией в Покутье гусарскому капитану М. Ангелову «явились служащие у волоцкого господаря капитанов три с тремя знамями и при них команды арнаутов шездесят пять человек со всем вооружением, в том числе два раненые по случаю пробирающиеся чрез турецкое войско к нашему войску»³¹.

Молдавский источник проясняет подоплеку этого события. По сообщению летописи Енаки Когэльнічану, арнауты господарской службы ходили вооруженными по улицам Ясс; турки попытались их разоружить, и это привело к кровопролитию. Желая пресечь беспорядки, турецкий паша приказал повесить еще двоих арнаутов. Тогда эти наемники втайне сговорились между собой перейти на сторону русских и целым конным отрядом двинулись из Ясс к реке Прут. Узнав об этом, турки выслали погоню, но арнауты спешили, дали бой и нанесли поражение преследователям, после чего благополучно исполнили свое намерение³².

В дальнейшем такие переходы продолжались, и в итоге в мае — начале июня 1769 г. на сторону русских перешла значительная часть военных сил молдавского господаря Григория Каллимаки. Тот безуспешно пытался оправдаться перед великим визирем, который как раз тогда прибыл с главными силами к урочищу Рябая Могила на Пруте. Несомненно, переход молдавских арнаутов на сторону русских в мае 1769 г. послужил для турок весомым доказательством

²⁸ Там же. Л. 122об.

²⁹ Там же. Л. 124об.

³⁰ См.: Рассказ Ресми-эфендия. С. 20.

³¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 541. Об этом же см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 363–364об. Сообщение было почти дословно воспроизведено и в Журнале военных действий, с тем лишь уточнением, что эти арнауты были христианами. См.: ЖВД 1769. С. 20–21.

³² [Kogălniceanu E.] Leatopisețul Țerei Moldovei. P. 261–262.

измены правителя Молдавии. Уже 14 июня 1769 г. он был смещен с престола и арестован, а 28 августа (8 сентября) того же года казнен в Константинополе³³.

Таким образом, принятые князем Прозоровским меры по разложению арнаутских формирований не только нарушили соответствующие планы неприятеля, но и привели к падению и гибели недружественного России господаря Григория Каллимаки, появлению в рядах русской армии отрядов арнаутов, незаменимых для решения определенных задач, а также создали основу для последующего широкого набора на службу в русскую армию добровольцев из числа жителей княжеств.

После продлившейся почти полтора месяца дополнительной подготовки 1-я армия Голицына была готова начать новое наступление. 23 июня она подошла к деревне Самошин на левом берегу Днестра, где скрытно наводился мост для переправы, с 24 до полудня 25 июня армия перешла через Днестр и двинулась к Хотину³⁴. 2 июля под стенами Хотинской крепости русские войска встретили передовой турецкий корпус под командованием румелийского сераскера³⁵ Мехмет-паши. Будучи потеснены русским авангардом, турки не приняли генерального сражения. Часть их отступила на юг, а значительные силы укрылись в стенах крепости. И вновь, как и в минувшем апреле, не сбылись надежды на повторение ситуации 1739 г., когда победа в полевом сражении повлекла быструю сдачу Хотина. Ближайший артиллерийский осадный парк находился в Киеве, и в течение всей кампании 1769 г. так и не было найдено конского состава для его передвижения. В этих условиях у Голицына не оставалось иного выбора, кроме как пытаться принудить противника к сдаче путем блокады и «бомбардирады» внутренностей крепости полевой артиллерией. Избыточная численность и скученность гарнизона делала неизбежными большие потери от этих обстрелов и голода, так что план имел весомые шансы на успех.

Период блокады Хотина в июле 1769 г. был ознаменован новыми, более активными контактами русского командования с представителями молдавской политической элиты. Уже 4 июля, спустя два дня после прибытия Голицына под Хотин, к нему прибыли «от молдавских так называемых бояр» несколько «чиновных людей с поклоном и с представлением своих услуг»³⁶. В ответ на это Голицын писал к ним, «чтоб они в доказательство своего усердия на первой случай прислали сюда сколько их сил и возможностей будет, всяких съестных припасов или хотя одних печеных хлебов, а в то же время по объявлению сих присланных о спрятанном внутри Молдавии по разным местам скоте, велел нарочныя команды для забрания отправить»³⁷. Затем 11 июля к Голицыну вновь явились «из разных молдавских мест и деревень несколько чиновных людей и дворян» с «поклоном» и просьбой о покровительстве³⁸.

После этого появились посланцы от высшего духовенства. В реляции от 13 июля Голицын докладывал: «Вчерашняго числа приезжали ко мне из двух здешних монастырей от молдавского митрополита Якова (Путнянского,

³³ См.: *Documente privitoare la Istoria Românilor, Urmare la colectiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaki. Supplement I. Vol. I. 1518–1780. P. 788–789.*

³⁴ ЖВД 1769. С. 36.

³⁵ *Seraskîr, seraskér* (тип. *serasker*) — в Османской империи высокая военная должность, главнокомандующий, начальник войск на отдельном театре военных действий. Сераскир назначался из числа двух- или трехбунчужных пашей, т.е. из чинов, соответствовавших российским генерал-поручику или генерал-аншефу.

³⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 461–462.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 469–470об.

бывшего митрополита Молдавии. — В.К.) и епископа Досифея Радауского по несколько чиновных монахов и светских людей с хлебом и солью и с писмами, содержащими в себе поздравление со внесением в здешнюю землю победоносного Вашего Императорского Величества оружия, моление ко Всевышнему о дальних успехах противу нечестивых варваров и прошение о Монаршей Вашей к ним и к их православному обществу милости и покровительстве, чем я их в ответных моих писмах и обнадежил, послав притом и писменные салвогардии³⁹, которых они на свои деревни требовали»⁴⁰. Таким образом, именно высшее духовенство Молдавии выступило в авангарде установления союзнических отношений с русским командованием. Но примечательно, что в те недели никак не проявил себя правящий митрополит Гавриил (Каллимаки), дядя низложенного господаря Григория, фактически — вторая по влиянию фигура во властной иерархии княжества.

В течение нескольких недель были достигнуты принципиальные договоренности и с ключевыми представителями светских властей. 7 июля Голицын докладывал, что получил письмо с информацией о противнике от «одного молдавского и в делах неприятеля употребляющего[ся] чиновного человека». Этот человек — стольник Константин Когэлничану, служивший в тот период исправником (главой местной администрации) сразу в трех цинутах в центральной части северной Молдавии — Дорохой, Ботошань и Хырлэу. Связь с ним была установлена через подполковника Н.А. Каразина, несколькими днями ранее доставившего ему салвогвардию от главнокомандующего⁴¹. Фактически на сторону России явочным порядком начали переходить местные структуры власти Молдавского княжества.

При этих взаимных контактах обе стороны достаточно открыто обозначали предмет своего первостепенного интереса. Молдавским боярам и церковникам в тот период более всего была нужна защита их вотчин от реквизиций и любых иных поборов со стороны вступивших в северные цинуты княжества русских войск. Князю Голицыну же были необходимы поставки продовольствия и фуража, с чем он связывал успех действий под Хотинком. В реляции от 9 июля главнокомандующий писал: «...а особливо естли и подаваемая в том от молдавцов надежда не обманет, армия Вашего Императорского Величества на здешней стороне (Днестра. — В.К.) никакой нужды понести не может»⁴². При этом Голицын охотно давал соответствующие письменные салвогардии, а молдавские сановники — устные обещания предоставлять снабжение армии под Хотинком. Однако ограниченность ресурсов представляла серьезное препятствие для развития наступления. Голицын докладывал: «А в протчем сии молдавцы при всем своем к нашей стороне являемом усердии не могли, однако ж, уверить, чтоб армия

³⁹ Салвогвардия — охранный лист, дававшийся командованием армии конкретным лицам и населенным пунктам в целях предотвращения возможных насилий, грабежей и бесконтрольных реквизиций со стороны войск.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 474—475.

⁴¹ Там же. Л. 471—471об; там же. Л. 472—472об.

Ранее в книге о подполковнике Н.А. Каразине, еще не использовав данные документы, я высказал предположение о том, что этот офицер, вернувшись в начале июня 1769 г. из эпически трудной и опасной миссии в Валахию, в течение лета отдыхал и восстанавливал силы при главной квартире 1-й армии. Однако реляции Голицына свидетельствуют, что уже в июне Каразин вновь выполнял важные разведывательно-дипломатические задания, на сей раз по установлению связей с высшим молдавским боярством. И это служит еще одним подтверждением того, что в 1769 г. Каразин играл выдающуюся роль в политике России в отношении Дунайских княжеств и проявлял при этом исключительную энергию и выносливость.

⁴² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 468—468об.

Вашего Императорского Величества при вступлении своем далее в Молдавию достаточное себе пропитание от сея земли найти могла, потому что турки и без того уже тамошних жителей всем и так ограбили, что им самим к пропитанию единственно только на нынешнюю жатву надежда остается»⁴³.

Одновременно с блокадой Хотина главными силами русской армии, передовой корпус легких войск Прозоровского был выдвинут дальше в глубь Молдавии. Его разведывательные партии заняли город Ботошаны, ключевой дорожный узел в северной части княжества, а передовые разъезды приближались и к столичным Яссам. Ключевую роль здесь играл отряд арнаутов под командованием капитана М. Ангелова. Действуя в качестве тайных лазутчиков, они помогли завязать и поддерживать связи с пророссийски настроенными молдавскими боярами в столице княжества. Этому весьма благоприятствовал и краткий период безвластия в Яссах, поскольку до прибытия нового господаря Константина Маврокордата бояре чувствовали себя гораздо свободнее в делах и помыслах и говорили русским лазутчикам даже о готовности поднять вооруженное восстание.

8 июля Прозоровский докладывал Голицыну: «Посланные мои отставной гусарской вахмистр и Черного гусарского полку гусар в Ясах с письмом от меня к боярам были, из которых вахмистр ко мне возвратился от бояр с тем уверением, что провиантов и фуражей есть доволное число и еще заготовлять будут, толко чтоб ваше сиятельство с армией туда придвинулись»⁴⁴. 10 июля капитан М. Ангелов сообщил, что, двигаясь по Ясской дороге, он прибыл в местечко Ботошаны и отправил оттуда на разведку дальше к Яссам отставного вахмистра Ивана Сакадотьева с донскими казаками, а также группу волонтеров под началом арнаутского капитана Гаврилы. Эта передовая партия Ангелова, «подъехавши близ Яс, послали от себя одного арнаутского капитана Рудя, перебравшись в мужичье платье, которой и был в Ясах у самых панов волосских, где и застав тысяч до двух турков, да столко ж в окружности Ясов было, но из них больше в Ясах не осталось, как до пяти сот, и Караман паша раненой и визиря чоходар со всею казною визирскую там находитца и капица баша, которой на место господаря волоскаго, и конфедерацкой весь обоз близ Яс в суконной фабрике от Ясов в 7^{ми} верстах, а до двух тысяч турков в окружности Ясов находятца, а протчие ушли, и так волоския паны онаго капитана Рудя тайным образом из Ясов отправили при своих двух верных людях к нам, где я с остальною командою находился, которая волоския паны чрез своих людей весма просили, чтоб войска российского прислать хотя до двух тысяч, а и они с своими людьми помочь дадут, чтобы оных турков разбить и разогнать»⁴⁵.

Получив столь ценные данные разведки, Прозоровский задумал было совершить внезапное нападение на Яссы, чтобы завладеть турецкой казной, и даже послал к Ангелову на подкрепление два эскадрона гусар и триста казаков⁴⁶. Но затем дополнительная разведка показала, что в Яссах имелись обнесенный каменной стеной дворец господаря, еще один каменный монастырь,

⁴³ Там же. Л. 469–470об.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 686–687; о том же см.: Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 287; ЖВД 1769. С. 51.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 688–688об.; о том же см.: Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. С. 288; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 474–475.

⁴⁶ См.: РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1825. Л. 693.

пригодный для обороны, а также несколько пушек. Это вынудило Прозоровского отложить свой план⁴⁷.

Таким образом, в июле 1769 г., в период блокады Хотина, русским командованием были развиты и упрочены прежние и завязаны новые контакты с представителями высшего молдавского духовенства и боярства. В политическом отношении занятие Молдавии было в значительной мере подготовлено, однако необходимым условием для этого оставалась военная победа над турками под Хотинном.

Блокада и «бомбардирада» Хотинской крепости быстро сделали положение ее многочисленного гарнизона отчаянным. Получив известия об этом, великий визирь, стоявший в то время с главными силами при Бендерах, отказался от замысла планов вторжения в Елисаветградскую провинцию и двинулся на выручку Хотинской крепости. С приближением главных сил турок Голицын был вынужден 25 июля снять блокаду Хотина, чтобы собрать свои войска в единый кулак для встречи противника. Однако турки не пошли на полевое сражение, а вместо этого стали активно укрепляться в лагере на труднодоступном возвышенном месте близ крепости. В этой ситуации русский главнокомандующий, как и никто другой до него в истории русско-турецких войн, не решался на штурм укрепленного лагеря главных сил османской армии. За четыре недели стояния под Хотинном русские войска не испытывали недостатка продовольствия, однако ситуация с фуражом для лошадей стала критической: блокирующие крепость войска опустошили окрестности на десятки верст. В результате конница 1-й армии временно практически утратила боеспособность, последствия чего ощущались и позднее, даже в кампанию 1770 г. Из-за этого Голицын был ограничен в возможности атаковать противника, имевшего огромное превосходство в коннице, и также тревожился за безопасность своих коммуникаций на левом берегу Днестра.

В этих условиях Голицын, заручившись согласием военного совета генералов армии, принял решение отступить обратно на левый берег Днестра, чтобы иметь возможность встретить турок на выгодной оборонительной позиции. Переправа была осуществлена в полном порядке в течение ночи с 1 на 2 августа 1769 г. В реляции 2 августа Голицын так объяснил это решение: «Когда уже возможности не было ни крепость взять, ни сего неприятеля без отваги (т.е. без риска. — В.К.) атаковать, и не оставалось мне, Всемилостивейшая Государыня, как в самом деле о немедленном переходе на другую сторону Днестра в Польше переходе помышлять, не от опасности сил неприятельских, но единственно для того, чтоб без всякого предмета и намерения под Хотинном далее не стоять и чтоб происходящие от оскудения фуража вредные для всей нашей конницы следствия благовременно и тем паче отвратить, что неприятель множеством имеющейся при нем конницы не токмо пред нами во всем усиливаться стал, но и на другую сторону Днестра для нанесения всяких нам препятствий легко уделить мог»⁴⁸.

Реляции Голицына 31 июля и 2 августа были прочитаны в Совете при Высочайшем дворе на заседании 13 августа 1769 г. Известие о вторичном отходе 1-й армии за Днестр переполнило чашу терпения императрицы, и на том же заседании было объявлено ее решение об отзыве Голицына в Петербург и назначения на его место графа П.А. Румянцева из 2-й армии, которая, в свою очередь, вверялась генерал-аншефу графу П.И. Панину⁴⁹. Таким образом,

⁴⁷ См. там же. Л. 697.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 507–508об.

⁴⁹ Архив Государственного совета. Т. 1. Стлб. 31.

командование обеими полевыми армиями оказалось в руках сторонников «Панинской партии». Однако в силу факторов времени и пространства Румянцев смог прибыть к войскам 1-й армии лишь 17 сентября 1769 г. До этого времени Голицын продолжал оставаться в прежней должности, и как раз в эти недели и произошли решающие события всей кампании 1769 г.

Осторожная стратегия прежнего главнокомандующего наконец полностью оправдала себя. В оборонительном генеральном сражении 29 августа 1769 г. при деревне Руда и в Рачевском лесу на «польском» берегу Днестра, напротив Хотина, русская 1-я армия нанесла поражение главным силам великого визирия Молдованджи Али-паши, которые переправились через реку по наведенному ими понтонному мосту⁵⁰. А затем 6 сентября сильный паводок на Днестре разрушил этот мост, и отборный турецкий авангард силой до 12 тыс. человек под началом двухбунчужного паши Орай Углу оказался отрезан от основных сил на левом берегу в предмостном укреплении у села Брага. Голицын решил воспользоваться этим и в ту же ночь, с 6 на 7 сентября, атаковал своими отборными силами. Восемь гренадерских батальонов «резервного корпуса» и двенадцать гренадерских рот из пехотных полков, разделенные на четыре отдельные колонны под началом лучших полковых командиров русской армии, в ночной тьме, при проливном дожде, в непролазной грязи и слякоти штурмовали и взяли турецкий предмостный ретраншемент; большинство защитников были переколоты штыками⁵¹.

На следующую ночь с 7 на 8 сентября Голицын приказал установить прямо на берегу Днестра несколько артиллерийских батарей, и утром началась бомбардировка османского лагеря, располагавшегося на противоположном берегу реки под стенами Хотина [Петров 1866, 253]. Эти события стали переломным моментом всей кампании 1769 г. Пришедшая к Хотину огромная по численности османская армия и так испытывала огромные трудности со снабжением продовольствием; войска уже были деморализованы неудачными боями. А катастрофа авангарда на северном берегу Днестра и «канонада и бомбардирада» лагеря привели к окончательному психологическому надлому. Армия великого визирия, не будучи разгромлена в полевом сражении, начала стихийное и неуправляемое отступление, фактически — бегство в направлении Бендер и Дуная.

В ночь с 8 на 9 сентября 1769 г. турки оставили Хотин без боя. На следующее утро это обнаружили казаки, с немалым трудом переплывшие через поднявшийся Днестр на разведку. Сразу после этого на найденных турецких паромах переправились 1-й и 3-й гренадерские полки под командой генерал-поручика барона И.К. фон Эльмпта, и сильнейшая твердыня на северных рубежах Османской империи пала. При этом сам момент ее взятия получил почти курьезный характер: «Переправясь против сей крепости, нашел он (Эльмпт. — В.К.) ее со всех сторон запертой, так что принужден находился приказать не токмо нарочно отправленную с полковником Мелисиным командой ворота отбивать, но в то же время и некоторому числу гранодер при майоре Врангеле и капитанах Гензеле и Стакельберге чрез стену перелазить»⁵². «По отворении наконец ворот вошел он туда со всей командой и паки нашел, что сия крепость, несмотря на ея важность, неприятелем совершенно и так оставлена, что покинуто в оной только человек с дватцать мужеска и женска пола

⁵⁰ См.: ЖВД 1769. С. 86–90; [Петров 1866, 239–246].

⁵¹ См.: ЖВД. 1769. С. 93–97, 103; [Петров 1866, 251–253]; [Ahmed Vasif]. Précis historique. P. 55–56.

⁵² РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 575–576об. О том же см.: ЖВД 1769. С. 98–99.

по большей части престарелых»⁵³. Высланные вскоре кавалерийские партии не смогли обнаружить турок нигде поблизости от Хотина.

10 сентября князь А.М. Голицын со всем штабом и европейскими волонтерами переправился на паромах через Днестр, после торжественного молебна и салюта осмотрел Хотинскую крепость и найденные в ней многочисленные трофеи. И в этот же день главнокомандующий написал письмо тайному союзнику России великому спэтару⁵⁴ Валахии Пырву Кантакузино, в котором с нескрываемой радостью сообщил, что «ключ всей Молдавской земли, то есть важная неприятельская крепость Хотин победоносному Ея Императорского Величества оружию действительно покорена»⁵⁵. Одновременно с этим был составлен и манифест к жителям Молдавии с призывом преследовать и истреблять бегущего неприятеля⁵⁶. С письмом для П. Кантакузино и этим манифестом в глубь княжества первым был отправлен подполковник Н.А. Каразин с приданной ему небольшой партией арнаутов и казаков.

Именно тогда, сразу после неожиданного падения Хотина, князь Голицын, не имея никаких указаний из Петербурга, по собственной инициативе принял важное, поистине судьбоносное решение — уже осенью, под занавес кампании того года, занять территорию Молдавии. Отчасти это повторяло действия Миниха в 1739 г., но теперь, в начале новой войны с Турцией, это означало, что русским войскам придется впервые в истории остаться зимовать в Молдавском княжестве и начать его долговременную оккупацию. Как докладывал Голицын в реляции 10 сентября, он распорядился направить корпус отборных войск под началом генерал-квартирмейстера 1-й армии генерал-поручика барона И.К. фон Эльмпта «для дального преследования бегущаго неприятеля, для занятия молдавского столичного города Яс и для приведения к присяге в верности всех чинов и жителей сего теперь во власти уже Вашего Императорского Величества находящагося княжества, а предварительно рассылаю туда о том нарочно сочиненные письменные манифесты»⁵⁷.

12 сентября Голицын дал Эльмпту подробную инструкцию, которая предписывала тому двигаться прямо к Яссам, попутно высылая легкие партии для поиска неприятельских сил, и одновременно созывая представителей местной знати в столицу княжества. Последних следовало собрать в главной городской церкви и устроить торжественную присягу на верность императрице Екатерине II. Главнокомандующий обращал особое внимание на строжайшее соблюдение дисциплины, недопущение насилий над жителями и отказ от взимания любых контрибуций и сборов⁵⁸.

Дождливая погода, осенняя распутица и нехватка паромов и понтонов позволили основным силам И.К. фон Эльмпта закончить переправу через Днестр лишь к 17 сентября⁵⁹. 18–20 сентября его войска переправились через реку

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Спэтар*, великий спэтар (рум. *spătar*, *mare spătar*, от греч. *σπαθάριος*, досл. «меченосец») — в средневековом княжестве Валахия высокий придворный боярский чин. В обязанности спэтара входило ношение меча и буздугана (булавы) господаря на церемониях. Позднее великий спэтар был командующим конницей или, в отсутствие господаря, главнокомандующим всеми вооруженными силами. Примерно соответствовал чину хатмана (великого хатмана) в Молдавии.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 584–584об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 575–576об. О том же: ЖВД 1769. С. 100–101.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 581–582.

⁵⁹ Там же. Л. 595–601.; о том же см.: ЖВД 1769. С. 103–104.

Прут у деревни Крива⁶⁰ и двинулись к Ботошанам, первому на их пути значительному городу на севере Молдавии. Легкий корпус Прозоровского от Днестра следовал отдельным путем, прикрывая Эльмпта, а потом двинулся к урочищу Рябая Могила на Пруте. К 22 сентября оба корпуса соединились в Ботошанах (Прозоровский прибыл туда на два дня раньше). Здесь их встретили и приветствовали представители молдавского боярства и духовенства из окрестных монастырей. С приветственной речью на русском языке выступил известный церковный деятель архимандрит Паисий (Величковский; 1722–1794), настоятель монастыря Драгомирна и уроженец Полтавы. По словам Эльмпта, манифест Голицына о вступлении русских войск в Молдавию был уже широко известен в княжестве⁶¹, очевидно, во многом благодаря действиям Каразина, проследовавшего через те места на юг примерно неделей ранее. И это также облегчило задачу командующих русским авангардом по привлечению молдавской аристократии на сторону России.

Оставив большую часть сил при Ботошанах, генерал Эльмпт, для скорости взяв всего четыре батальона grenadiers, егерский корпус и легкую конницу, двинулся к столице Молдавии. Высланная вперед к Яссам конная партия подполковника Желтого гусарского полка Ивана Хорвата «вошла с отменной скоростью и храбростию во оной город, где найдено турок и конфедератов до осмидесяти, ис которых ни один не спасся, все перерублены»⁶². Точная дата занятия Ясс конным авангардом в документах русского командования не приводится, но, согласно записям оказавшегося там французского дипломата П. Рюффена, это произошло 1 октября, т.е. 20 сентября по старому стилю [Deherain 1923, 25]. А 26 сентября (7 октября) 1769 г. сам генерал-поручик Эльмпт с главными силами вверенного ему корпуса торжественно вступил в Яссы. И в этот же день в новом кафедральном соборе города состоялась возглавленная митрополитом Гавриилом (Каллимаки) торжественная церемония присяги молдавского боярства на верность императрице Екатерине II.

Однако далеко не все представители молдавской знати сочувствовали России и поддерживали ее. Назначенный Портой господарь Константин Маврокордат со своими сторонниками бежал на юг, к Дунаю, где под контролем турок оставался главный торговый порт Молдавии – Галац – а также крепости Браилов, Измаил и Килия. Кроме того, турки сохранили важные крепости Бендеры на Днестре и Аккерман на Днестровском лимане. Крупные силы Крымского юрта во главе с ханом оставались сосредоточены в Буджаке и готовились с наступлением холодов совершить опустошительные набеги на восточные цинуты Молдавского княжества (будущую Бессарабию) под предлогом наказания местных жителей за измену. Так что продолжение ожесточенной борьбы было неизбежно.

В сентябре 1769 г., осмысливая складывающуюся новую военно-политическую реальность, глава внешнеполитического ведомства России граф Н. И. Панин выдвинул смелую идею – вписать решение вопроса о судьбе Молдавии в общий процесс умиротворения Речи Посполитой и закрепления там российского влияния. В связи с этим 30 сентября 1769 г. (т.е. еще до того, как известие о занятии Ясс могло достичь Петербурга) в письме послу в Варшаве князю М. Н. Волконскому он писал: «Присоединение Молдавии к Российской державе никогда нам полезным быть не может; она не в состоянии ни против

⁶⁰ В современном Бричанском районе Республики Молдова.

⁶¹ См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1847. Л. 9–12об.; о том же см.: ЖВД 1769. С. 107–110.

⁶² Там же.

кого сама себя защищать, а отдаление ее от наших границ всегда обременит больше нашу собственную защиту, возвращение же ее в старинное польское владение не только обяжет существительным образом к России польскую республику, но и подаст нам еще вновь естественный способ наипаче утвердить и обеспечить в пользу нашей инфлюенции, уже независимо от диссидентов протестантского исповедания, одно наше единоверие»⁶³. Однако Екатерина II, первоначально одобрявшая идею Панина, затем начертала на ответной депеше Волконского: «Молдавия завоевана русскими войсками»⁶⁴. И эти слова ясно указывали, что Молдавское княжество воспринималось правительницей России как важный трофей, от которого она не собиралась так просто отказаться и тем более переуступить его кому-либо.

* * *

События Днестровской кампании 1769 г. красноречиво свидетельствуют, что российское руководство в начальный период войны с Османской империей не было в достаточной степени подготовлено ни к ведению борьбы на территории Молдавия, ни к работе по привлечению на свою сторону правящей элиты и населения княжества. Стратегический план кампании 1769 г., разработанный в ноябре – декабре 1768 г., демонстрировал неизбежные изъяны поспешного коллективного творчества, как и следы соперничества различных партий при дворе и в высшем военном руководстве империи. Главное, практически неразрешимое его противоречие заключалось в постановке задачи по овладению Хотинем – ключом всей Молдавии – без возможности доставить под его стены осадный артиллерийский парк. Помимо отсутствия продуманных стратегических военных планов, существовала нехватка информации о политической ситуации в Молдавии, о расстановке сил в ее правящей верхушке, о партиях и кланах молдавского боярства, не говоря уже о топографических картах и статистических данных о Дунайских княжествах. Все это, несомненно, следует признать упущением петербургского кабинета и персонально Н.И. Панина, который до начала войны единолично руководил внешней политикой империи и был чрезмерно сконцентрирован на задаче по подчинению Польши.

Отсутствие разведывательной и политической подготовки пришлось компенсировать методами активной творческой импровизации, что вообще было присуще внешней политике России в начальный период правления Екатерины II. Инициативы выдвигались на самых разных уровнях – от высших сановников империи (проект Архипелагской экспедиции братьев Орловых) до простых армейских командиров (генерал-майор А.А. Прозоровский) и даже частных лиц (отставной секунд-майор Н.А. Каразин и др.). А успехи подобного стихийного творчества в кризисных условиях всегда являются показателем общей эффективности государственного механизма, его системы кадрового отбора, служебных и личных достоинств выдвигаемых для ответственных поручений людей.

В период командования 1-й армией в 1769 г. генерал-аншеф князь А.М. Голицын не принимал каких-либо выдающихся полководческих решений, не отмечился смелыми маневрами, решительными атакующими действиями против главных сил противника (как это делал Румянцев в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле в кампанию 1770 г.). Основные полевые баталии Голицына

⁶³ Сборник Русского исторического общества. Т. 87. С. 502.

⁶⁴ Там же. С. 510.

проводил оборонительно, добиваясь истощения турецких сил в безуспешных атаках на позиции русских войск. Его стратегия неизменно была реалистической и осторожно-прагматичной. Важно подчеркнуть, что генерал-аншеф в течение всей кампании действовал в рамках данных ему перед началом кампании стратегических директив, и при этом имел мужество ставить интересы вверенной армии выше политических и своих личных карьерных интересов. Помимо руководства военными действиями, Голицын не пренебрегал политическими вопросами и всемерно поддерживал любые предприятия и начинания, направленные на сближение Молдавии с российской стороной. Избранная им линия увенчалась успехом как в военном, так и политическом отношении. Приведенные в этой статье данные должны по меньшей мере способствовать пересмотру установившихся в историографии тенденциозных оценок и суждений о деятельности Голицына в ходе кампании 1769 г. и обосновать необходимость дальнейшего подробного исследования военных событий того года по сохранившемуся достаточно большому комплексу документальных материалов походной канцелярии главнокомандующего 1-й армией.

Кампания 1769 г. также оказалась исключительно насыщена различными примечательными эпизодами взаимодействия русской армии и населения Молдавии. Ключевой фигурой и главным действующим лицом здесь выступил командующий передовым корпусом генерал князь А.А. Прозоровский, который во многом по собственной инициативе с самого начала боевых действий, с февраля 1769 г., развил бурную деятельность по установлению разведывательных и политических контактов с влиятельным духовенством и представителями боярства северной части Молдавского княжества.

С самого начала войны, несмотря на неизбежные эксцессы военного времени, ярко и несомненно проявились симпатии к России широких слоев населения Молдавии. А установленные разведывательно-агентурные контакты с представителями высшего молдавского духовенства и частью боярства достаточно быстро переросли уже в политические связи и предварительные договоренности. Впрочем, командование русской армии воспринимало это трезво и прагматично, понимая, что даже самые горячие русофильские эмоции еще не означали действительную готовность молдавской элиты оказывать необходимую материальную помощь российским войскам.

В период блокады русской армией Хотина в июле 1769 г. контакты русско-го командования с пророссийской партией приобрели широкий и систематический характер. И вновь ведущую роль здесь сыграли командир передового корпуса генерал А.А. Прозоровский и тайный эмиссар подполковник Н.А. Каразин, неизменно пользовавшиеся доверием и поддержкой Голицына. Наряду с успехами войск русской 1-й армии их деятельность смогла заблаговременно, еще до падения Хотина, подготовить и необходимые политические и организационные условия для занятия большей части территории Молдавии, длительного пребывания в княжестве и использования его в качестве стратегического ближнего тыла в только начинавшейся большой войне против Османской империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЖВД 1769 – Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества 1769 года. СПб., [1770].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1.
Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского. Ч. I. 1767—1769 / со-
общ. М.О. Судиенко // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских
при Московском университете. 1865. Кн. 1. С. I—II, 1—270; Ч. II. 1770—1774 // Там же. 1865.
Кн. 2. С. 1—330;
Архив Государственного совета. СПб.: в Типографии Второго отделения Собственной Е.И.В. Кан-
целярии, 1869. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768—1796 гг.). 1072 с.
ЖВД. 1769.
Журнал камер-фурьерский, 1769 года: Церемониальный, банкетный и походный журнал
1769 года. [СПб.], б.г.
Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756—1776).
М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 2003.
Мышлаевский А.З. Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция). Материалы, извлеченные
из архивов: Государственного, Военно-Ученого, Главного Морского, Канцелярии Военного
Министерства, С.-П.-Б. Артиллерийского Музея, Рижского Генерал-Губернаторского, Акаде-
мии Наук и Рукописного Отделения С.-П.-Б. Императорской Публичной Библиотеки / Издание
Военно-Ученого Комитета Главного Штаба // Сборник военно-исторических материалов. Вы-
пуск XII. СПб., 1898;
П.А. Румянцев / сост. Е.П. Воронин; под ред. П.К. Фортунатова. М.: Воениздат, 1953. Т. II.
1768—1775. 864 с.
Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1960. Т. 9. Январь — декабрь 1709 г. Вып. 1, 2.
Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции
с Россией (1769—1776) // Библиотека для чтения. 1854. Март. Т. 124. Ч. 1. С. 20.
РГВИА. Ф. 10. Гусарское повытье канцелярии Государственной Военной коллегии. Оп. 2/109;
Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16.
Россия и освободительная борьба молдавского народа против Османского ига (1769—1812) / под
ред. Н.А. Мохова и Д.М. Драгнева. Кишинев, 1984.
Сборник Русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 87. Политическая переписка импе-
ратрицы Екатерины II. Ч. 5. 1768—1769 гг.
Фельдмаршал Румянцев: Сб. документов и материалов / под ред. Н.М. Коробкова. М.: ОГИЗ —
Государственное издательство политической литературы, 1947. 408 с.
Acte și fragmente cu privire la istoria românilor adunate din depozitele de manuscrise ale Apusului de
Neculai Iorga. Vol. 1. București: Imprimeria Statului, 1895.
[Ahmed Vasif]. Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes depuis l'année 1769 jusq'ua
l'année 1774 tiré des annales de l'historien turc Vassif Efendi par P.A. Caussin de Perceval, professeur
d'arabe vulgaire à l'Ecole royale et spéciale des langues orientales. Paris: Chez Le Normant, imprimeur-
libraire, 1822.
Documente privitoare la Istoria Românilor, culese de Eudoxiu de Hurmuzaki. Bucuresti: Academia
Română, Ministerul Cultelor și Instrucției Publice, 1876. Vol. VII. 1750—1818.
Documente privitoare la Istoria Românilor. Urmare la colecțiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaki.
Suplement I. Vol. I. 1518—1780. Bucuresti, 1886.
[Kogălniceanu E.]. Leatopisețul Țerei Moldovei de la domniea ântâiului și până la a patra domnie a lui
Constantin Mavrocordat V.V. Scris în Țarigrad de Enaki Kogălniceanu, biv vâtaf de aprozi
(1733—1744) // Cronicele României seu Letopisețele Moldaviei și Valahiei / ed. II revădută, îndestrată
cu note, biografi și facsimile, cuprîndu mai multe cronice nepublicate încă; și, ca adaos: Tablele
istorice ale României de la 1766 până la 11 februarie 1866, de Mihail Kogălniceanu. București:
Imprimeria Națională C.N. Rădulescu, 1874. T. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов В.А. Русско-турецкая война 1710—1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.
Ари Г.Л. Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770—1774 годов // Новая
и Новейшая история. 2010. № 6. С. 60—72.
Ари Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I: Очерки. М.: Индрик,
2013. 279 с.
Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией
в 1736—1739 гг. СПб.: Электро-Тип. Н.Я. Стойковой, 1906. Т. 2. Кампания 1739 г. 398 с.

- Виноградов В.Н., Семенова Л.Е. Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII — начале XIX в. в свете материалов советских архивов // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. (Документы и исследования). С. 6–37.
- Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. 1711 год. М.: Наука, 2004. 228 с.
- Гребенникова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Наука, 2007. 719 с.
- Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 368 с.
- Каширин В.Б. «А называть можно их арнаутами»: к вопросу о появлении иррегулярных формирований из уроженцев Дунайско-Балканского региона в русской армии в начале войны с Турцией 1768–1774 гг. // Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.). Колл. монография / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2022а. С. 78–102.
- Каширин В.Б. Освободитель Бухареста: Тайный эмиссар Екатерины II подполковник Назар Каразин (1731–1783). М.: Индрик, 2022б. 623 с.
- Клокман Ю.Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М., 1951. 204 с.
- Котенко И.А. Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Ученые записки Тираспольского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко. Кишинев, 1957. Вып. 3. С. 23–42.
- Котенко И.А. Из истории участия молдавских отрядов в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Вековая дружба: Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27–29 ноября 1958 г. / под ред. Я.С. Гросула и Н.А. Мохова. Кишинев, 1961. С. 240–244.
- Мохов Н.А. Дружба ковалась веками (Молдавско-руско-украинские связи с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1980. 280 с.
- Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год / сост., преимущественно из неизвестных по сие время рукописных материалов, Генерального штаба капитаном А. Петровым. СПб.: В тип. Эдуарда Веймара, 1866. Т. 1. Год 1769. 332 с.
- Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории). М.: Индрик, 2006. 400 с.
- Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2011. 838 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28.
- Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. (Из 2 и 3 вып. Сборника М. Гл. Архива М.И.Д.). М.: Типография А. Гатцука, 1883. 484 с.
- Bezviconi Gh. G. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). București: Academia Republicii Populare Romîne, Institutul de studii Romîno-Sovietice, 1962. 347 p.
- Bogdan D.P. Legăturile serdarului Lupu Anastasă cu rușii (1721–1751) // Studii și materiale de istorie medie. București: Academia Republicii Populare Romîne, Institutul de istorie. 1957. Vol. 2. P. 345–389.
- Deherain H. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin auprès du khan de Crimée // Revue de l'histoire des colonies françaises. Tome XV. 1923. P. 1–32.
- Duminica I. Voluntarii moldoveni și bulgari din armata rusă (sf. sec. XVIII — înc. sec. XIX): Documente inedite // Cohorta. Revistă de istorie militară. Chișinău, 2014. № 1. P. 20–37.
- Felea A. Cateva date despre familia Imbault // Tyrageia. Seria noua. 2008. № 2(17). P. 137–140.
- [Hammer J. von.] Geschichte des Osmanischen Reiches, größtentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven. Pest, 1832. Bd. 8. Vom Belgrader Frieden bis zum Frieden von Kainardsche. 1739–1774. 258 s.
- Iorga N. Istoria armatei românești. București: Tipografia «Cultura neamului românesc», 1919. Vol. 2 (de la 1599 până în zilele noastre). 221 p.
- Matei M.D. Despre poziția claselor sociale din Moldova și Țara Românească față de războiul ruso-turc din 1768–1774 // Studii. Revista de istorie și filosofie. București, 1953. Anul 6. Vol. 3. P. 53–77.
- Tsaci V. Considerații privind poziția populației Moldovei față de războiul ruso-turc din 1768–1774 // Analele Asociației Naționale a tinerilor istorici din Moldova. București; Chișinău, 2012. Vol. 10. P. 110–130.
- Vianu S. Din lupta poporului român pentru scutirea jugului otoman și cucerirea independenței // Studii. Revista de istorie și filosofie. București, 1953. Anul 6. Vol. 2. P. 65–95.
- Xenopol A.D. Istoria și genealogia Casei Callimachi. Bucuresci: Tipografia Curții Regale, F. Göbl FII, 1897. 305 p.

Рукопись поступила в редакцию 31.10.2023

Рукопись принята к печати 12.11.2023

REFERENCES

- Arsh G.L. Rossiyskie emissary v Peloponnese i Arkhipelagskaya ekspeditsiya 1770–1774 godov. *Novaya i Noveyshaya istoriya*, 2010, no. 6, pp. 60–72. (In Russ.)
- Arsh G.L. *Rossiya i bor'ba Gretsii za osvobodzhenie: ot Ekateriny II do Nikolaya I: Ocherki*. Moscow, Indrik Publ., 2013, 279 p. (In Russ.)
- Artamonov V.A. *Russko-turetskaya vojna 1710–1713 gg.* Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, 448 p. (In Russ.)
- Bayov A.K. *Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Vojna Rossii s Turtsiey v 1736–1739 gg.* St. Petersburg, Elektro-Tipo. N. Ya. Stoykovoy, 1906, t. 2. *Kampaniya 1739 g.* 398 p. (In Russ.)
- Bezviconi Gh.G. *Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea)*. București, Academia Republicii Populare Romîne, Institutul de studii Romîno-Sovietice, 1962, 347 p.
- Bogdan D.P. Legăturile serdarului Lupu Anastasă cu rușii (1721–1751). *Studii și materiale de istorie medie*. București, Academia Republicii Populare Romîne, Institutul de istorie, 1957, vol. 2, pp. 345–389.
- Deherain H. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin auprès du khan de Crimée. *Revue de l'histoire des colonies françaises*, 1923, pp. 1–32.
- Druzhinina E.I. *Kyuchuk-Kaynardzhiskiy mir 1774 goda (ego podgotovka i zaklyuchenie)*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1955, 368 p. (In Russ.)
- Duminica I. Voluntarii moldoveni și bulgari din armata rusă (sf. sec. XVIII – înc. sec. XIX): Documente inedite. *Cohorta. Revistă de istorie militară*. Chișinău, 2014, no. 1, pp. 20–37.
- Felea A. Cateva date despre familia Imbault. *Tyragetia. Seria noua*, 2008, no. 2(17), pp. 137–140.
- Grebenshchikova G.A. *Baltiyskiy flot v period pravlениya Ekateriny II*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 719 p. (In Russ.)
- [Hammer J. von.] *Geschichte des Osmanischen Reiches, größentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven*. Pest, 1832, bd. 8. *Vom Belgrader Frieden bis zum Frieden von Kainardsche. 1739–1774*, 258 p.
- Iorga N. *Istoria armatei românești*. București, Tipografia «Cultura neamului românesc», 1919, vol. 2 (de la 1599 până în zilele noastre), 221 p.
- Kashirin V.B. «A nazyvat' možhno ikh arnautami»: k voprosu o poyavlenii irregularnykh formirovaniy iz urozhentsev Dunaysko-Balkanskogo regiona v russkoy armii v nachale voyny s Turtsiey 1768–1774 gg. *Slavyane i Rossiya: Balkany v vikhre natsional'no-osvoboditel'nykh dvizheniy (K 200-letiyu nachala Grecheskoy revolyutsii 1821–1829 gg.)*. Koll. Monografiya, otv. red. S.I. Danchenko. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2022a, pp. 78–102. (In Russ.)
- Kashirin V.B. *Osvoboditel' Bukharesta: Taynyy emissar Ekateriny II podpolkovnik Nazar Karazin (1731–1783)*. Moscow, Indrik Publ., 2022b, 623 p. (In Russ.)
- Klokman Yu.R. *Fel'dmarshal Rumyantsev v period russko-turetskoy voyny 1768–1774 gg.* Moscow, 1951, 204 p. (In Russ.)
- Kotenko I.A. Iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniya v Moldavii v period russko-turetskoy voyny 1768–1774 gg. *Uchenye zapiski Tiraspol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. T.G. Shevchenko*. Kishinev, 1957, vyp. 3, pp. 23–42. (In Russ.)
- Kotenko I.A. Iz istorii uchastiya moldavskikh otr'yadov v russko-turetskoy vojne 1768–1774 gg. *Vekovaya družba: Materialy nauchnoy sessii Instituta istorii Moldavskogo filiala AN SSSR, sostoyavsheysya 27–29 noyabrya 1958 g.*, ed. Ya.S. Grosul, N.A. Mokhov. Kishinev, 1961, pp. 240–244. (In Russ.)
- Matei M.D. Despre poziția claselor sociale din Moldova și Țara Românească față de războiul ruso-turc din 1768–1774. *Studii. Revista de istorie și filosofie*. București, 1953, anul 6, vol. 3, pp. 53–77.
- Mokhov N.A. *Družba kovalas' vekami (Moldavsko-russko-ukrainskie svyazi s drevneyshikh vremen do nachala XIX v.)*. Kishinev: Shtiintsa, 1980, 280 p. (in Russ.)
- Petrov A.N. *Vojna Rossii s Turtsiey i pol'skimi konfederatami. S1769–1774 god, sost., preimushchestvenno iz neizvestnykh po sie vremya rukopisnykh materialov, General'nogo shtaba kapitanom A. Petrovym*. St. Petersburg, v tip. Eduarda Veymara, 1866, t. 1. *God 1769*, 332 p.
- Semenova L.E. *Knyazhestva Valakhiya i Moldaviya. Konets XIV – nachalo XIX v. (Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii)*. Moscow, Indrik Publ., 2006, 400 p. (In Russ.)
- Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. *Rossiya v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy*, pod obshch. red. E.B. Smilyanskoy. Moscow, Indrik Publ., 2011, 838 p. (In Russ.)
- Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen*. Moscow, 1965, kn. XIV, t. 27–28. (In Russ.)
- Tcaci V. Considerații privind poziția populației Moldovei față de războiul ruso-turc din 1768–1774. *Analele Asociației Naționale a tinerilor istorici din Moldova*. București, Chișinău, 2012, vol. 10, pp. 110–130.

- Ulyanitskiy V.A. *Dardanelly, Bosfor i Chernoe more v XVIII veke. (Iz 2 i 3 vyp. Sbornika M. Gl. Arkhiva M.I.D.)*. Moscow, Tipografiya A. Gattsuka Publ., 1883, 484 p. (In Russ.)
- Vianu S. Din lupta poporului român pentru scutirea jugului otoman și cucerirea independenței. *Studii. Revista de istorie și filosofie*. București, 1953, anul 6, vol. 2, pp. 65–95. (In Romanian)
- Vinogradov V.N., Semenova L.E. Nekotorye voprosy otnosheniy mezhdu Rossiei i Dunayskimi knyazhestvami v XVIII – nachale XIX v. v svete materialov sovetskikh arkhivov. *Balkanskie issledovaniya*, Moscow, 1982, vyp. 8. *Balkanskie narody i evropeyskie pravitel'stva v XVIII – nachale XX v. (Dokumenty i issledovaniya)*, pp. 6–37. (In Russ.)
- Vodarskiy Ya.E. *Zagadki Prutskogo pokhoda Petra I. 1711 god*. Moscow, Nauka Publ., 2004, 228 p. (In Russ.)
- Xenopol A.D. Istoria și genealogia Casei Callimachi. București, Tipografia Curții Regale, F. Göbl FII, 1897, 305 p.

Received on 31.10.2023

Accepted on 12.11.2023

Информация об авторе:

Каширин Василий Борисович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2653-7063
E-mail: vbkashirin@mail.ru

Information about the author:

Vasiliy B. Kashirin

PhD (History), Senior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2653-7063
E-mail: vbkashirin@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 1, с. 31–38

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 31–38

DOI: 10.31857/S0869544X24010026

Оригинальная статья / Original Article

Белые формирования в Польше и попытка срыва Генуэзской конференции в 1922 году

© 2024 г. А. В. Ганин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

andrey_ganin@mail.ru

Аннотация. В статье на основе документов отечественных и зарубежных архивов, включая архивы спецслужб, исследуется подготовка лидерами белой эмиграции в Польше антисоветских выступлений накануне Генуэзской конференции 1922 г. с целью срыва конференции и подрыва авторитета советской власти. Плацдармом для развертывания антибольшевистских сил стали белорусские земли, отошедшие к Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. Там под видом команд лесорубов концентрировались отряды белых. Видную роль в подготовке операции играл генерал В. М. Новиков – предполагаемый советский агент. Эти планы были сорваны в результате высылки польскими властями из страны нескольких руководителей белой военной эмиграции.

Ключевые слова: Генуэзская конференция, белая эмиграция, Советская Россия, Белоруссия, Польша.

Ссылка для цитирования: Ганин А. В. Белые формирования в Польше и попытка срыва Генуэзской конференции в 1922 году // Славяноведение. 2024. № 1. С. 31–38. DOI: 10.31857/S0869544X24010026

White Military Formations in Poland and an Attempt to Disrupt the Genoa Conference in 1922

© 2024. Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

andrey_ganin@mail.ru

Abstract. The article examines the preparation of anti-Soviet uprisings by the leaders of the white emigration in Poland on the eve of the Genoa Conference of 1922 on the basis of documents from Russian and foreign archives, including the archives of the special services. The purpose of the uprisings was to disrupt the conference and undermine the authority of the Soviet government. The Belarusian lands, which were ceded to Poland under the Riga Peace Treaty of 1921, became a springboard for the deployment of anti-Bolshevik forces. There, under the guise of teams of loggers, white detachments were concentrated. A prominent role in the preparation of the operation

was played by General V.M. Novikov, an alleged Soviet agent. These plans were thwarted as a result of the expulsion of several leaders of the white military emigration from the country by the Polish authorities.

Keywords: Genoa Conference, white emigration, Soviet Russia, Belarus, Poland.

For citation: *Andrey V. Ganin. White Military Formations in Poland and an Attempt to Disrupt the Genoa Conference in 1922 // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 1. P. 31–38. DOI: 10.31857/S0869544X24010026*

Постепенное открытие архивов спецслужб и введение в научный оборот материалов зарубежных архивов обогащают представления о ранней советской истории. Одним из таких сюжетов являются события 1922 г. вокруг Советской России и Польши в контексте Генуэзской конференции.

К тому времени Советская Россия достигла больших успехов в Гражданской войне, которая завершилась практически по всей стране за исключением Дальнего Востока, где в Приморье под защитой японских интервенционистских войск сохранялся небольшой белый анклав, ликвидированный в октябре 1922 г. Таким образом, большевики смогли в целом собрать большую часть территорий бывшей Российской империи и претендовали на международное признание. Генуэзская конференция проходила в Италии с 10 апреля по 19 мая 1922 г. и была крайне важна для Советской России.

Не секрет, что белая эмиграция пыталась сорвать конференцию. К форуму начали готовиться за год с лишним, поэтому время у заговорщиков также имелось. Среди тех, кто планировал и осуществлял подобные акции, был находившийся в Данциге В.Г. Орлов – разведчик, возглавивший так называемый Белый интернационал – антисоветскую организацию за рубежом. Орлов планировал убийство главы советской делегации в Генуе Г.В. Чичерина и других советских дипломатов¹. Кроме того, якобы в январе 1922 г. в Кишиневе было подписано соглашение представителей главнокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля и головного атамана войск УНР С.В. Петлюры о совместных действиях². Созданный в Варшаве Народный союз защиты родины и свободы Б.В. Савинкова планировал к началу конференции организовать восстания, волнения и забастовки в разных концах России³, чтобы показать, что страна не приняла новую власть. С этой целью Савинков, который в октябре 1921 г. был выслан из Польши, вел большую организационную работу и пытался получить средства от различных европейских политиков. Сложность для белых заключалась в том, что между Врангелем и Савинковым развернулась борьба за влияние на военную эмиграцию в Польше.

В срыве конференции также были заинтересованы правительства нескольких стран. Иностранный отдел ВЧК в сводке на 4 апреля 1921 г. отметил, что Румыния готовится произвести мобилизацию, а Польша опасается, что в случае срыва Генуэзской конференции РСФСР начнет военные действия⁴. Согласно разведсводкам весной 1922 г., Румыния была обеспокоена возможностью выдвижения советской делегацией бессарабского вопроса⁵. В качестве ударной силы против большевиков рассматривались армии Врангеля

¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века, т. 1, кн. 1, 48.

² Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века, т. 1, кн. 2, 222.

³ Там же, 249.

⁴ Там же, 26.

⁵ Там же, 235.

и Петлюры. Генерал Врангель, по агентурным сведениям на апрель 1922 г., прилагал усилия для срыва конференции, взаимодействуя с сербскими властями⁶. Заинтересована в срыве была и Франция⁷. Однако позиции менялись. В частности, в 1922 г. польские власти предприняли некоторые шаги по сближению с Советской Россией.

Главным героем этой истории является врангелевский генерал В.М. Новиков (1883—1930) [Ганин 2022, 48—115]. В ноябре 1920 г., в период эвакуации белых из Крыма, тогда еще полковник Новиков во главе Смоленского пехотного полка опоздал на эвакуацию в Севастополе и решил остаться в Крыму для продолжения борьбы, причем тут же Врангель произвел его в генеральский чин. Далее генерал приказал снять погоны и под видом красноармейской части пробираться к румынской границе через советскую Украину. Чины отряда были снабжены фальшивыми удостоверениями. В походе часть людей разошлась. Шли по ночам, в обход городов, крупных сел и пунктов сосредоточения советских войск на Симферополь и далее на Перекоп. По пути у отряда неоднократно проверяли документы, но ни разу ни в чем не заподозрили. Отряд вышел в Северную Таврию и перешел через Днепр по льду. К концу декабря 1920 г., сделав около 2000 верст походным порядком, Новиков со своей группой подошел к румынской границе северо-западнее Балты. Однако Днестр не замерз, поэтому стали искать способ перейти границу. С генералом остались только 28 человек, включая его супругу и племянницу. Однако отряд на границе был задержан и разоружен красными.

Новиков оказался под арестом и содержался в Киеве, но ему повезло. После нескольких месяцев ожидания казни расстрельный приговор смягчили до пяти лет лагерей. Через 42 дня пребывания в концентрационном лагере 26 июня 1921 г. Новиков бежал вместе с подпоручиком В.Н. Казаковым и пробрался в Польшу. Двадцать три дня беглецы шли от Киева в сторону границы, передвигались по ночам, а днем скрывались в хлебе и кустах. Перейдя границу, добрались до Варшавы, где Новиков обратился к представителю Врангеля генералу П.С. Махрову и написал рапорт Врангелю с изложением своих приключений⁸.

Современный украинский исследователь Я.Ю. Тинченко без каких-либо ссылок утверждал, что все арестованные из группы Новикова якобы дали подписку о сотрудничестве с ВЧК⁹, однако в деле офицера и его соратников никаких документов на этот счет нет. И все же произошедшее выглядит крайне странно. Генерал не был расстрелян, а из лагеря бежал, причем единственные близкие ему люди (в том числе беременная на март 1921 г. супруга) остались в Советской России. Все это укладывается только в логику согласия Новикова работать на ЧК и инсценировку побега. И как наиболее действенный мотив вербовки — семья в заложниках в Советской России. Стал ли генерал работать против своих прежних боевых товарищей в качестве секретного советского агента, документально неизвестно. Как бы то ни было, белые ему поверили и позволили занять руководящие посты в иерархии антибольшевистских вооруженных формирований на территории Польши.

Махров Новикову доверял и выдвигал его как своего ставленника¹⁰. По воспоминаниям Махрова, Новиков собирался из интернированных

⁶ Там же, 220.

⁷ Там же, 223.

⁸ HIA. P.A. Koussonsky collection. Box 8. Folder 31.

⁹ Реабилитированные историей, 95.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5872. Оп. 1. Д. 60. Л. 30б.

частей 3-й армии сформировать отряд, перебросить его в Витебскую губернию и поддержать там партизанствующих крестьян. 15 сентября 1921 г. Махров отправил Врангелю письмо и предложил поставить Новикова во главе всех рабочих артелей интернированных¹¹, которые являлись скрытыми кадрами для развертывания антибольшевистской армии. Махров не имел на это средств и запросил Врангеля, а последний потребовал скоординировать действия Новикова с приказами Савинкова — руководителя Народного союза защиты родины и свободы, который вел борьбу с большевиками. По другим данным, в сентябре 1921 г. Новиков был приглашен возглавить партизанские отряды в Белоруссии Русским политическим комитетом Савинкова¹². Новиков во второй половине 1921 г. ездил к Врангелю в Константинополь, а затем вернулся в Польшу. Во всяком случае, генерал Б.С. Пермикин свидетельствовал, что в канун 1922 г. Новиков приехал к нему от Врангеля из Турции. Новиков передал Пермикину письмо от Врангеля с просьбой оказывать содействие. Так Новиков стал инспектором трудовых рабочих артелей в отделе труда Российского общества Красного Креста (в эмиграции) и представителем миссии Российского общества Красного Креста в Польше, а также «заведующим над интернированными» [Симонова 2013, 206–207]. Известно, что от имени Врангеля генерал работал в польских лагерях для русских беженцев по объединению эмигрантов-монархистов¹³.

Поведение генерала Новикова теми, кто начал с ним сотрудничать, воспринималось неоднозначно. Перешедший на советскую сторону некий полковник Орлов, ранее работавший с Б.В. Савинковым, в апреле 1922 г. дал подробные показания о Новикове начальнику Особого отдела Западного фронта. Он отметил, что, прибыв в Польшу в июле 1921 г., Новиков быстро сориентировался и наладил контакты с ключевыми фигурами военно-политической эмиграции в Польше: познакомился с Б.В. Савинковым, генералом С.Н. Булак-Балаховичем, председателем Белорусского политического комитета в Польше белорусским националистом В.А. Адамовичем, активистом белорусского национального движения в Польше П.П. Алексюком, начал работать с Российским обществом Красного Креста, а когда Врангель прислал обмундирование для чинов 3-й русской армии генерала Б.С. Пермикина, Новикову было поручено контролировать раздачу одежды. Для генерала без политического и организаторского опыта более чем странная активность. Тем более что по характеристике генерала Махрова это был, «“мужичок-простачок”, ни манер, ни воспитания, ни образования, а только смышленость, храбрость и исполнительность»¹⁴.

Действия Новикова укладывались в общую направленность работы лидеров белых в Польше. Савинковцы и сторонники генерала С.Н. Булак-Балаховича в период подготовки и проведения Генуэзской конференции намеревались активизироваться на территории Белоруссии. Были планы поднять восстание и захватить Минск и некоторые другие города (инициаторов смущало ненавидевшее белых еврейское население Минска, что требовало дополнительной работы¹⁵). Белые концентрировались в приграничных польских районах (на-

¹¹ BAR. P.S. Makhrov collection. Box 4. *Махров П.С.* Ген[ерал] Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы). Тетрадь № 6, 506.

¹² ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. К. 1. Д. 97. Л. 5–6.

¹³ *Шатилов П.Н.* Записки, т. 1, 459.

¹⁴ BAR. P.S. Makhrov collection. Box 4. *Махров П.С.* Ген[ерал] Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы). Тетрадь № 6, 507.

¹⁵ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века, т. 1, кн. 2, 249.

пример, недалеко от Барановичей), куда направлялись из лагерей интернированных на работы в лесных концессиях. Настроение было бодрым, люди надеялись весной 1922 г. вернуться в Россию. Общая численность балаховцев на лесных работах около Пинска советской разведкой оценивалась в 10 тыс. человек¹⁶. По другим данным, всего в Польше на весну 1921 г. насчитывалось порядка 12 тыс. белых и столько же петлюровцев [Симонова 2013, 158–159].

Новиков ездил на советско-польскую границу и выяснял, какие польские силы могли бы выступить вместе с ним против большевиков. Русские эмигранты к тому времени уже не доверяли эмиссарам из Варшавы, которые пытались их куда-либо вербовать. Многие ждали амнистии от Советской России и возможности вернуться домой. У Новикова был ресурс в виде обмундирования, которое он распределял, в связи с чем было объявлено, что одежду получают только те, кто запишется в белорусские комитеты. Новиков ездил в Вильно и провел там два белорусских съезда, на одном из которых была провозглашена независимость Белоруссии в границах Рижского договора. На антибольшевистскую работу генерал пытался получить 80 млн марок, по-видимому, от польских властей, но смета была сокращена в итоге в 20 раз, и чем кончилось дело, неизвестно. Орлов делал вывод, что Новиков – авантюрист, который может легко перейти на сторону большевиков.

По словам Пермикина, Новиков также просил предоставить из беженских лагерей от 200 до 400 лучших офицеров для того чтобы поднять восстание на Юге России. Новиков утверждал, что лично обошел там много населенных пунктов, и что население для восстания нуждалось якобы только в офицерах. Такие предложения были похожи на провокацию с целью изъять наиболее активный боевой элемент, который был бы в Советской России ликвидирован.

Пермикин, видимо, заподозрил неладное и предложил Новикову не более десяти человек, причем не офицеров, а надежных крестьян, поставив условием их возвращение через два месяца. После этого, если наличие почвы для восстаний подтвердится, сам Пермикин со всеми, кого сможет собрать, отправится поднимать восстания на Украине. Новиков не согласился, после чего влиятельный в кругах военной эмиграции в Польше Пермикин распорядился не давать Новикову в лагерях ни одного человека¹⁷. Генерал Махров позднее вспоминал, что Новиков сыграл «гибельную роль для всех русских учреждений в Варшаве, в том числе и для меня»¹⁸.

В качестве инспектора Новиков объехал трудовые артели интернированных из армии С.Н. Булак-Балаховича, отрядов полковника Л.Я. Духопельникова и есаула М.И. Яковлева в районе Кривашино (25 верст от Барановичей), Лесная, Новогрудок, Зельва, Брест-Литовск и некоторые другие. За одиннадцать дней генерал осмотрел четырнадцать артелей. При инспектировании он раздавал теплое белье. По итогам поездки подготовил доклад, в котором описал ужасающее положение работников, не имевших в массе нормальной верхней одежды и обуви, что вызывало обморожения. Новиков считал необходимым выхлопотать дополнительное количество обуви и одежды для выдачи, «оттепляя, конечно, при выдаче наиболее ценных для будущего людей»¹⁹. Вероятно, шла речь о возобновлении борьбы с большевиками.

¹⁶ Там же, 263.

¹⁷ Пермикин Б.С., 107.

¹⁸ BAR. P.S. Makhrov collection. Вох 4. Махров П.С. Ген[ерал] Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы). Тетрадь № 6, 480.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7003. Оп. 1. Д. 9. Л. 174об.

Впоследствии на допросе в ОГПУ в 1928 г. Новиков скромно сообщил, что возил от Красного Креста теплое белье (8500 комплектов) тем, кто служил на лесных разработках и старался облегчить их участь²⁰. Однако, думается, этим его деятельность не исчерпывалась. Разумеется, все посчитали, что раздача белья — лишь прикрытие организационной работы по подготовке похода в Россию. Новиков это перед сотрудниками ОГПУ отрицал. Его деятельность уже вызывала серьезные подозрения и недовольство. Полковник Кабанов в декабре 1921 г. заявил, что «генерал Новиков [...] неизвестно кем уполномочен, и его скоро расшифруют, он вероятно имеет связь с коммунистами, т.к. сумел приехать из Совдепии»²¹.

Новиков занялся сведением интернированных в лагерях в три дивизии. Планировалось разместить эти силы под видом рабочих дружин вдоль советской границы, а в период начала Генуэзской конференции они должны были выступить, чтобы ее сорвать и спровоцировать войну Польши с Советской Россией²². Если Новиков работал на чекистов, все это стало большой удачей для советской стороны. Неудивительно, что никакого выступления не случилось, а на организацию антисоветской работы запрашивались немислимые суммы.

Махров писал, что Новиков вместе с Савинковым составил план действий в Белоруссии и получил от уже известного нам В.А. Адамовича предложение вступить в должность начальника всех белорусских партизанских сил, которых якобы насчитывалось более 100 000 человек²³. Разумеется, это было колоссальным преувеличением.

К февралю 1922 г. Новиков, по данным Махрова, «закончил организацию рабочих артелей в таком порядке, что в любое время они могли быть использованы как партизанские отряды, а участок леса, купленный в Беловежской пушче Булак-Балаховичем старшим, мог послужить промежуточной базой для склада оружия и перемещения группами к границе польской партизанских отрядов»²⁴. Действительно, в Белоруссии часть леса была передана в концессию, куда планировали вывезти из лагерей солдат и офицеров. Проблема была только в отсутствии средств.

11 марта 1922 г. Новиков прибыл в лагерь Тухола, где в тяжелых условиях содержались около 3,5 тысяч интернированных, включая женщин и детей. 12 марта он неожиданно для всех предложил командному составу представить списки обязующихся выполнять приказы главного командования, атаманов и назначенных ими начальников. По замыслу Новикова запись должна была быть добровольной, но низовые начальники стали принуждать интернированных записываться. Сведения о работе Новикова поступали в ГПУ. В частности, в сводке от польского резидента на 21 марта 1922 г. отмечалась активизация белых в Польше. Сообщалось, что генерал Новиков издал распоряжение: «Держите людей, воодушевляйте, надейтесь [...]. Концентрировать людей, не дать им расползаться. Директивы будут даны лично»²⁵.

По-видимому, польские власти, незаинтересованные в дестабилизации обстановки, насторожила активность Новикова, либо же он сам спровоцировал

²⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-41012. Л. 7.

²¹ Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. К. 1. Д. 102. Л. 12.

²² Борис Савинков на Лубянке, 277; Симонова 2013, 209.

²³ BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. *Махров П. С.* Ген[ерал] Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы). Тетраль № 6, 495.

²⁴ Там же, 542.

²⁵ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 98.

дальнейшие события. В итоге польское МВД уже 21 марта 1922 г., возможно, как раз в преддверии Генуэзской конференции, выслало из страны как Новикова, так и Махрова [Симонова 2013, 226]. Махров был убежден, что виновником высылки являлся Новиков и вспоминал: «Составляя списки рабочих артелей, Новиков не скрывал, громко в лагерях их называя “мобилизационными” [...]». Для поднятия духа интернированных он громко и часто говорил им, что следует потерпеть только до весны, а там по приказу главнокомандующего рабочие артели превратятся в “боевые партизанские отряды”. Наконец, у Новикова были мои письма, в которых я всегда повторял, чтобы он организовал артели на началах воинской дисциплины и порядка»²⁶. Возможно, какие-то документы попали к польским властям, которые произвели обыски и убедились, что белые действительно готовили активные действия.

К сожалению, всей полноты картины у нас нет, но, быть может, Новиков в самом деле преуспел в подрывной работе по развалу организованных сил белой военной эмиграции в Польше и предотвратил возможный вооруженный конфликт с Советской Россией. Как позднее выяснилось, никакой работы по боевой подготовке отрядов он не вел²⁷.

В марте 1922 г. генерал перебрался в вольный город Данциг, где прожил до августа 1925 г. В 1925 г. в жизни генерала начался новый период, связанный с нелегальными поездками в СССР и завершившийся расстрелом в 1930 г., но это уже другая история.

Что касается численности белых на восточной границе Польши, то она постепенно снижалась: с апреля по июль 1922 г. она сократилась с 4,7 тыс. до 2,7 тыс. человек [Там же, 235]. Численность савинковцев определялась примерно в 3 тыс. человек, петлюровцев — в 1 тыс. человек. Советские представители активно проводили репатриацию, по которой к июню 1922 г. уехали около 3 тыс. человек, а на август — сентябрь 1922 г. ежемесячно уезжали в Россию по 500–700 человек [Там же, 239, 245]. В итоге планы активных антисоветских действий белых в Польше оказались сорваны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.
ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности России.
ВАР — Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры.
НИА — Архив Гугеровского института Стэнфордского университета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Борис Савинков на Лубянке. М.: РОССПЭН, 2001. 574 с.
ГА РФ. Ф. Р-7003. Оп. 1. Д. 9.
ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. К. 1. Д. 97; 102.
Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. М.: Посев, 2011. 283 с.
Реабилитированные историей. Автономная республика Крым. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2021. Кн. 10. 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921. Автор-составитель Я. Ю. Тиченко. 1050 с.
Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Док. и мат. М.: Гея, 1998. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход. 426 с. Кн. 2. На чужбине. 751 с.

²⁶ ВАР. P.S. Makhrov collection. Box 4. Махров П. С. Ген[ерал] Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы). Тетрадь № 6, 551.

²⁷ ВАР. P.S. Makhrov collection. Box 4. Махров П. С. Ген[ерал] Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы). Тетрадь № 6, 553.

ЦА ФСБ. Д. Р-41012; Ф. 1. Оп. 6. Д. 123.

Шатилов П. Н. Записки. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2017. Т. 1. 524 с.

НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 8. Folder 31.

BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4. *Махров П. С.* Ген[ерал] Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы). Тетрадь № 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ганин А. В. «Несколько раз ходил... в Советский Союз партизанить». Генерал Новиков между красными и белыми // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 3 (30). С. 48–115.

Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша: русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М.: Квадрига; Зебра Е, 2013. 368 с.

Рукопись поступила в редакцию 04.10.2023

Рукопись принята к печати 12.11.2023

REFERENCES

Ganin A. V. «Neskol'ko raz hodil... v Sovetskij Soyuz partizanit'». General Novikov mezhdru krasnymi i belymi. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*, 2022, no. 3 (30), pp. 48–115. (In Russ.)

Simonova T. M. *Sovetskaya Rossiya (SSSR) i Pol'sha: russkie antisovetskie formirovaniya v Pol'she (1919–1925 gg.)*. Moscow, Kvadriga; Zebra E Publ., 2013, 368 p. (In Russ.)

Received on 04.10.2023

Accepted on 12.11.2023

Информация об авторе:

Ганин Андрей Владиславович
 доктор исторических наук,
 ведущий научный сотрудник
 Институт славяноведения
 Российской академии наук
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-8602-1990
 E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Information about the author:

Andrey V. Ganin
 DSc. (History), Leading Research Fellow
 Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-8602-1990
 E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Роль Чехословакии в развитии советско-французских отношений в период непризнания СССР: взгляд дипломатов и военных Третьей республики (1920–1924)

© 2024 г. И. Э. Магадеев

Московский государственный институт (университет)
международных отношений
(Москва, Российская Федерация)

iskander2017@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания и особенностей французских представлений о роли Чехословакии как факторе во взаимодействии Третьей республики и Советской России/СССР в 1920–1924 гг. Главным образом речь идет об ответах дипломатов и военных Франции на вопрос о значении Чехословакии в этом «треугольнике» государств. Источниковую базу статьи составили относительно недавно опубликованные тома французских дипломатических документов, материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, а также документы из фондов Исторической службы Министерства вооруженных сил Пятой республики. Париж исходил из наличия у Чехословакии двух основных функций: во-первых, как важного элемента «санитарного кордона», направленного против Германии и СССР; во-вторых, в качестве моста при эвентуальной нормализации франко-советских отношений. При этом подобные ипостаси Чехословакии не являлись полностью антагонистичными, а могли сосуществовать во внешней политике и стратегии Парижа. Акцент, который руководство Третьей республики делало на одной из указанных функций, зависел от совокупности международных, региональных и внутрифранцузских обстоятельств. В 1919–1921, 1923 г., в условиях выраженной напряженности и опасений перед «советской угрозой», французские правые правительства скорее подчеркивали роль Чехословакии в системе «санитарного кордона», понимая при этом, что прочность последнего была небольшой. По мере роста интереса во Франции к частичной нормализации отношений с Советским государством в 1922 г., а затем с конца 1923 г. роль Чехословакии как потенциального моста привлекала больше внимания, хотя полноценным образом реализовать ее на практике не удалось. При всей волатильности позиции Парижа, представление о русофильстве чехословацкого общества и о наличии пределов антагонизма между Чехословакией и СССР присутствовало во многих французских оценках, хотя последние и не были однородны и нередко зависели от конкретного деятеля.

Ключевые слова: Франция, СССР, Э. Бенеш, Т. Г. Масарик, «санитарный кордон».

Ссылка для цитирования: Магадеев И. Э. Роль Чехословакии в развитии советско-французских отношений в период непризнания СССР: взгляд дипломатов и военных Третьей республики (1920–1924) // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 39–53.
DOI: 10.31857/S0869544X24010036

The Role of Czechoslovakia in the Development of the Soviet-French Relations During the Non-Recognition Period of the USSR: View from Paris (1920–1924)

© 2024. Iskander E. Magadeev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
(Moscow, Russian Federation)

iskander2017@yandex.ru

Abstract. The article aims to discern the contents and specifics of the French estimates in regard of the Czechoslovakian role in the interactions between the Third Republic and the Soviet Russia/USSR in 1920–1924. Chiefly, the author analyses the French answers on the question about the significance and potential function of Czechoslovakia in the interstate triangle. Rather recently published French diplomatic documents are used as sources, as well as the evidence taken from the Diplomatic archives of the French Ministry of Europe and foreign affairs, and the from funds of the Historical services of the French Ministry of Armed forces. The author concludes that Paris contemplated two main roles of Prague in the triangle USSR – Czechoslovakian Republic – France. First, Czechoslovakia could be an important element of the «sanitary cordon» directed against Germany and the Soviets; second, she could perform the function of a potential bridge in the case of Franco-Soviet normalisation. Such roles of Czechoslovakia were not antagonistic, and Paris tried to combine them in the French foreign policy and strategy. The variety of international, regional and interior circumstances defined what role was emphasised by the leadership of the Third Republic. In 1919–1921, 1923, when the Soviet-French contradictions were sharp and Paris underlined the «Soviet menace», the right governments of France tended to think about Czechoslovakia more as an important element of the «sanitary cordon», though understanding that the latter wasn't really solid. On the contrary, in 1922 and from end of 1923, while the interest of France in normalising the relations with the Soviets grew stronger, the role of Czechoslovakia as a potential bridge to USSR attracted more attention of the Paris (these aspirations remained unfulfilled). Though the French estimates were volatile and depended on person, the images of the russophilia of the Czechoslovakian society, and the thesis that antagonism Czechoslovakia and USSR couldn't escalated to war, persisted.

Keywords: France, USSR, E. Beneš, T.G. Masaryk, «sanitary cordon».

For citation: *Iskander E. Magadeev. The Role of Czechoslovakia in the Development of the Soviet-French Relations During the Non-Recognition Period of the USSR: View from Paris (1920–1924) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2024. No. 1. P. 39–53. DOI: 10.31857/S0869544X24010036*

Международно-политическая и стратегическая ситуация в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) в 1920-е годы находилась под значительным влиянием не только региональных игроков, но и «внешних» держав, в том числе Франции. Третья республика, после Первой мировой войны и ослабления Германии, обладавшая военной мощью, пыталась влиять на решение проблем региона, прежде всего ввиду существования так называемых альянсов с Польшей (с 1921 г.), Чехословакией (с 1924 г.), Королевством сербов, хорватов и словенцев (с 1927 г.), а также наличия консультативного пакта с Румынией (с 1926 г.). Поэтому дипломатов и военных Франции интересовали в том числе и возможности Чехословацкой Республики (ЧСР) в треугольнике государств СССР – ЧСР – Франция.

В историографии внимание к разного рода международным «треугольникам» усилилось в начале 1970-х годов, но продолжается и в последнее время,

о чем свидетельствует ряд недавних исторических работ, посвященных различным аспектам международных отношений в межвоенный период. Интерес отечественных и зарубежных историков, если говорить о ЦВЕ, привлекали прежде всего такие «треугольники» государств, как СССР – Польша – Германия [Кантор, Волос 2011], СССР – Франция – Польша [Dessberg 2009], СССР – Польша – Литва [Павлова 2016], СССР – Германия – Великобритания [Salzmann 2002], Великобритания – Германия – страны ЦВЕ [Родин 2021], Франция – Польша – Чехословакия [Davion 2009], Франция – СССР – страны Балтии [Враг, противник, союзник 2021, 206–288; Магадеев 2022].

Хронологические рамки статьи охватывают важный период в нелинейной эволюции, которую претерпели представления французских политиков, дипломатов и военных о стране Советов: от укрепившегося к 1920 г. представления о том, что власть большевиков продержится на протяжении некоторого времени, до официального признания Советского Союза в 1924 г. Источниковую базу статьи составили относительно недавно опубликованные тома «Французских дипломатических документов», материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, а также документы из фондов Исторической службы Министерства вооруженных сил Пятой республики.

Представления дипломатов и военных Третьей республики о роли, которую Чехословакия могла бы сыграть во франко-советских отношениях, эволюционировали под влиянием различных обстоятельств: от перипетий внутриаполитической, межведомственной и внутриведомственной борьбы во Франции до более фундаментальных региональных и глобальных трансформаций международных отношений.

Своеобразный межгосударственный «треугольник» СССР – Чехословакия – Франция не был равнобедренным. Связи между Францией и Чехословакией как до официального заключения двустороннего договора о союзе и дружбе 25 января 1924 г., так и после него были несравнимо более тесными, чем взаимодействие Парижа или Праги с Москвой.

Можно отметить уникальную по-своему ситуацию 1919–1925 гг., когда глава французской военной миссии в Праге (сначала М. Пелле, затем Э. Миттельхаузер) занимал пост начальника Генерального штаба чехословацкой армии [Wandycz 1962, 296]. Подчеркивая роль французской военной миссии, историк Б. Мишель полагал, что в марте 1920 г. именно влияние генерала Пелле определило основные положения закона о развитии чехословацкой армии по французской модели, в то время как президент Т.Г. Масарик склонялся к созданию армии милиционного типа [Michel 2009, 96]. В декабре 1923 г. Венская резидентура Иностранного отдела Государственного политического управления продолжала исходить из того, что «чешский Генеральный штаб находится в полном подчинении французского Генерального штаба, имеющем место в Праге»¹.

Военно-политическое влияние Франции подкреплялось выделением немаловажных кредитов Чехословакии, одним из ранних примеров которых стал заем в 100 млн франков, предоставленный в 1919 г. [Thiveaud 1990, 255]. О существенном присутствии французского бизнеса в Чехословакии говорит, среди прочего, тот факт, что крупный французский концерн «Шнейдер» за счет сделок, заключенных в августе – сентябре 1919 г., стал собственником 73% капитала заводов «Шкода» [Marguerat 2004, 123].

¹ Русская военная эмиграция, 353.

Несмотря на приведенные выше примеры, нельзя не отметить значительную долю амбивалентности во франко-чехословацких отношениях. Если смотреть на ситуацию с точки зрения французского руководства, то Париж не только испытывал серьезные трудности в попытках консолидировать позиции своих «союзников», в том числе Польши и Чехословакии, разделенных спором о Тешинской Силезии, но и не давал гарантий в отношении собственных действий на случай войны. Франко-чехословацкий договор от 25 января 1924 г. не содержал четких обязательств по оказанию друг другу реальной военной помощи. Комментируя его текст, эксперт МИД Франции (Кэ д'Орсэ) по юридическим вопросам А. Фромажо подчеркивал, что «если Чехословакия окажется в состоянии войны против другого государства, например против Германии, Франция не имеет никаких юридических обязательств также вступать в войну. Она должна лишь согласовывать свои действия с Прагой»².

Если наличие тесных и разноплановых франко-чехословацких связей, не лишенных, однако, проблем, было очевидным, то в обозначенном «треугольнике» имела и другая особенность. Советско-чехословацкие отношения, официально установленные лишь 9 июня 1934 г., все же начали входить в фазу относительной нормализации раньше, чем франко-советское взаимодействие, зафиксированное на официальном уровне 28 октября 1924 г. [Станков 2022a]. Уже заключение Временного договора между РСФСР и Чехословакией 5 июня 1922 г. говорило о большем, чем только об установлении торговых отношений. Договор «фактически означал признание Чехословакией советского правительства де-факто» [Серапионова 2022, 82].

Говоря о периоде с 1920 по 1924 г. в целом, можно отметить, что Чехословакия представляла во французских дипломатических и военных оценках в двух основных ипостасях. Во-первых, в качестве важного звена «санитарного кордона», направленного против Германии и СССР; во-вторых, в качестве потенциального моста между Францией и Советским государством в случае заинтересованности Парижа в налаживании отношений с Москвой. Рассмотрим каждый из этих вариантов, не обязательно исключавших друг друга, подробнее.

Представления о том, что образование или воссоздание государств в ЦВЕ отвечало интересам Франции, были распространены в дипломатических кругах Третьей республики уже во время Первой мировой войны. В ноябре 1917 г. директор Управления политических и торговых дел Кэ д'Орсэ П. де Маржери во внутренней переписке акцентировал необходимость «создания новых государств на Востоке (Европы. — И.М.) в качестве бастиона против германской экспансии» [Davion 2010, 54]. Вскоре к функциям этого «бастиона», который французские дипломаты стали обозначать как «санитарный кордон», было отнесено сдерживание и ослабление Советской России, а также воспрепятствование эвентуальной советско-германской «сцепке». Глава французской военной миссии в Чехословакии и глава Генштаба чехословацкой армии генерал Миттельхаузер неоднократно выражал беспокойство по поводу того, что «немецкий милитаризм использует русский милитаризм в собственных целях»³.

В марте 1919 г., реагируя на предложения премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа смягчить условия будущего мирного договора для Германии, председатель Совета министров и военный министр Франции Ж. Клемансо, не согласившись с подобным курсом, предложил поддержать Польшу

² DDF. 1924. T. 1, 180.

³ AMAE. 118 PAAP. Vol. 67. F. 35. Mittelhauser à Paris, 18 décembre 1921.

и Чехословакию — «единственный барьер, который отделяет русский большевизм от германского большевизма» [Néré 1975, 268—269]. Подобная стратегическая логика сохранилась и после заключения мирных договоров 1919—1920 гг. В записке от 10 ноября 1920 г. Генштаб французской армии рассматривал Чехословакию как «основу, на которую может опереться вся политика союзников, и Франции в особенности, на территории Центральной Европы»⁴. Летом 1921 г. Миттельхаузер, размышляя о стратегическом положении Чехословакии, подчеркнул сильные и слабые стороны последнего: сильная Чехословакия, с его точки зрения, будет «нестерпимой угрозой» для Германии, Австрии и Венгрии и, напротив, в случае аншлюса ее положение станет почти безвыходным⁵.

Французские дипломаты и военные видели в Чехословакии серьезный фактор также в противодействии Советской России/СССР. Особенно важным в этом смысле для Парижа было выстраивание относительно сплоченной и широкой коалиции государств в ЦВЕ, имевшей как антигерманскую, так и антисоветскую направленность. Подобные императивы, формировавшиеся уже в конце Первой мировой войны, стали константой французской дипломатии и стратегии в начале 1920-х годов.

Так, например, 8 февраля 1921 г. генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертело, «правая рука» министра иностранных дел А. Бриана, известный своими прочехословацкими симпатиями [Jordan 2002, 14], призывал польского министра иностранных дел Е. Сапегу к сближению с Прагой. Согласно французскому дипломату, такое сближение необходимо «прежде всего, в интересах самих двух стран, затем — с точки зрения обороны против большевиков, с одной стороны, и против Германии, с другой; наконец, — в интересах поддержания мира и экономической реорганизации Центральной Европы»⁶. Схожие резоны в пользу нормализации отношений между странами, в той или иной степени ориентировавшимися на Францию, выдвигал маршал Ф. Фош в записке от 13 февраля того же года для Бриана: «Крайне важно обеспечить координацию усилий Польши, Румынии и Чехословакии с целью подготовки и осуществления обороны против большевизма». Маршал выступал за подписание военной конвенции между тремя указанными государствами⁷.

Признаки советско-германского сближения особенно настораживали Париж и усиливали стремление французского руководства сплотить вокруг себя дружественные страны ЦВЕ, что проявилось, например, в реакции председателя Совета министров и министра иностранных дел Р. Пуанкаре на заключение Рапалльского соглашения. В циркулярной телеграмме французским дипломатическим представительствам от 19 апреля 1922 г. Пуанкаре заявил о подготовке ноты протеста против советско-германского договора. «Нота протеста, — писал Пуанкаре, — будет представлена конференции послов (стран Антанты. — И.М.), участие в которой в данном случае примут делегаты Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии»⁸. Схожий настрой — сплотить вокруг Франции антигермански и антисоветски настроенных партнеров — разделял в конце апреля начальник Генштаба французской армии генерал Э. Бюа: «Необходимо любой ценой объединить в один пучок все народы, имеющие те же интересы, что

⁴ Mission militaire française, 67.

⁵ Ibid., 108.

⁶ DDF. 1921. Т. 1, 161.

⁷ Ibid., 188.

⁸ Ibid., 491.

и мы. Речь идет обо всех участниках Малой Антанты и, если возможно, о балтийских государствах»⁹.

Если тезисы о германской и советской «угрозах», среди прочего, рассматривались Парижем как способ консолидировать дружественные страны под эгидой Франции, то Прага, используя идею о нарастании «советской угрозы», стремилась заручиться новыми поставками и кредитами от Третьей республики. Так, например, 8 февраля 1921 г. на Кэ д'Орсэ поступила информация о запросе министра иностранных дел Э. Бенеша относительно поставок вооружений на случай предполагаемого «большевистского нападения» на ЧСР. Бриан не остался равнодушным к просьбе Бенеша и 19 февраля попросил французское Министерство финансов поддержать предоставление ЧСР 150 млн франков для осуществления этих закупок¹⁰.

В условиях Рурского кризиса 1923 г., ознаменованного новыми попытками советско-германского сближения, Париж стремился еще сильнее привязать к себе Прагу. Общие политико-стратегические резоны во французских действиях сочетались с сиюминутными, в том числе с заинтересованностью не допустить в Германию, испытывавшую дефицит угля ввиду оккупации Рура, уголь из Чехословакии.

Уже 31 января и 5 февраля 1923 г., французские военные представители в Праге поставили перед руководством Чехословакии вопрос о заключении политического договора и военной конвенции с Францией. Однако чехословацкое руководство в лице президента Масарика и министра Бенеша не было готово пойти на столь тесное сближение с Парижем. Визит Фоша в Прагу в мае, несмотря на теплый прием, прошел не так эффективно, как хотелось французским военным, пусть он и стал прологом переговоров о военной конвенции, начатых в июне [Язькова 1974, 248]. В целом, «признавая неоспоримые права Франции на германские репарации и рассматривая оккупацию Рура как крайнюю меру, Прага тем не менее дистанцировалась от франко-бельгийской акции, заняв позицию нейтралитета в отношении Германии» [Станков 2007, 202].

Франко-чехословацкий договор от 25 января 1924 г., вопреки пожеланиям Пуанкаре и Фоша, не был подкреплён военной конвенцией, хотя имел секретные военные статьи (они содержались в письмах, которыми обменялись обе стороны). В них говорилось о согласовании генеральными штабами оборонительных планов, при этом конкретный сценарий агрессии и вероятный агрессор не оговаривались, что снижало ценность совместного планирования [Davion 2009, 189–200].

Таким образом, Чехословакия, согласно общим стратегиям Парижа, рассматривалась как важный элемент «санитарного кордона» и союзник в тылу Германии на случай войны. Вместе с тем французские дипломаты и военные не были уверены в прочности подобной конструкции.

Пик французского алармизма по этому поводу пришелся на лето 1920 г., ознаменованное продвижением Красной армии к Варшаве. Тогдашние события выявили рассогласованность действий партнеров Франции: власти Чехословакии отказались обеспечить свободный транзит через свою территорию составов с военными материалами и боеприпасами в направлении Польши¹¹. Более того, в руководстве Третьей республики не исключали того, что Красная армия

⁹ Journal du général Buat, 1202.

¹⁰ DDF. 1921. T. 1, 189, note 3.

¹¹ Ibid. 1920. T. 2, 357.

прорвется в Чехословакию, и последняя из элемента «санитарного кордона» превратится в трамплин для распространения «мировой революции».

В записке возглавляемого генералом Пелле Генштаба чехословацкой армии от 10 июля 1920 г. отмечено, что «нынешние успехи большевистских войск на Украине заставляют рассмотреть возможность прихода Красной армии на Карпаты». Французские военные не ставили под сомнение нейтралитет ЧСР, они подчеркивали ее нежелание воевать против Советской России, что, среди прочего, говорило о сложности организовать единый «санитарный кордон». Все же французские офицеры делали ставку на эффективность ужесточения внутренних мер по противодействию «большевистской пропаганде». Первым пунктом в их рекомендациях значилось: «Вплоть до нового приказа, в Словакии и Подкарпатской Руси должна поддерживаться диктатура»¹². Еще более тревожными были настроения военного министра Франции А. Лефевра. После встречи с Пелле, состоявшейся 8 августа 1920 г., он полагал, что «русские не остановятся на этом пути. Этой осенью, победив поляков, они решат вопрос с Врангелем, их противником в Крыму. Весной 1921 г. настанет черед румын, а летом — Чехословакии, за которой последуют Венгрия и Австрия. Большевизм тем самым закрепится в центре Европы»¹³. Примерно в это же время председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции А. Мильеран исходил из необходимости соорудить «барьер против большевистского натиска в Центральной Европе» и стремился ускорить сближение ЧСР и Румынии¹⁴.

Худшие, с точки зрения Парижа, опасения тогда не оправдались, а по мере относительной стабилизации советской власти и введения НЭПа нарастали голоса тех представителей французских элит, которые призывали к частичной нормализации отношений с Москвой. Одним из наиболее известных симптомов подобных настроений стал визит в РСФСР, предпринятый в сентябре — октябре 1922 г. председателем Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, депутатом парламента и мэром Лиона Э. Эррио [Лавренова 2014]. Именно этот политик, возглавивший правительство Франции и Кэ д'Орсэ в мае 1924 г., способствовал установлению дипломатических отношений с Москвой.

В подобных условиях Чехословакия, не переставая восприниматься французскими дипломатами как часть «санитарного кордона», стала рассматриваться и как потенциальный «мост» в получении сведений и информации о Стране Советов, а быть может, — даже как негласный посредник в нормализации диалога между Парижем и Москвой. Вместе с тем французская позиция по указанным вопросам оставалась весьма уклончивой.

Учитывая отсутствие отношений с Советской Россией и наличие определенного «информационного голода», в МИД Франции и Военном министерстве ценили сведения от чехословацких представителей и визитеров в РСФСР. Эти сведения служили одним из информационных «окон» в страну, которая, согласно характеристике военного министра А. Мажино, данной в 1923 г., оставалась «непроницаемой» с точки зрения получения оттуда проверенных и надежных данных¹⁵.

Нередко сведения из чехословацких источников, касавшиеся Советского государства, подтверждали идеи, уже существовавшие во французских

¹² Mission militaire française, 44—45.

¹³ Journal du général Buat, 909.

¹⁴ DDF. 1920. T. 2, 377.

¹⁵ Ibid. 1923. T. 1, 657.

дипломатических и военных кругах. Рецепты советской политики Праги, суммированные в депеше Пелле от 4 декабря 1920 г. — необходимость поспособствовать внутренней трансформации советского режима за счет активной пропаганды на РСФСР — «достаточно хорошо корреспондировали со взглядами Бертело» [Hogenhuis-Seliverstoff 1999, 124]. Три года спустя Бенеш продолжил заверять французских дипломатов в том, что «нормализация» советского режима вполне возможна, хотя его собеседник, глава Управления политических и торговых дел Кэ д'Орсэ, граф Э. Перетти делла Рокка, считал такие перспективы весьма туманными¹⁶.

Другие оценки внутренней ситуации в Советской России, высказанные в марте 1922 г. одним из членов торговой миссии ЧСР в РСФСР в беседе с А. Виньоном, руководителем секретариата президента Мильерана, были недалеки от взглядов, присутствовавших на Кэ д'Орсэ и в Елисейском дворце. Чехословацкий представитель говорил о росте ксенофобии и антисемитизма в Советской России, а также не исключал волнений в стране в случае усугубления ситуации с голодом¹⁷. Схожая информация через чехословацкого посредника поступила в МИД Франции несколькими месяцами ранее. Ее источником был генерал А.А. Брусилов, который в беседе 27 января 1922 г. с одним из чехословацких инженеров, побывавшим в РСФСР, говорил о том, что «в нынешнем (большевистском. — *И.М.*) движении еврейский фактор играет ключевую роль. В России очень много активных и боевитых евреев, обладающих огромной способностью к ассимиляции. Они быстро приобрели колоссальное влияние и преобладают в революционной партии (т.е. РКП(б). — *И.М.*) и нынешнем правительстве»¹⁸.

Париж также был заинтересован в получении сведений из чехословацких источников ввиду, насколько можно судить, их достаточно высокого качества. Так, передавая в декабре 1922 г. Фошу сведения об активности германских авиационных фирм в Советской России, майор Лубиньяк, глава французской делегации в Межсоюзном гарантийном комитете по контролю над германской авиацией, просил перепроверить их именно через консула ЧСР в Москве¹⁹. Косвенно запрос Лубиньяка свидетельствовал о сохранявшемся недостатке информации о «стране Советов», который ощущали французские представители.

Помимо предоставления информации о советской стороне, Чехословакия могла сыграть и более серьезную роль в нормализации франко-советских отношений. Подобная опция стала активнее обсуждаться в 1923–1924 гг. по мере нарастания идей в Париже о поиске новых контактов с большевиками. Ранее общая международная обстановка и настрой руководства Третьей республики, скорее, не способствовали реализацией Прагой подобных посреднических функций.

Так, 28 октября 1921 г., во время встречи с представителями антисоветской кавказской эмиграции в Париже, Бриан твердо заверил их в том, что попытки большевиков вступить в переговоры с французскими властями «через Чехословакию, Румынию и Польшу», отвергались и впредь будут отвергнуты²⁰. Информация, поступавшая от самих чехословацких дипломатов в начале Рурского кризиса, также указывала на то, что возможностей для нормализации отношений не так много. 19 февраля 1923 г. посланник ЧСР в Париже С. Осуский

¹⁶ AMAE. 117 CPCOM. Vol. 353. F. 40. Visite de Beneš à Peretti, 27 décembre 1923.

¹⁷ Ibid. 118 PAAP. Vol. 67. F. 90. Note de Vignon, 22 mars 1922.

¹⁸ Ibid. F. 77. Renseignement, Russie soviétique. Interview du Général Brussilov, 27 février 1922.

¹⁹ SHD/DAT 4N94.

²⁰ Топчибаши, 255.

говорил Перретти о том, что политика Берлина в отношении Франции ужесточилась, в том числе ввиду того, что Германия рассчитывает на «военную поддержку, которую может найти в России»²¹.

Более того, попытки чехословацкого руководства в начале 1920-х годов нормализовать собственные отношения с Советской Россией вызывали настороженность у представителей Третьей республики. Подобные внешнеполитические шаги Праги воспринимались как шедшие вразрез с попытками консолидировать «санитарный кордон». Во французской военной миссии в ЧСР, как свидетельствовала записка от 10 ноября 1920 г., в худшем случае не исключали даже того, что отсутствие солидарности Польши и Чехословакии может «помешать формированию славянского польско-чехословацкого союза и поспособствовать соглашению между Чехословакией, Россией и Германией»²².

Заключение Временного договора между Чехословакией и РСФСР также стало тревожным «звонком» для Парижа. Бенеш использовал различные аргументы, желая доказать французским дипломатам резоны, стоявшие за его действиями. 17 июня 1922 г. он делился с французским посланником Ф. Куже своим желанием не обострять отношений с Москвой и не усугублять «те страхи, которые Советы вызывают у Румынии и Польши»²³.

Однако во время беседы с Бенешем 7 августа французский поверенный в делах А. Косм дал понять чехословацкому министру, что в Париже, Варшаве и Бухаресте есть «некоторые сомнения» в отношении заключенных ЧСР договоров. «Особенно деликатным», по словам французского дипломата, был вопрос о соотношении обязательств о нейтралитете ЧСР в соглашении с РСФСР с обязательствами Праги в рамках Малой Антанты. Бенеш стремился заверить Косма в том, что Малая Антанта имеет, прежде всего, антивенгерский, а не антисоветский характер, а также в том, что, «если Румыния нападет на Россию, Чехословакия будет придерживаться строгого нейтралитета. Однако если агрессию предпримет Россия, чехословацкое правительство будет освобождено от каких-либо обязательств в отношении Москвы и окажет Румынии самую щедрую помощь». Косм остался не до конца удовлетворен объяснениями Бенеша. В депеше, суммировавшей беседу и отправленной на Кэ д'Орсэ, Косм полагал, что Бенеш создал ситуацию, «когда с российским и румынским правительствами были подписаны два договора, которые противоречат друг другу по некоторым пунктам если не по букве, то по духу»²⁴. Французский дипломат был по-своему прав, поскольку через год, в июле — августе 1923 г., во время переговоров военных представителей ЧСР и Румынии, чехословацкая сторона отклонила румынский запрос о праве использовать железные дороги ЧСР для снабжения Польши, сославшись именно на условие договора от 5 июня 1922 г. о нейтралитете [Ferenčuhová 2006, 98].

Тем не менее к концу 1923 г., по мере нарастания осторожных попыток Парижа найти новый *modus vivendi* в отношениях с Москвой, внимание к Чехословакии как к потенциальному посреднику в достижении этой цели усилилось. 27 декабря, беседуя с Перетти в Париже, Бенеш говорил о стремлении к скорому признанию Советского Союза Чехословакией, обставленному рядом условий (выплата долгов, право на возвращение эмигрантов, возможность образования ими политической оппозиции в СССР). Перетти выразил скепсис по поводу согласия большевиков

²¹ DDF. 1923. T. 1, 255–256.

²² Mission militaire française, 68–69.

²³ AMAE. 118 PAAP. Vol. 92. F. 52. Couget à Poincaré, 17 juin 1922.

²⁴ DDF. 1922. T. 2, 140–141.

на подобные условия (особенно в отношении оппозиции), однако стремление Бенеша заключить декларацию о ненападении между СССР, Малой Антантой, Польшей и странами Балтии перекликалось с французскими тезисами. Перетти фактически одобрил посредничество Бенеша в контактах с советскими представителями и передачу оговоренных условий Москве²⁵.

Новая волна слухов в дипломатических кругах о сближении Франции и СССР при посредничестве ЧСР поднялась в январе 1924 г., что было недалеко от истины²⁶. Французский историк Ф. Дессберг считал, что инициатива использования ЧСР как посредника во франко-советском сближении исходила от уже упоминавшегося Перетти [Dessberg 2009, 24].

3 января Бенеш информировал советского полпреда К.К. Юренева о своих посреднических усилиях перед лицом Пуанкаре. Председатель Совета министров и министр иностранных дел Третьей республики, традиционно внимательный к формально-юридической стороне дела, при этом всячески подчеркивал во внутренней переписке Кэ д'Орсэ, что Бенеш не являлся «посредником» в полном смысле слова²⁷. Тем не менее Пуанкаре сообщил о готовности к переговорам с советскими представителями при двух условиях — признании Москвой международных договоров и довоенных долгов перед Францией («20 с лишним млрд франков») ²⁸. В ответе Юреневу заместитель наркома по иностранным делам М.М. Литвинов заявил о готовности НКВД к переговорам: «Мы согласны обсудить поставленные нам вопросы при непосредственных переговорах с представителями французского правительства» и «не видим непреодолимых препятствий для удовлетворительного их разрешения»²⁹. Нарком Г.В. Чичерин даже публично озвучил готовность к переговорам при посредничестве ЧСР в интервью французскому журналисту от 26 января³⁰.

Однако Пуанкаре в итоге не пошел на этот вариант. Более того, нельзя исключать, что Бенеш представил французскую позицию как более мягкую, нежели она была на самом деле. В записке от 29 декабря 1923 г. Виньон суммировал итоги бесед Бенеша с Пуанкаре и кадровыми дипломатами, состоявшиеся в Париже. Перетти говорил на них о том, что «Советы должны создать в России такую ситуацию, с международной точки зрения, которая сделает для нас возможным проведение с ними переговоров». По сути, речь шла о тех же условиях, которые были сформулированы на Каннской и Генуэзской конференциях 1922 г. и оставались неприемлемы для Москвы, ведь они *de facto* предполагали демонтаж советского строя: «Мы не собираемся вести с ними переговоров по этому поводу, поскольку не собираемся предоставлять им никаких компенсаций (в обмен на реализацию Каннских и Генуэзских условий. — И.М.)». Более того, и сам Бенеш отметил тогда, что «Пуанкаре не говорил ему о возможности признания советского правительства. Перетти ответил: в этом и состоит наша позиция. [...] Как бы там ни было, Бенеш, безусловно, попытается извлечь что-то из намеков Перетти, дабы попытаться получить от Советов некоторые уступки», — суммировал Виньон. Помимо двойственности позиции самого Пуанкаре, никуда не исчезла и та оппозиция признанию

²⁵ AMAE. 117 CPCOM. Vol. 353. F. 39–41. Visite de Beneš à Peretti, 27 décembre 1923.

²⁶ Ibid. F. 68. De Vienne à Paris, 8 janvier 1924.

²⁷ DDF. 1924. T. 1, 194.

²⁸ ДВП СССР, 11.

²⁹ Там же, 19.

³⁰ Там же, 48.

Советского Союза Францией, которую олицетворял президент Третьей республики Мильеран³¹.

В феврале 1924 г. Бенеш был настроен уже весьма скептически, полагая, что его посреднические усилия не увенчаются успехом. 14 февраля он говорил французскому посланнику Куже о том, что не ожидает положительной реакции Москвы на сделанные ранее предложения: «Советы в настоящее время опьянены признанием Англии и Италии», и будут строить свои отношения с Францией, исходя из условий переговоров и договоренностей с британцами³². Публикация 26 февраля Российским телеграфным агентством пересказа предложений Бенеша (последний не был назван напрямую, но его личность угадывалась за туманными формулировками) была резко негативно воспринята Пуанкаре³³. По всей видимости, публикация фиксировала разочарование НКВД в возможности договориться, а также желание получить от несостоявшейся затеи дивиденды хотя бы пропагандистского характера.

В целом попытка сыграть роль посредника и своеобразного моста между Францией и СССР в 1923–1924 гг. отвечала общему внешнеполитическому позиционированию Чехословакии, как его видели Масарик и Бенеш. Так, президент ЧСР рассматривал свою страну не столько как часть Восточной Европы, сколько как ключевой элемент так называемой Средней Европы. С точки зрения Масарика, Чехословакия могла стать как барьером, так и мостом между «германским и славянским миром» [Ferenčuhová 2008, 362]. Говоря о посреднических попытках чехословацкой дипломатии, примечательным, например, было и то, что в 1923 г. Прага являлась местом советско-югославских переговоров по установлению контактов, закончившихся, правда, безуспешно [Станков 2022b, 165]. В период Рурского кризиса организовать переговоры с французами через Бенеша пытался и МИД Германии. Однако в марте 1923 г. министр иностранных дел Чехословакии ответил на этот зондаж отказом, за что его поблагодарил Пуанкаре³⁴.

Как можно заметить из вышесказанного, на протяжении 1920–1924 гг. французские оценки роли Чехословакии во франко-советском взаимодействии не были неизменными. На них влияли разнообразные факторы. Общие тренды развития международных отношений в глобальном и региональном масштабах, процессы некоторой консолидации власти большевиков в СССР постепенно склоняли Париж к нормализации отношений с Москвой. Ряд исследователей даже исходит из того, что смена власти в Третьей республике в мае 1924 г. (правоцентристский Национальный блок был смещен левоцентристским Картелем левых) не имела принципиального значения, и между советской политикой Пуанкаре и Эррио имелись важные черты континуитета [Hogenhuis-Seliverstov 1981; Магачев 2022; Dessberg 2009, 20].

Несмотря на различные флуктуации, определенное концептуальное «ядро» присутствовало и во французских представлениях о роли, которую Чехословакия могла сыграть во взаимодействии Третьей республики и Страны Советов. Помимо обозначенных выше идей о значении Чехословакии как важного элемента «санитарного кордона», о желательности преодоления польско-чехословацких противоречий, наличие которых ослабляло «тыловых

³¹ DDF. 1923. Т. 2, 788–789.

³² Куже передал настрой Бенеша в телеграмме от 14 февраля 1924 г. Она была отправлена в Париж после беседы посланника с министром иностранных дел ЧСР. См.: DDF. 1924. Т. 1, 120, note 1.

³³ Ibid., 232–233.

³⁴ Ibid., 323.

союзников» Франции, важной константой была идея о русофильстве чехословацкого общества. Такие настроения создавали определенные рамки для действий официальной Праги.

Как отмечалось в записке Генштаба французской армии от 10 ноября 1920 г., «как бы решительно» чехословацкое правительство «не было настроено опираться на Запад, последнее не может заявить о своем антагонизме России, будь та советской, демократической или имперской»³⁵. Опасаясь в июле 1920 г. возможного выхода Красной армии на границы Чехословакии, французские офицеры в Праге в качестве фактора риска обращали повышенное внимание на «русофильское» население Подкарпатской Руси³⁶. Сам Бенеш также пытался использовать представление о русофильстве чехословацкого общества как аргумент в дискуссиях с французами. 7 августа 1922 г., аргументируя резоны, стоявшие за Временным договором между Чехословакией и РСФСР, в беседе с Космом, министр иностранных дел ЧСР, среди прочего, не обошелся и без традиционных ссылок на русофильские настроения в своей стране, отметив, что «чехи сильно привязаны к русскому народу»³⁷.

Некоторые константы французских представлений о Чехословакии не меняли того, что многое продолжало зависеть от конкретного деятеля и персоны в истеблишменте Третьей республики. Степень симпатий к Чехословакии, которую питали французские дипломаты и военные, разнилась. Если Бертело и Пелле можно отнести к симпатизантам Праги, то влиятельный генерал М. Вейган, близкий сподвижник Фоша, сыгравший важную роль в оказании помощи Польше в 1920 г., занимал более критическую позицию. Беседа 28 октября 1922 г. с Вейганом, генерал Бюа призвал донести до Фоша идею о желательности поездки маршала в Польшу, ЧСР и КСХС. Если начальник Генштаба намекал на необходимость усилить связи партнеров Франции друг с другом, то Вейган занял более выраженную пропольскую позицию. Во время встречи он озвучил информацию, поступившую ему из польской дипломатической миссии в Бухаресте. Речь шла о том, что «чехи и сербы сговорились выступить против передачи Восточной Галиции Польше и хотят закрепить ее за Чехословакией. Таким образом, эта славянская держава будет соприкасаться с Россией и отрежет поляков и румын друг от друга!»³⁸.

В Париже были осведомлены и о разнообразии точек зрения по поводу выстраивания отношений с СССР, которое существовало в самой Чехословакии. Оппонент Бенеша, чехословацкий политик К. Крамарж, выступал активным сторонником «белой» эмиграции и противником франко-советского сближения [Серापиева 2006]. 15 декабря 1923 г. он говорил французскому посланнику Куже, что официальное признание СССР Францией станет «катастрофой, которая лишит будущую Россию единственного друга, на которого она может рассчитывать за рубежом». Именно в «белой эмиграции» Крамарж видел силу, «которой предназначено сыграть огромную роль в обновлении России»³⁹. Наличие подобных точек зрения отчасти ослабляло посреднические усилия Бенеша.

³⁵ Mission militaire française, 69.

³⁶ Ibid., 44–45.

³⁷ DDF. 1922. T. 2, 141.

³⁸ Journal du général Buat, 1265.

³⁹ AMAE. 117 CPCOM. Vol. 353. F. 29. Couget à Poincaré, 15 décembre 1923.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДВП СССР – Документы внешней политики СССР.
КСХС – Королевство сербов, хорватов и словенцев.
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел.
ЧСР – Чехословацкая Республика.
117 CPCOM – Correspondence politique et commerciale. Série Z-Europe, 1918–1940.
118 PAAP – Papiers Millerand.
AMAE – Archives du Ministère des Affaires étrangères, Courneuve.
DDF – Documents diplomatiques français.
SHD/DAT – Service historique de la défense / Département de l'armée de terre, Vincennes.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 7. 740 с.
Русская военная эмиграция, 20–40-х годов. Документы и материалы. М., 2001. Т. 2.
Топчибаши А.М. Парижский архив 1919–1940. М.: Художественная литература, 2016. Кн. 2 / сост.: Г. Мамулия, Р. Абуталыбов; науч. ред. И. Агакишиев. 576 с.
Archives du Ministère des Affaires étrangères. La Courneuve.
Documents diplomatiques français. 1920. Paris: Imprimerie nationale, 1999. Т. 2. 688 p.; 1921. Т. 1. Bruxelles: P.I.E. Lang, 2004. 843 p.; 1922. Т. 1. Bruxelles: P.I.E. Lang, 2007. 837 p.; 1922. Т. 2. Bruxelles, 2008. 664 p.; 1923. Т. 1. Paris: P.I.E. Lang, 2010. 756 p.; 1924. Т. 1. Paris: P.I.E. Lang, 2013. 652 p.
Journal du général Buat, 1914–1923. Paris: Perrin, 2015. 1400 p.
Mission militaire française auprès de la République Tchécoslovaque 1919–1939. Édition documentaire. Sér. 1. Vol. 4. Praha: Vojenský historický ústav, 2009. 386 p.
Service historique de la défense / Département de l'armée de terre.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / отв. ред. А.Ю. Павлов. СПб.: РХГА, 2021. Т. 2. 892 с.
- Кантор Ю.З., Волос М. Треугольник Москва – Варшава – Берлин: Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. М.: Европейский дом, 2011. 218 с.
- Лавренова А.В. Поездка Эдуарда Эррио в Советскую Россию в 1922 году (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 57–68.
- Магадеев И.Э. Роль стран Балтии в советско-французских отношениях периода непризнания, 1919–1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 161–176.
- Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспект Пресс, 2016. 176 с.
- Родин Д.В. Проекты «новых Локарно» в англо-германских отношениях во второй половине 1920-х годов. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2021. 367 с.
- Серapiroнова Е.П. Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.
- Серapiroнова Е.П. Временный договор между РСФСР и Чехословакией: к 100-летию подписания // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 68–85.
- Станков Н.Н. Франко-бельгийская оккупация Рурской области и политика Чехословакии (январь–февраль 1923 г.) // Восточная Европа после Версаля / отв. ред. И.И. Костюшко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 187–202.
- Станков Н.Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // Славяноведение. 2022а. № 3. С. 5–19.
- Станков Н.Н. Советско-югославские переговоры в Праге об установлении дипломатических отношений (1926–1928 гг.) // XV Плехановские чтения. Советский Союз в геополитических условиях 1927–1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства / под ред. Т.И. Филимоновой. СПб.: РНБ, «Ниц-арт», 2022б. С. 165–174.
- Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925. М.: Наука, 1974. 330 с.
- Davion I. Mon voisin, cet ennemi: la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939. Bruxelles: Peter Lang, 2009. 472 p.

- Davion I. Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939 // *Revue historique des armées*. 2010. No. 260. P. 54–64.
- Dessberg F. *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles: Peter Lang, 2009. 440 p.
- Ferenčuhová B. La vision slovaque des relations entre la France et la Petite Entente (1918–1925) // *Nations, cultures et sociétés d'Europe centrale aux XIXe et XXe siècles. Mélanges offerts à Bernard Michel* / sous la dir. de C. Horel. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2006. P. 83–105.
- Ferenčuhová B. L'alliance franco-tchécoslovaque dans l'entre-deux-guerres. Le poids de l'image du français et du russe/soviétique dans le processus de décision en politique étrangère // *Images des peuples et histoire des relations internationales du XVI siècle à nos jours* / sous la dir. de M.M. Benzoni, R. Frank, S.M. Pizzetti. Paris: Publications de la Sorbonne, 2008. P. 357–375.
- Hogenhuis-Seliverstoff A. *Les relations franco-soviétiques 1917–1924*. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.
- Hogenhuis-Seliverstoff A. La trace tenue d'une alliance ancienne: La France et la Russie, 1920–1922 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 1999. No. 193. P. 117–130.
- Jordan N. *The Popular Front and Central Europe: The Dilemmas of French Impotence 1918–1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 368 p.
- Marguerat Ph. Les investissements français dans le Bassin danubien durant l'entre-deux-guerres: pour une nouvelle interprétation // *Revue historique*. 2004. No. 629. P. 121–162.
- Michel B. La présence française en Tchécoslovaquie et en Pologne de l'entre-deux-guerres à la prise du pouvoir par les communistes (1918–1951) // *Le rayonnement français en Europe centrale du XVIIIe siècle à nos jours* / sous la dir. de O. Chaline, J. Dumanowski, M. Figeac. Pessac: Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 2009. P. 93–107.
- Néré J. *The Foreign Policy of France from 1914 to 1945*. London: Routledge, 1975. 366 p.
- Salzmann S.C. *Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and After, 1922–1934*. London: Boydell Press., 2002. 201 p.
- Thiveaud J.-M. L'arme financière en Tchécoslovaquie (Paris 1918 – Munich 1938) // *Revue d'économie financière*. 1990. No. 12–13. P. 252–263.
- Wandycz P.S. *France and her eastern allies, 1919–1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. 454 p.

Рукопись поступила в редакцию 25.01.2023

Рукопись принята к печати 30.04.2023

REFERENCES

- Davion I. *Mon voisin, cet ennemi: la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939*. Bruxelles, Peter Lang Publ., 2009, 472 p.
- Davion I. Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939. *Revue historique des armées*, 2010, no. 260, pp. 54–64.
- Dessberg F. *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, Peter Lang Publ., 2009, 440 p.
- Ferenčuhová B. La vision slovaque des relations entre la France et la Petite Entente (1918–1925). *Nations, cultures et sociétés d'Europe centrale aux XIXe et XXe siècles. Mélanges offerts à Bernard Michel*, ed. C. Horel. Paris, Éditions de la Sorbonne, 2006, pp. 83–105.
- Ferenčuhová B. L'alliance franco-tchécoslovaque dans l'entre-deux-guerres. Le poids de l'image du français et du russe/soviétique dans le processus de décision en politique étrangère. *Images des peuples et histoire des relations internationales du XVI siècle à nos jours*, eds. M.M. Benzoni, R. Frank, S.M. Pizzetti. Paris, Publications de la Sorbonne, 2008, pp. 357–375.
- Hogenhuis-Seliverstoff A. *Les relations franco-soviétiques 1917–1924*. Paris, Publications de la Sorbonne, 1981, 316 p.
- Hogenhuis-Seliverstoff A. La trace tenue d'une alliance ancienne: La France et la Russie, 1920–1922. *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 1999, no. 193, pp. 117–130.
- Iaz'kova A.A. *Malaia Antanta v jevropeiskoi politike. 1918–1925*. Moscow, Nauka Publ., 1974, 330 p. (In Russ.)
- Jordan N. *The Popular Front and Central Europe: The Dilemmas of French Impotence 1918–1940*, Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2002, 368 p.
- Kantor Iu.Z., Volos M. *Treugol'nik Moskva–Varshava–Berlin: Ocherki istorii sovetsko-pol'sko-germanskikh otnošenii v 1918–1939 gg.* Moscow, Jevropeiskii dom Publ., 2011, 218 p. (In Russ.)

- Lavrenova A. V. Pojezdka Eduarda Errio v Sovetskuiu Rossiiu v 1922 godu (po novym arkhivnym materialam). *Novaia i noveishaia istoriia*, 2014, no. 4, pp. 57–68. (In Russ.)
- Magadejev I.E. Rol' stran Baltii v sovetsko-frantsuzskikh otnosheniakh perioda nepriznaniia, 1919–1924 gg. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriia: Istorii Rossii*, 2022, t. 21, no. 2, pp. 161–176. (In Russ.)
- Marguerat Ph. Les investissements français dans le Bassin danubien durant l'entre-deux-guerres: pour une nouvelle interprétation. *Revue historique*, 2004, no. 629, pp. 121–162.
- Michel B. La présence française en Tchécoslovaquie et en Pologne de l'entre-deux-guerres à la prise du pouvoir par les communistes (1918–1951). *Le rayonnement français en Europe centrale du XVIIe siècle à nos jours*, eds. O. Chaline, J. Dumanowski, M. Figeac. Pessac, Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 2009, pp. 93–107.
- Néré J. The Foreign Policy of France from 1914 to 1945, London, Routledge, 1975, 366 p.
- Pavlova M.S. *Litva v politike Varshavy i Moskvy v 1918–1926 godakh*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2016, 176 p. (In Russ.)
- Rodin D.V. *Proekty «novykh Lokarno» v anglo-germanskikh otnosheniakh vo vtoroi polovine 1920-kh godov*. Diss. kand. ist. nauk. Moscow, 2021, 367 p. (In Russ.)
- Salzmann S.C. *Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and After, 1922–1934*. London Boydell Press., 2002, 201 p.
- Serapionova Je. P. *Karel Kramarz i Rossiia, 1890–1937 gody: ideinye vozzreniia, politicheskaia aktivnost', sviazi s rossiiskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deiateliami*. Moscow, Nauka Publ., 2006, 512 p. (In Russ.)
- Serapionova Je. P. Vremennyi dogovor mezhdru RSFSR i Chekhoslovakiei: k 100-letiiu podpisaniia. *Slavianskii al'manakh*, 2022, no. 1–2, pp. 68–85. (In Russ.)
- Stankov N.N. Franko-bel'giiskaia okkupatsiia Rurskoi oblasti i politika Chekhoslovakii (ianvar'–fevral' 1923 g.). *Vostochnaia Evropa posle Versalia*, ed. I.I. Kostushko. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2007, pp. 187–202. (In Russ.)
- Stankov N.N. Pervyi sovetsko-chekhoslovatskii dogovor: ot projekta do podpisaniia (2 apreliia 1921–5 iunია 1922 goda). *Slavianovedeniie*, 2022a, no. 3, pp. 5–19. (In Russ.)
- Stankov N.N. Sovetsko-iugoslavskie peregovory v Prage ob ustanovlenii diplomaticheskikh otnoshenii (1926–1928 gg.). *XV Plekhanovskije chteniia. Sovetskii Soiuz v geopoliticheskikh usloviiakh 1927–1941 gg.: problemy, tseli i rezul'taty v oblasti vnutrennego i vnesnepoliticheskogo kursov stroitel'stva gosudarstva*, ed. T.I. Filimonova. Saint Petersburg, RNB Publ., «Nits-art» Publ., 2022b, pp. 165–174. (In Russ.)
- Thiveaud J.-M. L'arme financière en Tchécoslovaquie (Paris 1918 – Munich 1938). *Revue d'économie financière*, 1990, no. 12–13, pp. 252–263.
- Vrag, protivnik, soizuznik? Rossiia vo vnesheii politike Frantsii v 1917–1924 gg., ed. A. Iu. Pavlov, t. 2. Saint Petersburg, RKHGA Publ., 2021, 892 p. (In Russ.)
- Wandycz P.S. *France and her eastern allies, 1919–1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1962, 454 p.

Received on 25.01.2023

Accepted on 30.04.2023

Информация об авторе:

Магадеев Искандер Эдуардович
кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный институт
(университет) международных отношений
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6521-2202
E-mail: iskander2017@yandex.ru

Information about the author:

Iskander E. Magadeev
Ph D. (History), Associate Professor
Moscow state institute of international relations
(MGIMO-University)
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6521-2202
E-mail: iskander2017@yandex.ru

Словацко-венгерская «Малая война» в контексте послемиюнхенского кризиса в двусторонних отношениях (март – сентябрь 1939 г.)

© 2024 г. А.П. Сальков

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

anatsalkov@mail.ru

Аннотация. Миюнхенское соглашение повлияло на развитие национально-территориального конфликта между Чехо-Словакией и Венгрией по поводу принадлежности части Подкарпатской Руси. Первый Венский арбитраж 2 ноября 1938 г. разрешил его в пользу Венгрии, что создало новую конфигурацию в споре между автономной Словакией в составе «Второй республики» и Венгрией, вовлекая в него и Польшу. Варшава стремилась к созданию общей польско-венгерской границы, для чего в ноябре 1938 г. предприняла неудачную операцию «Лом» в Закарпатье, но благодаря локальным боям в районах Чадцы и Яворины все-таки добилась цели, завершив таким образом последнюю корректировку послемиюнхенского разграничения в пользу Польши. С января 1939 г. начались инциденты на словацко-венгерской границе. Ввиду угрозы расчленения 14 марта Словакия провозгласила независимость, но Венгрия оккупировала Карпатскую Украину, а затем развязала так называемую Малую войну (23–31 марта). К Венгрии отошло 1050 кв. км словацкой территории с населением в 40 тыс. человек, половина которых были словаками. Словацко-венгерские отношения приобрели враждебный характер. Германия сделала конфликт между двумя странами предметом политического шантажа, что стало одной из причин их присоединения к фашистской «оси».

Ключевые слова: Первый Венский арбитраж, Словакия, Венгрия, «Малая война» (март 1939), словацко-венгерские отношения, словацко-польские отношения.

Ссылка для цитирования: Сальков А.П. Словацко-венгерская «Малая война» в контексте послемиюнхенского кризиса в двусторонних отношениях (март – сентябрь 1939 г.) // Славяноведение. 2024. № 1. С. 54–69. DOI: 10.31857/S0869544X24010042

The Slovak-Hungarian «Small War» in the Context of the Post-Munich Crisis in Bilateral Relations (March – September 1939)

© 2024. Anatol P. Salkov

Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

anatsalkov@mail.ru

Abstract. The Munich Agreement had a profound effect on the national-territorial conflict between Czechoslovakia and Hungary. The first Vienna Award on November 2, 1938 resolved it in favor of Hungary. The consequences of the arbitration created a new configuration in the territorial dispute between autonomous Slovakia within the Second Republic and Hungary, involving Poland as well. Warsaw sought to obtain a joint Polish-Hungarian border, which led to the events of November 1938 – the Polish operation «Lom» in Transcarpathia failed, but local battles in the areas of Čadca and Javorina ended with the last adjustment of the post-Munich delimitation in favor of Poland. Since January 1939 incidents began on the Slovak-Hungarian border. In view of the threat of dismemberment of Slovakia on March 14, it declared independence. Hungary occupied Carpatho-Ukraine and then unleashed the «Small War» (March 23–31). Hungary received 1,050 sq. km with a population of 40 thousand people, half of whom were Slovaks. Slovak-Hungarian relations acquired a hostile character. Germany made the conflict between the two countries the subject of political blackmail, which was one of the reasons for their joining the fascist «axis».

Keywords. First Vienna Award November 2, 1938, Slovakia, Hungary, «Small War» (March 1939), Slovak-Hungarian relations, Slovak-Polish relations.

For citation: Anatol P. Salkov. The Slovak-Hungarian «Small War» in the Context of the Post-Munich Crisis in Bilateral Relations (March – September 1939) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 1. P. 54–69. DOI: 10.31857/S0869544X24010042

Традиционно конфликтное в послеверсальской Европе словацко-венгерское этническое и государственное разграничение вследствие мюнхенского расчленения ЧСР получило новые импульсы (см. подробнее: [Saľkov 2010]). Однако в Мюнхене А. Гитлер не захотел обсуждать венгерский и польский вопросы, так как намеревался решить их с наибольшей выгодой для себя. По сообщению посланника ЧСР в Италии Ф. Хвалковского, рейхсканцлер Германии даже «не рекомендовал чехам проявлять излишнюю уступчивость перед лицом венгерских притязаний»¹. Тем не менее интересы венгерского и польского национальных меньшинств в ЧСР по просьбе Гитлера представлял на конференции Б. Муссолини². Лишь под его давлением проблема была упомянута в дополнении к соглашению, согласно которому, если ее не урегулируют в течение трех месяцев, вопрос должны будут рассмотреть участники Мюнхенской конференции³.

Однако на деле реализовался иной сценарий. Развернулись бурные события начала октября 1938 г.: венгерский ультиматум 1 октября, уход 5 октября президента ЧСР Э. Бенеша⁴ в отставку, объявление 6 октября автономии Словакии во главе с Й. Тисо⁵, принятие А. Гитлером плана действий в Центральной Европе, который исключал образование венгерско-польской границы (на основе меморандума заместителя статс-секретаря иностранных дел Германии Э. Вёрмана).

В МИД Германии были проработаны, а 7 октября представлены Гитлеру⁶ четыре гипотетических способа решения словацкого вопроса (от различных вариантов автономии, включая ориентацию на Венгрию или Польшу, до

¹ Мюнхенский сговор, 358.

² Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 1, 88.

³ Венгрия и Вторая мировая война, 107.

⁴ Бенеш Эдвард – министр иностранных дел (с ноября 1918 по декабрь 1935 г.), президент ЧСР (с декабря 1935 по октябрь 1938 г.).

⁵ Тисо Йозеф – глава автономного правительства Словакии (с октября 1938 по март 1939 г.), премьер-министр (с марта по октябрь 1939 г.), президент Словацкой республики (с октября 1939 по апрель 1945 г.).

⁶ «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu. Dokumenty I, 76–77.

независимости). В Братиславе понимали нависшую угрозу и готовились к худшему. 9 октября правительство издало предписание на случай, если придется оставить территории с венгерским большинством населения. Оно было дополнено 11 октября инструкцией, адресованной местным властям ряда таких населенных пунктов [Vrábel 2018, 29].

На этом фоне 9–13 октября на пароходе «Жофия» в словацком дунайском порту Комарно прошли бесплодные венгеро-чехо-словацкие переговоры на основе старых требований Венгрии о передаче ей южных районов Словакии и Подкарпатской Руси. Чехо-Словацкая республика (Ч-СР) сразу согласилась в знак доброй воли уступить Венгрии в течение 24 часов пограничный городок Шаги (венг. Ипойшаг) в Южной Словакии и 36 часов – станцию Нове Место-под-Шатром (венг. Шаторальяуйхей) в Земплине⁷. Венгрия же потребовала передать ей полосу территории Верхнего края (Фелвидека, что в венгерском понимании охватывало южные районы Словакии и Подкарпатской Руси) шириной в среднем 40 км и длиной свыше 800 км с крупными городами Братиславой (венг. Пожонь), Кошице (венг. Кашша), Мукачево (венг. Мункачи)⁸. По воспоминаниям участника переговоров министра юстиции Ф. Дурчанского⁹, «венгры хотели четверть Словакии», опираясь на данные переписи 1910 г., столь тенденциозные, что сам Й. Тисо фигурировал в ней как мадьяр¹⁰.

Сразу после провала переговоров регент Венгерского королевства М. Хорти¹¹ организовал визит недавнего премьера К. Дараньи в Мюнхен. Во время переговоров, состоявшихся 14 октября, Гитлер упрекнул Венгрию за пассивность в период подписания Мюнхенского соглашения, когда, как он считал, можно было занять всю Словакию, и заявил, что теперь необходимо искать компромисс [Волков 1978, 49].

Урегулирование через арбитраж становилось неизбежным. Он состоялся в Вене 2 ноября 1938 г. в составе министров иностранных дел Германии и Италии (И. Риббентропа и Г. Чиано) и вынес решение, изложенное в семи пунктах. В самом важном, первом, пункте говорилось, что передаваемые Ч-СР в пользу Венгрии территории обозначаются на карте, а демаркация новой границы на месте возлагается на их совместную комиссию. По показаниям венгерского генерал-полковника И. Рускицай-Рюдигера, позже находившегося в советском плену, новую границу на карту арбитры нанесли лично¹², но карта не была опубликована и до сих пор не обнаружена¹³, сохранилось лишь несколько различных описаний границы.

Автономное правительство не получило от Берлина и Рима приглашения на арбитраж. Когда словацкая делегация все же приехала в Вену, ее держали на задворках переговоров, а Ф. Хвалковский сообщил словакам уже готовое решение. Поэтому Й. Тисо долго отказывался подписывать окончательный документ, но Риббентроп и Хвалковский вынудили его сделать это. При этом рейхсминистр отметил, что «только благодаря Мюнхену Словакия еще

⁷ Viedenská arbitráž – 2. november 1938. Dokumenty I. 2002, 80–81.

⁸ АВПРФ. Ф. 77. Оп. 14. П. 6. Д. 4. Л. 9.

⁹ Дурчанский Фердинанд – министр юстиции, социальной опеки и здравоохранения (с октября по декабрь 1938 г.), министр общественных работ и транспорта (с декабря 1938 по март 1939 г.), министр иностранных дел и министр внутренних дел Словакии (с марта 1939 по июль 1940 г.).

¹⁰ *Ďurčanský Ferdinand*, 63.

¹¹ Хорти Миклош – регент Венгерского королевства (с марта 1920 по октябрь 1944 г.).

¹² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 141. Л. 174.

¹³ Viedenská arbitráž – 2. november 1938. Dokumenty I. 2002, 203–205.

существует, иначе, не будь Мюнхена, все заинтересованные стороны растянули бы ее по кускам»¹⁴.

Все перипетии с картой и разными вариантами описания границы привели к появлению противоречивых данных о размере переданных территорий и численности их населения (см. подробнее: [Сальков 2019]). Фактическое совпадение показателей, приведенных в ноябре 1938 г. Прагой¹⁵ и Братиславой¹⁶ — 10,3 тыс. км кв. и 854 тыс. человек жителей, из которых 59,0% являлись мадьярами — позволяет считать их наиболее объективными.

Статистический сумбур имел свои корни. Сведения переписей разных лет, начиная с середины XIX в., сильно разнились, хотя никаких геноцидальных катастроф в крае не было. Разгадка состояла в том, что одни и те же люди, будучи многоязыкими, в зависимости от личной выгоды называли себя то словаками, то венграми. Например, накануне арбитража более 70% жителей Кошиц говорили на двух-трех языках, а около 25% — на четырех и более. При этом абсолютное большинство горожан предпочитали пользоваться венгерским [Simon 2014, 155–156].

Итоги триумфального для Будапешта арбитража были подведены 12 ноября на заседании Палаты представителей Венгерского парламента (созыва 1935 г.). Председатель палаты А. Ташнади предложил разработать законопроект о «возвращении Фелвидека к Святой Короне», предполагающий интеграцию этой территории, унификацию ее юридической и экономической систем, формирование местных органов власти¹⁷. Ф. Дурчанский вспоминал: Венский арбитраж «превзошел самые оптимистические ожидания венгров», что давало им основания думать об отсутствии у словаков «иного выхода кроме присоединения к Венгрии»¹⁸.

Но не все было так однозначно. В Будапеште узнали о планах Берлина создать обширную Закарпатскую державу, включающую земли соседних стран и опасались, что подобное славянское государство «могло бы привлечь славян из Чехословакии и, овладев Карпатами, обратить потом внимание на Дунайскую равнину [...], что угрожает последующим уничтожением Венгрии»¹⁹. Великобритания *de jure* не признала результаты арбитража, что привело к охлаждению в венгерско-британских отношениях [Becker 2011, 130–131].

Для реализации арбитражных решений был сформирован ряд смешанных комиссий. Основную роль играла делимитационная, которая решила использовать в качестве границ населенных пунктов не административное деление, а данные земельного кадастра. На переданных землях начался принудительный сгон чешских, словацких и русинских колонистов. На этом фоне Будапешт заявил о стремлении к дальнейшему пересмотру границы с Ч-СР с тем, чтобы добиться «исторических границ» Венгрии, так как венское решение считал только «специальным», но не «окончательным» [Пеганов 2009, 206–207].

В Венгрии была развернута пропагандистская кампания с целью присоединения оставшейся в Ч-СР части Подкарпатья (*венг.* Карпаталья). Уже 3 ноября Венгерское радиоагентство сообщило о митинге в Хусте (*венг.* Куст) (ставшего центром края после утраты Ужгорода (*венг.* Унгвар)), участники которого декларировали историческое и экономическое единство всего края и требовали

¹⁴ Tiso Jozef, 265.

¹⁵ Viedenská arbitráž — 2. november 1938. Dokumenty I. 2002, 209–210.

¹⁶ Ibid., Dokumenty II. 2003, 31.

¹⁷ Képvisezőházi napló, 1935. XX. kötet (1938. június 21. — 1938. december 5.). 258. old.

¹⁸ Ďurčanský Ferdinand, 65.

¹⁹ Агрессия. Рассекреченные документы СВР РФ, 131.

проведения референдума о присоединении к Венгрии. «*Kárpátok magyar újság*» («Карпатская венгерская газета») вторила этим призывам: «Северная часть Подкарпатья не может быть отделена от южной, так как они связаны тысячелетним прошлым и единством местных жителей» [Fedinec 2015, 57–58].

6 ноября в правящих кругах Будапешта был разработан план вооруженного захвата всего Подкарпатья, что случайно стало известно в Берлине. Две германские ноты сдержали венгров, потому что Германия уже планировала подчинение себе всей Ч-СР²⁰. После этих событий на политической авансцене Венгрии выдвинулась фигура графа И. Чаки²¹.

Итак, обстоятельства и последствия арбитража создали новую конфигурацию в территориальном споре между автономной Словакией в составе «Второй республики» и Венгрией, вовлекая в него и Польшу.

Еще в октябре, когда министр иностранных дел Польши Ю. Бек пытался добиться от Берлина согласия на венгерскую оккупацию всей Подкарпатской Руси для создания общей польско-венгерской границы (на что его толкал страх перед украинским ирредентизмом и собственные претензии на Тешенскую Силезию), Венгрия попросила Польшу помочь ей войсками. Однако Варшава пошла по пути организации в крае диверсионных акций. 19 октября Генштаб Войска польского отдал приказ о начале операции «Лом». 15 ноября силами недавних силезских участников «восстания в Заользье» начались диверсионные действия гибридного характера в сопредельных районах Закарпатья. Однако в считанные дни стало ясно, что Венгрия вынуждена отказаться от захвата края вооруженным путем. 25 ноября операция была свернута, а польские отряды в составе 720 боевиков отозваны, проведя 56 диверсий²².

Польша, поддержав образование автономной Словакии (хотя сама надеялась установить протекторат над ней), вскоре обнаружила, что Братислава находится в орбите влияния Берлина, поэтому спешно выдвинула новые притязания. Специально созданные на спорных территориях общественные структуры – Комитет помощи Спишу и Ораве, Комитет объединения оравских поляков – потребовали присоединения к Польше значительной территории. Запросы же официальной Варшавы были скромнее – город Чадца, Яворина (самая высокая гора Белых Карпат), часть Татрских лесов, бассейн р. Попрад с преимущественно словацким населением в 6 тыс. человек. Словакия отвергла эти требования, но получив ультиматум, согласилась на плебисцит. После мелкого, но раздутого Варшавой инцидента (два камня, брошенные в автобус с польской делегацией), части опергруппы «Шлёнск» Войска польского 25 ноября пересекли границу, проведя локальные бои в районах Чадцы и Яворины. 30 ноября был подписан делимитационный протокол – Словакия потеряла 226 кв. км с 4,3 тыс. человек населения, что стало последней корректировкой послемиюнхенского разграничения [Fukala].

На отошедших к Венгрии арбитражных землях протекали своеобразные национальные процессы. В южных районах Подкарпатья в среде восточнославянского русинского населения возникли русофильские настроения, что встретило крайне негативное отношение со стороны венгерских властей. Их пропаганда всячески подчеркивала «венгеро-русинское братство», дикость чуждой «русско-татарской культуры», отсутствие этнической близости между

²⁰ Венгрия и Вторая мировая война, 141.

²¹ Чаки Иштван – в качестве начальника канцелярии МИД был венгерским наблюдателем на Мюнхенской конференции, министр иностранных дел Венгрии (с декабря 1938 по январь 1941 г.).

²² Akcja «Łom», 199–200, 237–238, 270, 279.

русинами и украинцами. Возвращение русинов в православие (изначально они являлись православными, но под влиянием Брестской унии 1596 г. значительная их часть перешла в греко-католичество) расценивалось как измена. С другой стороны, в Восточной Словакии (районы Абов, Южный Шариш, Южный Земплин) постепенно развивалось национально-культурное движение «словаков» во главе с поэтом Виктором Дворчаком. Население этих районов объявлялось отдельным западнославянским народом с уникальными языком и культурой. По сути ирредентистски настроенные «словацкие» деятели подчеркивали, что, несмотря на языковую близость со словаками, братским народом для них являются венгры. И русинская, и «словацкая» проблемы стали факторами давления Будапешта на Братиславу [Казак 2014, 416–418].

На арбитражной территории венгры начали проводить политику репрессий против словацкого населения – аресты, обвинения в госизмене, происходили стычки на бытовом уровне. Особый отклик вызвал инцидент в нитранском городке Шураны (венг. Нагишурань). Собравшиеся 24 декабря у церкви 2–3 тыс. словаков выкрикивали антивенгерские лозунги, а затем под благовидным предлогом (все находившиеся в церкви словаки начали кашлять) сорвали рождественскую мессу на венгерском языке. 25 декабря ситуация повторилась, но венгерские власти заранее направили к церкви отряд полиции. В результате потасовки был открыт огонь. Погибла молодая девушка, 50 словаков арестовали²³. События в Шуранах приобрели широкое политическое звучание.

В начале января 1939 г. начались инциденты на словацко-венгерской границе. Изучить их причины Берлин поручил Роберту Новаку, офицеру абвера, курировавшему Юго-Восточную Европу. В начале 1939 г. он предпринял две поездки по Верхней Венгрии. Их результатом стали два отчета, больших по объему и насыщенных пусть тенденциозным, но богатым содержанием об этническом составе края, общественных настроениях населения, соотношении военных сил²⁴.

Активным проводником интересов Берлина в Словакии являлись партийные структуры лидера немецкого этнического меньшинства в Словакии Ф. Кармасына²⁵. Призывы его Немецкой партии присоединить Словакию к Германии не нашли отклика в Берлине, где придерживались концепции о словацких немцах как образце статуса меньшинства в Юго-Восточной Европе [Маннова 2003, 323–324]. Весьма содержательны четыре отчета функционера Немецкой партии Курта Рабла, составленные накануне и после арбитража²⁶. Интересно, что в ряде районов Южного Спиша с немецким населением (Нижний и Верхний Меджев, Штус) после угасшего по команде из Берлина немецкого ирредентистского движения стало нарастать желание присоединиться к Венгрии. При этом посол Венгрии в Германии Д. Стояи²⁷ в феврале 1939 г. отрицал стремление Будапешта присоединить эти территории²⁸. Гер-

²³ Krvácajúca hranica, 408–411, 457–462.

²⁴ «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu. Dokumenty II, 98–110, 434–443.

²⁵ Кармасин Франц – один из создателей Карпатонемецкой партии Словакии, после ее объединения (1935) с Судетонемецкой партией был заместителем К. Генлейна по Словакии и Подкарпаты. В октябре 1938 г. создал Немецкую партию (Словакии), как преемницу Карпатонемецкой. Лидер немецкого этнического меньшинства.

²⁶ «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu. Dokumenty I, 268–272, 299–303.

²⁷ Стояи Дёме – посол Венгрии в Германии (с 1936 по 1944 г.), будущий премьер-министр и министр иностранных дел (с марта по август 1944 г.) прогерманского правительства оккупированной немцами Венгрии.

²⁸ «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu. Dokumenty II, 246–247.

манский генконсул в Братиславе Э. Дрюффель сообщил о планах главы Венгерской партии в Словакии графа Я. Эстерхази²⁹ пролоббировать в Берлине присоединение к Венгрии Меджева³⁰.

В условиях вмешательства Гитлера как в конфликт между властями Праги и Братиславы, так и в словацкий правительственный кризис, а также ввиду явной угрозы расчленения Словакии ее сейм 14 марта 1939 г. провозгласил независимость [Hoensch 2001, 159–183]. В ночь на 15 марта вызванный в Берлин президент Ч-СР Э. Гаха³¹ принял ультимативные условия Гитлера и согласился на ликвидацию независимости и оккупацию Ч-СР. «Вторая республика» прекратила существование. Венгрия же 15–18 марта оккупировала Карпатскую Украину, присоединив ее с пышным титулом «Возвращенная Венгерской Святой Короне Карпаталья». По венгерским оценкам того времени из 674 тыс. жителей края русины составляли 500 тыс., а венгры – 62 тыс. человек³². В сообщении разведуправления РККА «О событиях в Чехословакии» 20 марта еще за три дня до начала «Малой войны» было подчеркнуто: агрессоры «от “национального принципа” захватов перешли к захватам без покрывал»³³.

Венгрия стала первой из 27 государств, признавших Словакию *de jure*, при этом делала все возможное для историко-документального закрепления полученных территорий, например, в Будапеште было издано огромное тысячестраничное исследование Дьюлы Секхалми по многовековой истории Фелвидека с обоснованием венгерской исторической аргументации обладания краем [Szeghalmy URL].

Договор об охранных отношениях между Германией и Словакией государством (Охранный договор), тайно подписанный в Вене 18 марта 1939 г. со сроком действия в 25 лет, оказал глубокое воздействие на развитие словацко-венгерского конфликта. Германия по договору брала на себя охрану независимости и территориальной целостности Словакии (§ 1). Словакия соглашалась на создание «охранной зоны» вдоль ее западной границы с исключительными правами для вермахта (§ 2), обязывалась поставить под контроль Берлина свою армию (§ 3), а также согласовывать с ним внешнюю политику (§ 4). Следует отметить: в октябре 1939 г. словацкая сторона обнаружила, что оригинальный текст договора был потерян³⁴.

Подписанию договора предшествовали события, которые вносят коррективы в сложившееся в литературе описание хода событий. Ввод немецких войск на территорию Словакии начался 17 марта, а не позднее, как принято считать. Это следует из письма словацкого МИД в Берлин в этот день, в котором уже содержались сведения о вступлении частей вермахта в страну. Параллельно началась и немецкая оккупация Чехии, что вызвало транспортный коллапс на чешско-словацкой границе и панику в Братиславе. Эти обстоятельства,

²⁹ Эстерхази Янош – глава Венгерской партии в Словакии и лидер венгерского этнического меньшинства. В 1942 г. был единственным, кто голосовал в парламенте Словакии против депортации словацких евреев в нацистские лагеря смерти. В конце войны объявлен в розыск гестапо за спасение евреев и словаков, но в итоге был арестован контрразведкой СМЕРШ в апреле 1945 г. в Братиславе и осужден в СССР на 10 лет (в чем-то повторил трагическую судьбу шведского дипломата в Венгрии Рауля Валленберга, арестованного СМЕРШ в январе 1945 г. в Будапеште). В 1949 г. был выдан Чехословакии, где умер в тюрьме в 1957 г. См. подробнее: [Ковалевич. URL. 2011].

³⁰ «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu. Dokumenty I, 399, 402–403.

³¹ Гаха Эмиль – президент Ч-СР (с ноября 1938 по март 1939 г.), государственный президент Протектората Богемии и Моравии (с марта 1939 по май 1945 г.).

³² Képviseleti napló, 1939. VII. Kötet, 3.

³³ Военная разведка информирует, 34.

³⁴ Slovensko-nemecké vzťahy. Sv. I, 305–306.

возможно, заставили словаков форсировать подписание Охранного договора. 17 марта состоялся разговор Э. Вёрмана с Д. Стояи. Тот принес карту и просил Берлин повлиять на Братиславу, чтобы она не чинила препятствий венгерскому перемещению границы с Карпатской Русью на 10 км к западу³⁵.

18 марта статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцзеккер отправил инструкцию Э. Дрюффелю, в которой указал, что немецкое военное руководство (экспертом выступил начальник разведуправления Генштаба сухопутных сил генерал-майор Курт фон Типпельскирх) одобрило инициативу Будапешта. Вайцзеккер предложил повлиять на словаков, чтобы они не допустили эскалации конфликта, а «венгры пусть продвинутся настолько далеко, насколько смогут». Однако следом в Будапешт пошло указание Типпельскирха об ограничении продвижения оговоренной линией³⁶. Венгры выразили готовность сесть за стол переговоров со словаками для подписания соглашения о границе сразу же после завершения операции. Выполняя инструкцию Вайцзеккера, Дрюффель предупредил о предстоящей военной операции словацких политиков и довел до их сведения позицию Германии³⁷.

Венгрия, получившая после оккупации Карпатской Украины в наследство и неурегулированную проблему этого края, поддавалась соблазну вторгнуться в сопредельный регион Восточной Словакии. Внешним толчком послужила телеграмма руководства провенгерской организации «Карпаторусский союз» в США, в которой предлагалось присоединить к Венгрии словацкие комитаты Унг-Земплин, Шариш и Сепеш с русинским населением. В Будапеште решили поставить всех перед фактом [Пушкаш 2003, 403–404]. Для придания большей легитимности своим действиям венгры апеллировали к венгеро-германским договоренностям о корректировке бывшей «бенешевской» административной границы между Словакией и Подкарпатьем. Кроме того, они исходили из убеждения игнорирования арбитрами в Вене факта, что «восточные границы Словакии никогда не были (в рамках Австро-Венгрии. – А.С.) точно определены» [Petruf 2011, 80–81].

Венгрия, напав на Словакию, развязала так называемую Малую войну (23–31 марта 1939 г.). Венгерские войска с боями начали продвигаться на запад от Ужгорода к «линии Бенеша 1920 г.», вторгшись в Восточную Словакию в районе г. Собранце. Германия не выполнила обязательства по Охранному договору и не оказала помощь Словакии [Mičianik 2019, 299–339]. Именно 23 марта Берлин объявил об условиях до того считавшегося секретным Охранного договора, подписанного со словацкой стороны заместителем премьер-министра В. Тукой³⁸ и Ф. Дюрчански [Hoensch 2001, 196–204]. Стало очевидным, что договор узаконил германскую оккупацию Западной Словакии в виде огромной «охранной зоны», ограниченной на востоке горными грядями Малых Карпат, Белых Карпат и Яворника, а также маленького анклава в Предмостном районе Братиславы – района Девина и Петржалки [Пушкаш 2006, 283–284].

Видимо, в Берлине не были готовы к столь стремительным действиям Будапешта. В первый же день войны И. Риббентроп вызвал Д. Стояи и указал на недопустимость венгерской акции. Однако посол, сославшись на нехватку информации, предположил, что таким образом выполнялась германо-венгерская

³⁵ Ibid., 280–282.

³⁶ Ibid., 282–283.

³⁷ Ibid., 285, 287.

³⁸ Тука Войтех – заместитель премьер-министра (с марта по октябрь 1939 г.), премьер-министр (с октября 1939 по сентябрь 1944 г.), министр иностранных дел (с июля 1940 по ноябрь 1944 г.) Словакии.

договоренность о корректировке словацко-русинского разграничения³⁹. Министр национальной обороны Словакии Ф. Чатлош⁴⁰ объявил мобилизацию. Однако венгерские войска в первый же день вторжения добились успеха⁴¹.

Охранный договор и для венгров стал в некотором роде неожиданностью. И. Риббентроп позвонил Д. Стояи, а затем состоялось несколько встреч немецких и венгерских дипломатов, что заставило последних изменить планы⁴². 24 марта в Братиславу была отправлена инструкция высокопоставленного сотрудника МИД Германии Г. Альтенбурга, предложившего Й. Тисо прекратить контратаки и продолжить обсуждение с венграми линии границы. В этой инструкции напоминалось, что 17 марта словакам было передано немецкое пожелание не оказывать вооруженного сопротивления венгерской операции⁴³.

25 марта венгерская авиация предприняла бомбардировку городка Спишска Нова Весь (венг. Иглю), в ходе которой погибли и были ранены около 40 человек. Половина из них являлись гражданскими лицами, что позволило словацким историкам сравнить это событие с похожим в испанской Гернике. Словацкая авиация бомбила в ответ – Ужгород и Мукачево [Petrik 2016, 104–118]. В заметках главнокомандующего сухопутными войсками вермахта В. Браухича, сделанных на оперативном совещании в Берлине 25 марта, зафиксирована позиция Гитлера на случай раздела Словакии: «восточная линия вдоль Нитры должна была стать германской границей, а Прессбург (немецкое наименование Братиславы до марта 1919 г. – А.С.) обязательно войти в состав рейха»⁴⁴. Таким образом, характер и развитие словацко-венгерского национально-территориального спора перешли в новый формат – межгосударственного конфликта внутри формирующегося фашистского блока.

Под давлением Берлина И. Чаки предложил Братиславе переговоры об установлении новой границы, исходившей из венгерской аннексии полосы от 20 до 30 км западнее р. Уж. Словакия была вынуждена согласиться. Переговоры прошли в Будапеште 27 марта – 4 апреля 1939 г. МИД Словакии через Э. Дрюффеля обратился за дипломатической поддержкой к Германии. Однако из Берлина поступило лишь требование к венгерским дипломатам прекратить утверждать, что оккупация новых словацких территорий произошла с согласия рейха⁴⁵. Премьер-министр автономного правительства Подкарпатской Руси А. Бродий⁴⁶, который являлся членом венгерской делегации, отстаивал необходимость присоединения к Венгрии «русинских территорий до Попрада» (самый крупный город словацкой исторической области Спиш, расположенный у подножья Высоких Татр далеко к северу от венгерской границы. – А.С.), но его максималистский проект был отклонен [Brenzovics 2010, 62].

Под давлением венгерского ультиматума признать новую границу к 11 часам 31 марта, Братислава 30 марта вновь запросила Берлин о поддержке. Однако, не получив ее и на этот раз, приняла ультиматум и согласилась на переход

³⁹ Slovensko-nemecké vzťahy. Sv. I, 310.

⁴⁰ Чатлош Фердинанд – министр национальной обороны Словакии (с марта 1939 по август 1944 г.).

⁴¹ Čatloš Ferdinand, 55–56.

⁴² Slovensko-nemecké vzťahy. Sv. I, 312.

⁴³ Ibid., 316–317.

⁴⁴ Ibid., 330.

⁴⁵ Ibid., 334–337, 342.

⁴⁶ Бродий Андрей – премьер-министр автономного правительства Подкарпатской Руси (с 11 по 26 октября 1938 г.), галицко-русский москвофил. После отстранения с поста был по настоянию Праги арестован за государственную измену, но вскоре освобожден, а после встречи с президентом «Второй республики» Эмилем Гахой отправлен на лечение в Татры, откуда бежал в Венгрию.

оккупированных территорий под суверенитет Венгрии⁴⁷. 4 апреля протокол о новой линии границы на участке между р. Уж и Польшей был подписан. К Венгрии отошел Собраниецкий округ и часть округа Свина — 1050 кв. км., около 40 тыс. человек, половина из которых были словаками⁴⁸. В словацкой историографии приводятся и более значимые цифры потерь — 1,7 тыс. кв. км с населением в 70 тыс. (из которых 38 тыс. русинов и 27 тыс. словаков) [Petruf 2016, 81].

Жертвами конфликта стали по несколько десятков человек с каждой стороны. Будапешт остался недоволен достигнутыми результатами, так как планировал приобрести больше территорий. Словакия же считала Венгрию гораздо большей угрозой для существования, чем Германию. Поэтому, несмотря на потери «Малой войны», словацкое общество пережило небывалый со времен 1918 г. патриотический подъем, запечатлевшийся в народной памяти, и нашедший отражение в словацкой и венгерской историографии, публицистике, кинематографе [Vrábel 2016, 119–126; Jašek 2016, 127–153; Valo 2016, 177–185]. В ряды Глинковой гвардии и национальной милиции вступили 27,7 тыс. резервистов и 21,7 тыс. гражданских ополченцев, что способствовало консолидации нации в начальный период существования государства [Lasko 2011, 205–207, 212].

Всей многомесячной двухэтапной операцией по захвату Южной Словакии и Закарпатской Украины руководил с согласия Берлина начальник венгерского Генштаба Х. Верт. Он же являлся главнокомандующим венгерской военной администрацией на присоединенных словацких землях, отвечая за установленный там жесткий режим⁴⁹.

И Берлин, и Рим манипулировали «самостоятельной» Словакией в собственной политической игре с Венгрией и Польшей, о чем свидетельствуют обстоятельства визита премьер-министра Венгрии П. Телеки⁵⁰ и И. Чаки в Италию в апреле 1939 г. Г. Чиано зафиксировал в кабинетном дневнике, что больше всего Чаки («этот самонадеянный тип») говорил о Словакии: «Он надеется или, лучше сказать, обманывает себя надеждой, что Германия может преподнести ее, так сказать, в подарок Будапешту»⁵¹. Однако личная неприязнь не влияла на реальную политику. Словацкий посланник Й. Звршконец⁵² в посольских отчетах постоянно отмечал благожелательное отношение итальянской дипломатии к Венгрии [Kubík 2010, 100–101].

Германия также отдавала приоритет Будапешту. Речь А. Гитлера в рейхстаге 28 апреля содержала прямой намек на возможный раздел Словакии между Германией, Венгрией и Польшей, так как эти три соседние страны декларировались гарантами независимости словацкого государства [Petruf 2011, 119]. После Рима П. Телеки и И. Чаки были с визитом у Гитлера (29 апреля — 1 мая 1939 г.). Чаки изложил тому позицию Варшавы, согласно которой «на Словакию Польша имеет больше прав, нежели Венгрия. Ведь словацкий (а он лишь диалект польского) и польский — это практически один язык»⁵³. Характерны

⁴⁷ Slovensko-nemecké vzťahy. Sv. I, 337, 345–346.

⁴⁸ Viedenská arbitráž — 2. november 1938. Dokumenty III, 382–384.

⁴⁹ Документы. Протоколы допросов, 698, 712.

⁵⁰ Телеки Пал — премьер-министр Венгрии (с февраля 1939 по апрель 1941 г.).

⁵¹ Чиано Галеаццо, 89–91.

⁵² Звршконец Йозеф — делегат Словацкого автономного правительства в МИД Ч-СР (с октября 1938 по март 1939 г.), словацкий эксперт на переговорах с Венгрией накануне Малой войны (март 1939 г.), посол Словакии в Италии (с июня 1939 по октябрь 1941 г.).

⁵³ Krajčovič Milan, 332–333.

слова Гитлера, сказанные им в мае, вскоре после визита венгров: «Определение границ — дело военной важности»⁵⁴.

Венгерский посланник в Риме Фридьеш Виллани сообщил в июле о росте словацкого ирредентизма, направленного не только на арбитражные земли, но и на собственно венгерские территории (Вац, Эстергом) «по прямой инструкции Риббентропа». Из чего делался вывод: «не исключена силовая акция Словакии против Венгрии, возможно с тихой военной поддержкой Германии»⁵⁵.

Братислава отреагировала на сложившуюся после арбитража ситуацию и предложила Венгрии руководствоваться принципом-паритетности по отношению к меньшинствам по обе стороны границы. Он вскоре был закреплён в Конституции 21 июля 1939 г., так как считался действенным инструментом в обеспечении прав словаков в Венгрии. На деле это привело лишь к новому витку противоречий [Ristveyová, Hruboň, Mitáč 2018, 24].

В переписке отдела разведки и контрразведки Верховного командования вермахта и МИД Германии (из захваченных в 1945 г. НКВД СССР немецких документов, предназначенных для Нюрнбергского процесса) имелась сделанная 12 августа 1939 г. запись, описывающая возможный сценарий использования Словакии германскими вооружёнными силами в качестве «плацдарма или даже оперативного района». Причём информировать словацкое правительство о подобных планах «по причине военной тайны» не рекомендовалось: «Ему будет сказано об этом, также и по внешнеполитическим соображениям, только в последний час»⁵⁶.

Реальные события развивались именно по такому сценарию. 12 августа 1939 г. был подписан новый германо-словацкий договор, по которому Германия брала на себя обязательство обеспечить полную военную защиту Словакии⁵⁷. Это означало для Венгрии окончательную утрату шансов на присоединение словацких земель. Словакию же этот договор ставил под полный контроль Берлина. 24 августа Германия в ультимативной форме предложила ей принять участие в нападении на Польшу в обмен на обещание гарантии сохранения новых южных границ Словакии с Венгрией⁵⁸. В переписке 27–28 августа германский посланник в Братиславе Ганс Бернард сообщал Й. Тисо об угрозе для словацких границ со стороны Польши и вступлении немецких войск в Словакию для ее защиты, президент страны не возражал⁵⁹.

1 сентября 1939 г. словацкая полевая армия «Бернолак» в составе трех дивизий (около 50 тыс. чел.) под командованием Ф. Чатлоша, вторглась вместе с германской армией в Польшу, приняв участие в развязывании Второй мировой войны. Однако Германия не торопилась содействовать возвращению отторгнутых ранее Польшей территорий. Э. Вёрман с 4 по 14 сентября вел с властями Братиславы и Берлина напряжённую переписку по этому поводу, а также по вопросу принятия соответствующего словацкого закона и области Орава⁶⁰. Наконец, 21 ноября был заключён германо-словацкий договор о реституции полученных польских территорий, подписанный А. Гитлером и Й. Тисо⁶¹. В итоге Словакия возвратила земли, отошедшие к Польше

⁵⁴ Год кризиса, 1938–1939. Т. 1, 494.

⁵⁵ *Krajčovič Milan*, 343–344.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 140. Л. 138.

⁵⁷ Slovensko-nemecké vzťahy. Sv. I, 562–566.

⁵⁸ *Ibid.*, 590.

⁵⁹ Мюнхенский сговор, 521–525.

⁶⁰ Агрессия, 159–168.

⁶¹ Slovensko-nemecké vzťahy. Sv. I, 684–685.

в 1920, 1924 и 1938 годах, общей площадью около 600 кв. км с населением 45 тыс. человек [Марьина 1999, 206–207].

Таким образом, между Словакией и Венгрией, двумя странами германской сферы влияния, с первых дней войны возникли острые разногласия. В первой половине сентября Будапешт отказал словацкой стороне в просьбе разрешить ей транспортировку военных грузов через венгерскую территорию для прикрытия флангов германской армии. Безобидная ситуация послужила для Венгрии поводом для концентрации своих воинских соединений на словацкой границе⁶².

Даже в условиях германо-польской военной кампании, положившей начало Второй мировой войне, Словакия и Венгрия фактически оказались по разным сторонам конфликта. Словакия, юридически признанная Польшей, объявила ей войну и приняла участие в боевых действиях против Войска польского. Венгрия сохраняла благожелательный Польше нейтралитет, разместила у себя часть отступившей польской армии, в Будапеште до 1941 г. работало польское посольство. Берлин сделал территориальный спор между Словакией и Венгрией объектом политического торга и шантажа, что стало одной из причин их будущего присоединения к Тройственному пакту [Сальков 2013, 75, 159].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ – Архив внешней политики РФ.

ГА РФ – Государственный архив РФ.

СВР РФ – Служба внешней разведки РФ.

ЧСР – Чехословацкая республика.

Ч-СР – Чехо-Словацкая республика (октябрь 1938 – март 1939 г.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АВП РФ. Ф. 77 (референтура по Венгрии). Оп. 14. П. 6. Д. 4.

Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939–1941 / Л.Ф. Соцков (сост.). М.: Вече, 2021. 480 с.

Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / Л. Жигмонд, М. Адам, Д. Юхас (авт.-сост.). М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 367 с.

Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / В. Гаврилов (сост.). М.: МФД, 2008. 836 с.

ГА РФ. Ф. Р-9401 («Особая папка» И.В. Сталина; «Особая папка» В.М. Молотова. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1956 гг.). Оп. 2. Д. 140; Д. 141.

Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы: в 2 т. / А.П. Бондаренко (редкол.). М.: Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. 555 с.

Документы. Протоколы допросов бывшего начальника Генерального штаба венгерской армии генерал-полковника Генриха (Хенрика) Верта // Великая Отечественная война. 1941 год. Исслед., док., коммент. / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Гл. архивного упр. г. Москвы, 2011. С. 693–755.

Документы Министерства иностранных дел Германии: в 3 вып. М.: Госполитиздат, 1946. Вып. 1: Германская политика в Венгрии (1937–1942 гг.). 160 с.

Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939 / В.Ф. Мальцев, Д. Спачил (редкол.). М.: Политиздат, 1979. 471 с.

Мюнхенский договор. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1933–1939 / Л.Ф. Соцков (сост.). М.: Вече, 2021. 672 с.

Чиано Галеаццо. Дневник фашиста, 1939–1943. М.: Плац, 2010. 672 с.

Akcja «Łom». Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP / Paweł Samuś, Kazimierz Badziak, Giennadij Matwiejew (wybór i opracowanie dokumentów). Warszawa: Adiutor, 1998. 327 s.

⁶² Агрессия, 169, 172–173.

- Čatloš Ferdinand. Marec 1939 // Vznik Slovenského štátu 14. marec 1939: Spomienky aktérov historických udalostí: v 2 diel / V. Bystrický, R. Letz, O. Podolec (eds.). Bratislava: AEPress, 2007–2008. 1. diel. 2007. S. 44–57.
- Đurčanský Ferdinand. S Tisom u Hitlera. Vznik Slovenskej republiky // Vznik Slovenského štátu 14. marec 1939: Spomienky aktérov historických udalostí: v 2 diel. Bratislava: AEPress, 2007–2008. 1. diel. 2007. S. 62–70.
- Képviseelőházi napló, 1935. XX. kötet (1938. június 21. – 1938. december 5.). Budapest: Athenaeum, 1938. URL: http://www3.arcanum.hu/onap/a110616.htm?v=pdf&a=pdfdata&id=KN-1935_20&pg=0&l=hu (дата обращения: 23.04.2019).
- Képviseelőházi napló, 1939. VII. kötet (1940. szeptember 4. – 1940. november 19.). Budapest: Athenaeum, 1941. URL: https://library.hungaricana.hu/hu/view/OGYK_KN-1939_07/?pg=16&layout=s (дата обращения: 23.04.2019).
- Krajčovič Milan. Medzinárodné súvislosti slovenskej otázky 1927/1936–1940/1944: maďarské dokumenty v porovnaní s dokumentmi v Bonne, Bukurešti, Viedni a Prahe. Bratislava: SAP, 2008. 439 s.
- Krvácajúca hranica: Dokumenty o utrpení Slovákov v Maďarsku / zost. J. Višňovan, J. Kirschbaum. Prievidza: Miestny odbor Matice slovenskej v Prievidzi, 2003. 513 s.
- Tiso Jozef. Zápisnica napísaná s dr. Jozefom Tisom // Vznik Slovenského štátu 14. marec 1939: Spomienky aktérov historických udalostí: v 2 diel / V. Bystrický, R. Letz, O. Podolec (eds.). Bratislava: AEPress, 2007–2008. 2. diel. 2008. S. 259–284.
- Slovensko-nemecké vzťahy 1938–1941 v dokumentoch: v 2 sv. / príprava a výber dokumentov: E. Nižňanský, J. Tulkisová, I. Baka, M. Čaplovič, M. Fabricius, L. Hallon, D. Segeš, D. Schriffel, M. Schvarc. Bratislava: Universum, 2009–2011. Sv. I.: od Mníchova k vojne proti ZSSR. 2009. 1171 s.
- «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu: u 3 sv. / M. Schvarc, M. Holák, D. Schriffel (eds.). Bratislava: Ústav pamäti národa, 2008–2011. Dokumenty I. 2008. 627 s.
- «Tretia ríša» a vznik Slovenského štátu: u 3 sv. / M. Schvarc, M. Holák, D. Schriffel (eds.). Bratislava: Ústav pamäti národa, 2008–2011. Dokumenty II. 2010. 556 s.
- Viedenská arbitráž – 2. november 1938: u 3 sv. / zostavil L. Deák. Martin: Matica Slovenská, 2002–2005. Dokumenty I.: (20. september – 2. november 1938). 2002. 256 s.; Dokumenty II.: okupácia (2. november 1938 – 14. marec 1939). 2003. 304 s.; Dokumenty III.: rokovania (3. november 1938 – 4. apríl 1939). 2005. 456 s.
- Zaťko Peter. Spomienky // Vznik Slovenského štátu 14. marec 1939: Spomienky aktérov historických udalostí: v 2 diel. Bratislava: AEPress, 2007–2008. 2. diel. 2008. S. 296–344.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков В. К. Мюнхенский сговор и Балканские страны. М.: Наука, 1978. 340 с.
- История Словакии / Элена Маннова (отв. ред.). М.: Евролинц, 2003. 418 с.
- Казак О. Г. Русский вопрос как аргумент в пограничных спорах между Венгрией и Словакией (1939–1944 гг.) // Российско-белорусско-украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства: материалы межд. научной конференции (Новозыбков, Брянская обл., 23–24 октября 2014 г.): в 2 ч. / Мищенко В. В. (ред.). Ч. 1. Брянск: Ладомир, 2014. С. 412–421.
- Ковалевич П. Праведный аристократ. URL: <http://www.jewish.ru/history/facts/2011/11/news994302074.php> (дата обращения: 20.09.2015).
- Марыня В. В. Словакия в политике СССР и Германии // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / В. К. Волков, Л. Я. Гибианский (отв. ред.). М.: Индрик, 1999. С. 198–240.
- Пеганов А. О. Чехо-словацко-венгерские переговоры в ноябре 1938 – марте 1939 г. о реализации Венского арбитражного решения // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.). Минск: БГУ, 2009. С. 205–210.
- Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. 460 с.
- Пушкаш Андрей. Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.
- Сальков А. П. Венский третейский суд (Первый Венский арбитраж): исторические условия проведения, механизм реализации, политические последствия (март 1938 – июнь 1941 г.) // Актуальные проблемы славянской истории: сборник научных статей, посвященный 70-летию Г. Ф. Матвеева. М.: МГУ, 2013. С. 122–134.
- Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск: БГУ, 2019. 743 с.

- Becker A. Britský pohľad na Prvú viedenskú arbitráž // Juh Slovenska po Viedenskej arbitráži 1938–1945. Zborník z vedeckej konferencie (Šurany 22.–23. marca 2011) / zostavil J. Mitáč. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2011. S. 118–135.
- Brenzovics L. Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján (1939–1944). Ungvár: Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség, 2010. 204 old.
- Fedinec C. «A Magyar Szent Koronához visszatért Kárpátalja» 1938–1944. Budapest: Jaffa Kiadó, 2015. 250 old.
- Fukala J. Československo-polský konflikt u Čadce v listopadu 1938. URL: <https://www.fronta.cz/dotaz/ceskoslovensko-polsky-konflikt-u-cadce-v-listopadu-1938> (дата обращения: 18.09.2015).
- Hoensch J.K. Slovensko a hitlerova východná politika: Hlinkova slovenská ľudová strana medzi autonómiou a separatizmom 1938–1939. Bratislava: Veda, 2001. 231 s.
- Jašek P. Malá vojna v slovenskej historiografii // Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa: zborník príspevkov z konferencie organizovanej Ústavom pamäti národa a mestom Spišská Nová Ves v dňoch 19.–20. marca 2015 / M. Lacko, M. Malatinský (zost.). Krakov: Spolok Slovákov v Poľsku; Bratislava: Múzeum ozbrojených zložiek SR, 2016. S. 127–152.
- Kubík P. Slovensko-talianske vzťahy: 1939–1945. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2010. 355 s.
- Lasko M. Maďarský vpád na Slovensko v marci 1939 a jeho ohlas // Juh Slovenska po Viedenskej arbitráži 1938–1945. Zborník z vedeckej konferencie (Šurany 22.–23. marca 2011) / zostavil J. Mitáč. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2011. S. 200–216.
- Mičanik P. Malá vojna Maďarska proti Slovensku 1938–1939. Banská Bystrica: Dali-BB, 2019. 524 s.
- Petrík J. Bombardovanie Spišskej Novej Vsi // Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa: zborník príspevkov z konferencie organizovanej Ústavom pamäti národa a mestom Spišská Nová Ves v dňoch 19.–20. marca 2015 / M. Lacko, M. Malatinský (zost.). Krakov: Spolok Slovákov v Poľsku; Bratislava: Múzeum ozbrojených zložiek SR, 2016. S. 104–118.
- Petruf P. Zahraničná politika Slovenskej republiky 1939–1945: (náčrt problematiky). Bratislava: Historický ústav SAV, 2011. 328 s.
- Ristveyová K., Hruboš A., Mitáč J. Prvá Viedenská arbitráž a Slovensko (medzinárodné súvislosti, výsledky a dôsledky) // Dve viedenské arbitráže (1938, 1940) z pohľadu slovenskej a rumunskej historiografie / R. Márza, M. Syrný a kol. Banská Bystrica: Múzeum Slovenského Národného Povstania, 2018. S. 12–25.
- Sal'kov A.P. Sovietsky zväz a formovanie prvých predstáv o povojnovej československo-maďarskej hranici (marec 1939 – jún 1941) // Acta Historica Neosoliensia: Vedecký časopis pre historické vedy / I. Nagy (šefredaktor). T. XIII (2010). Vol. 1–2. Banská Bystrica: Katedra histórie Fakulty humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici. S. 149–163.
- Simon A. Magyar idők a Felvidéken 1938–1945. Az első bécsi döntés és következményei. Budapest: Jaffa Kiadó, 2014. 247. old.
- Szeghalmi G. Felvidék. Budapest: Magyar Városok Monográfiája Kiadóhivatala, 1940. URL: http://library.hungaricana.hu/hu/view/SOMORJA_felvidek/?pg=0&layout=s (дата обращения: 20.10.2015).
- Valo P. Odras Malej vojny v kinematografii a publicistike po roku 1990 // Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa: zborník príspevkov z konferencie organizovanej Ústavom pamäti národa a mestom Spišská Nová Ves v dňoch 19.–20. marca 2015 / M. Lacko, M. Malatinský (zost.). Krakov: Spolok Slovákov v Poľsku; Bratislava: Múzeum ozbrojených zložiek SR, 2016. S. 177–185.
- Vrábel F. Maďarsko-slovenský konflikt v maďarskej historiografii a publicistike // Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa: zborník príspevkov z konferencie organizovanej Ústavom pamäti národa a mestom Spišská Nová Ves v dňoch 19.–20. marca 2015 / M. Lacko, M. Malatinský (zost.). Krakov: Spolok Slovákov v Poľsku; Bratislava: Múzeum ozbrojených zložiek SR, 2016. S. 119–126.
- Vrábel F. Prvá Viedenská arbitráž – maďarský pohľad // Dve viedenské arbitráže (1938, 1940) z pohľadu slovenskej a rumunskej historiografie / R. Márza, M. Syrný a kol. Banská Bystrica: Múzeum Slovenského Národného Povstania, 2018. S. 26–31.

Рукопись поступила в редакцию 15.10.2023

Рукопись принята к печати 20.11.2023

REFERENCES

- Becker A. Britský pohľad na Prvú viedenskú arbitráž. *Juh Slovenska po Viedenskej arbitráži 1938–1945. Zborník z vedeckej konferencie (Šurany 22.–23. marca 2011)*, zostavil J. Mitáč. Bratislava, Ústav pamäti národa Publ., 2011, pp. 118–135.

- Brenzovics L. *Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján (1939–1944)*. Ungvár, Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség Publ., 2010, 204 p.
- Fedinec C. «*A Magyar Szent Korónához visszatért Kárpátalja*» 1938–1944. Budapest, Jaffa Kiadó Publ., 2015, 250 p.
- Fukala J. *Československo-polský konflikt u Čadce v listopadu 1938*. Available at: <https://www.fronta.cz/dotaz/ceskoslovensko-polsky-konflikt-u-cadce-v-listopadu-1938> (accessed: 18.09.2015).
- Hoensch J.K. *Slovensko a hitlerova východná politika: Hlinkova slovenská ľudová strana medzi autonómiou a separatizmom 1938–1939*. Bratislava, Veda Press., 2001, 231 p.
- Istoriya Slovakii*, otv. red. Jelena Mannova. Moscow, Evrolinec Publ., 2003, 418 p. (In Russ.)
- Jašek P. Malá vojna v slovenskej historiografii. *Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa: zborník príspevkov z konferencie organizovanej Ústavom pamäti národa a mestom Spišská Nová Ves v dňoch 19.–20. marca 2015*, zost. M. Lacko, M. Malatinský. Krakov, Spolok Slovákov v Poľsku Press.; Bratislava, Múzeum ozbrojených zložiek SR Press., 2016, pp. 127–152.
- Kazak O.G. Rusinskij vopros kak argument v pogranichnykh sporakh mezhdru Vengrii i Slovakiei (1939–1944 gg.). *Rossijsko-belorussko-ukrainskoe pogranich'e: problemy vzaimodejstviya v kontekste edinogo sociokul'turnogo prostranstva: materialy mezhd. nauchnoj konferencii (Novozybkov, Brjanskaja obl., 23–24 oktyabrya 2014 g.)*: v 2 ch., red Mishhenko V.V. Ch. 1. Brjansk, Ladomir Press., 2014, pp. 412–421. (In Russ.)
- Kovalevich P. *Pravednyj aristokrat*. Available at: <http://www.jewish.ru/history/facts/2011/11/news994302074.php> (accessed: 20.09.2015). (In Russ.)
- Kubík P. *Slovensko-talianske vzťahy: 1939–1945*. Bratislava, Ústav pamäti národa Publ., 2010, 355 p.
- Lasko M. Maďarský vpád na Slovensko v marci 1939 a jeho ohlas. *Juh Slovenska po Viedenskej arbitráži 1938–1945. Zborník z vedeckej konferencie (Šurany 22.–23. marca 2011)*, zostavil J. Mitáč. Bratislava, Ústav pamäti národa Publ., 2011, pp. 200–216.
- Marina V.V. Slovakija v politike SSSR i Germanii. *Vostochnaja Evropa mezhdru Gitlerom i Stalinym. 1939–1941 gg.*, otv. red. V.K. Volkov, L.J. Gibianskij. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 198–240. (In Russ.)
- Mičianik P. *Malá vojna Maďarska proti Slovensku 1938–1939*. Banská Bystrica, Dali-BB Press., 2019, 524 p.
- Peganov A.O. Cheho-slovacko-vengerskie peregovory v nojabre 1938 – marte 1939 g. o realizacii Venskogo arbitrazhnogo reshenija. *Rossijskie i slavyanskije issledovaniya: nauch. sb.* Vyp. 4, otv. red. A.P. Saľkov, O.A. Janovskij. Minsk, BGU Press., 2009, pp. 205–210. (In Russ.)
- Petrík J. Bombardovanie Spišskej Novej Vsi // *Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa: zborník príspevkov z konferencie organizovanej Ústavom pamäti národa a mestom Spišská Nová Ves v dňoch 19.–20. marca 2015*, zost. M. Lacko, M. Malatinský. Krakov, Spolok Slovákov v Poľsku Press.; Bratislava, Múzeum ozbrojených zložiek SR Press., 2016, pp. 104–118.
- Petruf P. *Zahraničná politika Slovenskej republiky 1939–1945: (náčrt problematiky)*. Bratislava, Historický ústav SAV Press., 2011, 328 p.
- Pushkash A.I. *Vneshnjaja politika Vengrii. Fevral' 1937 – sentjabr' 1939 g.* Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2003, 460 p. (In Russ.)
- Pushkash A. *Civilizacija ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945*. Moscow, Evropa Press., 2006, 564 p. (In Russ.)
- Ristveyová K., Hruboš A., Mitáč J. Prvá Viedenská arbitráž a Slovensko (medzinárodné súvislosti, výsledky a dôsledky). *Dve viedenské arbitráže (1938, 1940) z pohľadu slovenskej a rumunskej historiografie*. R. Márza, M. Syrný a kol. Banská Bystrica, Múzeum Slovenského Národného Povstania Publ., 2018, pp. 12–25.
- Saľkov A.P. Sovetskij zväz a formovanie prvých predstáv o povojnovej československo-maďarskej hranici (marec 1939 – jún 1941). *Acta Historica Neosoliensia: Vedecký časopis pre historické vedy*, šefredactor I. Nagy, t. XIII (2010), vol. 1–2. Banská Bystrica, Katedra histórie Fakulty humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici Press., pp. 149–163.
- Salkov A.P. Venskij tretejiskij sud (Pervyj Venskij arbitrazh): istoricheskie usloviya provedeniya, mehanizm realizacii, politicheskie posledstviya (mart 1938 – ijun' 1941 g.). *Aktualnye problemy slavyanskoj istorii: sbornik nauchnykh statej, posvjashhennyj 70-letiju G.F. Matveeva*. Moscow, MGU Press., 2013, pp. 122–134. (In Russ.)
- Salkov A.P. *Nacional'no-territorial'nye konflikty v Central'no-Vostochnoj Evrope vo vneshnej politike SSSR (1938–1949 gg.)*. Minsk, BGU Press., 2019, 743 p. (In Russ.)
- Simon A. *Magyar idők a Felvidéken 1938–1945. Az első bécsi döntés és következményei*. Budapest, Jaffa Kiadó Press., 2014, 247 p.
- Szeghalmi G. *Felvidék*. Budapest, Magyar Városok Monográfiája Kiadóhivatala Publ., 1940. Available at: http://library.hungaricana.hu/hu/view/SOMORJA_felvidek/?pg=0&layout=s (accessed: 20.10.2015).
- Valo P. Odras Malej vojny v kinematografii a publicistike po roku 1990. *Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa: zborník príspevkov z konferencie organizovanej Ústavom pamäti národa a mestom Spišská*

- Nová Ves v dňoch 19.–20. marca 2015*, zost. M. Lacko, M. Malatinský. Krakov, Spolok Slovákov v Poľsku Press.; Bratislava, Múzeum ozbrojených zložiek SR Press., 2016, pp. 177–185.
- Volkov V. K. *Mjunhenskij sgovor i Balkanskije strany*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 340 p. (In Russ.)
- Vrábel F. Maďarsko-slovenský konflikt v maďarskej historiografii a publicistike. *Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa: zborník príspevkov z konferencie organizovanej Ústavom pamäti národa a mestom Spišská Nová Ves v dňoch 19.–20. marca 2015*, zost. M. Lacko, M. Malatinský. Krakov: Spolok Slovákov v Poľsku Press.; Bratislava: Múzeum ozbrojených zložiek SR Press., 2016, pp. 119–126.
- Vrábel F. Prvá Viedenská arbitráž – maďarský pohľad. *Dve viedenské arbitráže (1938, 1940) z pohľadu slovenskej a rumunskej historiografie*, R. Márza, M. Syrný a kol. Banská Bystrica, Múzeum Slovenského Národného Povstania Publ., 2018, pp. 26–31.

Received on 15.10.2023

Accepted on 20.11.2023

Информация об авторе:

Сальков Анатолий Петрович

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: anatsalkov@mail.ru

Information about the author:

Anatol P. Salkov

PhD (History), Associate Professor,
Head of the Department
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: anatsalkov@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 1, с. 70–81

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 70–81

DOI: 10.31857/S0869544X24010056

Оригинальная статья / Original Article

Участие Коминтерна и Всеславянского антифашистского комитета в создании иностранных воинских формирований на территории СССР (1941–1945 гг.)

© 2024 г. Ф.Л. Синицын

Институт всеобщей истории Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

permcavt@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405>

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны на территории СССР были созданы формирования из представителей народов, основной «этнический массив» которых находился за пределами СССР. Исполком Коминтерна, заграничные бюро компартий и созданный в 1941 г. Всеславянский антифашистский комитет приняли непосредственное участие в создании иностранных воинских частей. Деятельность этих общественно-политических структур осуществлялась по нескольким направлениям, включая подготовительно-пропагандистскую работу, ориентированную на формирование мотивации перехода военнослужащих вражеских армий на советскую сторону и вступления военнопленных в ряды иностранных воинских частей, созданных в СССР, а также на непосредственное участие в создании этих формирований и их дальнейшее политико-пропагандистское сопровождение. Одной из наиболее эффективных форм работы стали антифашистские школы и курсы, созданные в лагерях для военнопленных. Деятельность Коминтерна и Всеславянского комитета осуществлялась на общей идеологической платформе, соответствовавшей установкам советской политики.

Ключевые слова: Антифашизм, славянская идея, пропаганда, антифашистская школа, военнопленные, В. Влахович, Г. Димитров, З. Неядлы.

Ссылка для цитирования: Синицын Ф.Л. Участие Коминтерна и Всеславянского антифашистского комитета в создании иностранных воинских формирований на территории СССР (1941–1945 гг.) // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 70–81. DOI: 10.31857/S0869544X24010056

Participation of the Comintern and the All-Slavic Anti-Fascist Committee
in the Creation of Foreign Military Formations on the Territory
of the USSR (1941–1945)

© 2024. Fedor L. Sinitsyn

Institute of World History Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

permcavt@gmail.com

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405>.

Abstract. During the Great Patriotic War, on the territory of the USSR there were created military formations consisting of representatives of peoples, whose main 'ethnic array' was located outside the USSR. The Executive Committee of the Comintern, the foreign bureaus of the Communist Parties and established in 1941 the All-Slavic Anti-Fascist Committee were directly involved in the creation of foreign military units. The activities of these socio-political structures had several directions, including preparatory and propaganda work aimed at motivating the transition of soldiers of enemy armies to the Soviet side and the entry of prisoners of war (POW) into the ranks of foreign military units created in the USSR, direct participation in the creation of these formations and their further political and propaganda support. One of the most effective forms of work were anti-fascist schools and courses created in POW camps. The activities of the Comintern and the All-Slavic Committee were carried out on a common ideological platform that corresponded to the guidelines of Soviet policy.

Keywords: Anti-fascism, Slavic Idea, Propaganda, Anti-fascist School, Prisoners of War, V. Vlahovich, G. Dimitrov, Z. Nejedly.

For citation: Fedor L. Sinitsyn. Participation of the Comintern and the All-Slavic Anti-Fascist Committee in the Creation of Foreign Military Formations on the Territory of the USSR (1941–1945) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 1. P. 70–81. DOI: 10.31857/S0869544X24010056

В годы Великой Отечественной войны на территории СССР были созданы формирования из представителей народов, чей основной «этнический массив» находился за пределами СССР, в том числе польские, чехословацкие, югославские, румынские, французские. К маю 1945 г. в иностранных частях, действовавших совместно с Красной армией, числились более 500 тыс. чел. Этот тип воинских формирований, активно использовавшийся советским командованием в боях против вермахта и его сателлитов, наименее изучен в современной исторической литературе. В том числе недостаточно раскрыто участие в процессе создания иностранных воинских частей «общественно-политических» акторов – Коммунистического Интернационала (включая его Исполком и заграничные бюро компартий) и Всеславянского антифашистского комитета.

С самого начала Великой Отечественной войны Коминтерн включился в работу по отражению гитлеровской агрессии. Идеологическая основа его работы подверглась корректировке в духе нового курса советской политики и пропаганды. Утром 22 июня 1941 г. И.В. Сталин сказал генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г. Димитрову о необходимости дать компартиям установку на развертывание «движения в защиту СССР», но при этом «не ставить вопрос о социалистической революции» [Фирсов 1992, 34], что и было Димитровым сделано¹. На практике такой курс проявился, например, в том, что в выступлениях военного времени лидер чехословацких коммунистов К. Готвальд делал упор на патриотизм, приверженность свободе и демократии без упоминаний о коммунизме, классовой борьбе и революции [Korbel 1965, 50].

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 3а-3в.

Кроме того, пропагандистская деятельность Коминтерна стала опираться в том числе на всеславянский и антигерманский факторы², что в принципе противоречило его «интернационалистской» основе.

Однако такой подход был обусловлен и целями войны против нацистской Германии, которая рассматривалась как борьба против германского империализма, и широким использованием концепции «славянской взаимности» в советской политике военного периода. «Неославянское движение» развивалось и стало инструментом для мобилизации славян на борьбу против гитлеровской Германии [Марьина 1997, 173]. «Славянская идея» сопрягалась с пропагандой братства и дружбы с русским народом и Россией, ориентацией на Советский Союз, рассматривавшийся как «победоносная славянская великая держава на востоке»³.

10–11 августа 1941 г. в Москве был создан первый Всеславянский антифашистский митинг, в котором приняли участие представители всех основных славянских народов, призвавший к объединению славянского мира «для скорейшего и окончательного разгрома германского фашизма»⁴. Менее чем через два месяца, в один из самых тяжелых моментов войны, 5 октября 1941 г., по указанию советского руководства был учрежден Всеславянский антифашистский комитет под председательством начальника Военно-инженерной академии РККА генерал-лейтенанта А.С. Гундорова. Его заместителями стали польский генерал М. Янушайтис, югославский общественный деятель Б. Масларич, чехословацкий ученый З. Неedly и болгарский общественный деятель А. Стоянов⁵.

В деле формирования в СССР иностранных воинских частей Исполком Коминтерна, заграничные бюро компартий и Всеславянский комитет работали рука об руку, обеспечивая для этих частей антифашистскую (антинацистскую) и патриотическую политико-пропагандистскую основу. Между Коминтерном и Комитетом имела тесная «персональная» связь, так как многие их сотрудники принадлежали к обеим организациям и одновременно были связаны с формированием иностранных воинских частей — например, югославские коммунисты В. Влахович, Б. Масларич и заместитель командира чехословацкой воинской части по вопросам просвещения и воспитания Я. Прохазка⁶.

С первых дней войны Коминтерн занялся привлечением к участию в войне иностранных коммунистов, находившихся в СССР. Из их числа набирали группы разведчиков и диверсантов, которых затем советские спецслужбы готовили и забрасывали в тыл врага. За годы войны несколько тысяч человек были направлены почти во все оккупированные страны Европы. Кроме того, вынашивались планы создания «интернациональных бригад» (по примеру формирований, участвовавших в 1936–1938 гг. в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев). По некоторым сведениям, в июне 1941 г. Г. Димитров предложил правительству СССР «сформировать специальную бригаду, включив в нее политэмигрантов — испанцев, французов, англичан, немцев, поляков, итальянцев и других», в том числе «для непосредственного участия в военных операциях на фронте». В итоге это предложение не было реализовано [Байерляйн 2011, 453, 476], однако «фактор интербригад» в дальнейшем

² См.: Коммунистический Интернационал. 1941. № 6–7. С. 40; Там же. 1941. № 8. С. 21–27, 43.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 121. Л. 9–16.

⁵ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. 6. Л. 4; Там же. Оп. 277. Д. 1. Л. 39; Там же. Д. 29. Папка № 1. Л. 113; Там же. Папка № 3. Л. 31.

использовался в советской пропаганде, направленной на мотивацию вступления военнопленных в иностранные воинские части, создававшиеся в СССР⁷.

Одним из главных направлений деятельности Коминтерна и Всеславянского комитета (с октября 1941 г.) в сфере создания иностранных воинских частей на территории СССР стала политико-пропагандистская работа среди военнопленных — одного из основных контингентов для комплектования таких формирований. Эта деятельность проводилась под управлением и контролем ЦК ВКП(б) в тесном сотрудничестве с Главным управлением по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (ГУПВИ) и Главным политуправлением Красной армии.

В августе 1941 г. в Темниковский лагерь № 58 (Мордовская АССР) для выяснения настроений военнопленных была направлена бригада, в состав которой вошли представители Исполкома Коминтерна В. Ульбрихт, Я. Шверма и С. Драганов. Участники бригады провели в лагере индивидуальные беседы и митинги с военнопленными⁸. 21 августа 1941 г. секретариат Исполкома Коминтерна заслушал информацию об этой поездке и рекомендовал организовать в лагерях специальные курсы для антигитлеровски настроенных солдат и офицеров [Крупенников 2001, 78]. Однако — в том числе из-за тяжелого положения в стране — переход к широкой пропагандистской работе с пленными затянулся⁹.

Наконец, 24 января 1942 г. Исполком Коминтерна создал постоянную комиссию по работе среди военнопленных под председательством В. Ульбрихта (комиссия также получила название «Институт № 99» или «НИИ № 99») [Там же, 79–80]. В лагерях военнопленных и рабочих батальонах была развернута печатная и радиопропаганда¹⁰. Политическая работа с военнопленными проводилась с применением разных форм и методов, наиболее распространенными из которых являлись индивидуальные и групповые беседы, лекции, собрания, конференции с принятием на последних обращений и воззваний. Создавались антифашистские кружки¹¹, проводились конференции [Толмачев 1992, 86].

Наиболее глубокой по целям и содержанию формой политической работы с военнопленными стало создание антифашистских школ и курсов, где обучались в том числе представители народов, из числа которых создавались иностранные воинские формирования, — венгры, поляки, румыны, словаки, французы, хорваты и др. Одна из задач, которая ставилась перед выпускниками этих школ и курсов, заключалась в ведении агитации среди других военнопленных, побуждающей их к вступлению в создававшиеся в СССР воинские части.

В апреле 1942 г. при лагере военнопленных № 74 (с. Оранки Горьковской обл.) власти организовали антифашистскую политическую школу с трехмесячным курсом обучения. В качестве ее преподавателей привлекались зарубежные коммунисты, в том числе участники гражданской войны в Испании [Крупенников 2001, 83–84, 86]. Процедура набора в школу была довольно сложной. В ней принимали участие органы ГУПВИ, Исполком Коминтерна и загранбюро соответствующих компартий. Основное внимание уделялось таким предметам, как экономика СССР, история ВКП(б), новейшая история соответствующих стран, основы диалектического и исторического материализма, вопросы текущей политики, а также проблемы коммунистического и рабочего

⁷ РГВА. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1. Л. 125–126.

⁸ РГВА. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10.

⁹ РГВА. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 2–3.

¹¹ Военнопленные в СССР, 38.

движения [Там же, 83–84, 86]. Политическая работа проводилась с представителями каждой из 15 национальностей военнопленных отдельно и с учетом национальных особенностей [Всеволодов 2003, 115], в том числе с использованием славянского фактора¹². В рамках первого набора (май – август 1942 г.) в Оранской школе обучались 107 чел., второго набора (октябрь – декабрь 1942 г.) – 90 чел¹³. 19 января 1943 г. был организован третий набор¹⁴.

Одновременно с началом обучения третьего набора в работе антифашистской школы произошли изменения. Секретариат Исполкома Коминтерна постановлением 19 января 1943 г. признал «необходимым расширение школы до 250–300 чел.» и формирования немецкого, австрийского, итальянского, румынского, венгерского, польского и чехословацкого секторов (в дальнейшем был создан также югославский сектор, большой вклад в работу которого внес деятель Коминтерна и Всеславянского комитета В. Влахович)¹⁵.

Затем школу перевели в Красногорский лагерь военнопленных № 27¹⁶, расположенный вблизи Москвы, главным образом из-за необходимости поддерживать постоянные контакты с деятелями Коминтерна [Крупенников 2001, 82]. После мая 1943 г., в связи с роспуском Коминтерна, вопросами работы среди военнопленных продолжил ведать НИИ № 99, работавший под контролем Отдела международной информации ЦК ВКП(б)¹⁷.

Всего Красногорская школа в 1943–1945 гг. выпустила 2247 чел. [Там же, 94]. Кроме того, с июня 1943 г. начали работу Южские курсы антифашистов (лагерь № 165 в с. Талицы Ивановской обл.)¹⁸, через которые к маю 1945 г. прошли 3968 чел¹⁹. Школы и курсы для военнопленных также были созданы в рамках Красной армии – на шести фронтах и в ряде армий [Там же, 91]. Всего в антифашистских школах и на курсах, созданных советскими властями для военнопленных, прошли обучение 73 756 чел. [Всеволодов 2003, 120].

В процессе обучения военнопленных выявились проблемы, связанные, во-первых, с некачественным отбором обучающихся, из-за чего «в процессе занятий имел место значительный отсев учеников как по деловым признакам, так и по морально-политическим». Было предложено «обеспечить в дальнейшем более тщательный отбор, обратив при этом внимание на необходимость увеличения количества слушателей из среды рабочих крупных предприятий и беднейшего крестьянства»²⁰, т.е. представителей социальных слоев, как ожидалось, более податливых к советской пропаганде.

Во-вторых, вызывало сомнения наличие у некоторых военнопленных антифашистской мотивации, «идейности». Часто людьми двигали меркантильные интересы, поиск большей порции хлеба или каши [Там же, 119] (размер продуктового пайка в антифашистских школах был выше, чем в обычном лагере²¹). Сотрудники антифашистских школ и курсов вели работу по выявлению и отсеиванию таких

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 138. Л. 91; РГВА. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

¹³ ГУПВИ, 62.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 5.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 5; Там же. Ф. 495. Оп. 277. Д. 29. Папка № 2. Л. 69.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 5.

¹⁷ К этому отделу, заведующим которым был назначен Г. Димитров, перешли многие функции Исполкома Коминтерна.

¹⁸ В июле 1943 г. курсы получили статус школы, однако в документах продолжали именоваться «курсами». См.: [Крупенников 2001, 89].

¹⁹ РГВА. Ф. 88п. Оп. 3. Д. 5. Т. 4. Л. 1.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 5.

²¹ Военнопленные в СССР, 30.

слушателей. В-третьих, со стороны советских властей присутствовало определенное недоверие иностранным коммунистам — несмотря на то, что в школе преподавали люди, «многократно проверенные на преданность» [Крупенников 2001, 84]. В изданных в апреле 1944 г. предложениях по антифашистской работе среди военнопленных ответственный сотрудник Отдела международной информации ЦК ВКП(б) Д.З. Мануильский написал о необходимости «тщательно проверить состав преподавателей антифашистской школы и инструкторов из числа членов зарубежных компартий, работающих в лагерях военнопленных, и отвести от работы всех лиц, не внушающих доверия»²². Очевидно, политическая работа с многомиллионной массой военнопленных была чрезвычайно важна, и советские власти не могли допустить каких-либо эксцессов.

Тем не менее эти проблемы не помешали успеху антифашистской политико-пропагандистской работы с военнопленными. Многие пленные венгры, румыны и представители других народов достаточно быстро воспринимали советскую точку зрения, осознав, к каким пагубным последствиям ведет участие их стран в войне на стороне гитлеровской коалиции [Всеволодов 2005, 119]. Как отметил уже в августе 1941 г. Д.З. Мануильский, «румынские военнопленные, в большинстве своем по социальному положению бедняки-крестьяне, быстро поддаются обработке». Сотрудники бригады, работавшей тогда же в Темниковском лагере, утверждали, что «среди румынских пленных сильны антигерманские настроения», и поэтому они легко «соглашались на выступления и коллективные обращения о борьбе с Гитлером и Антонеску»²³.

Согласно выводам советских властей и Исполкома Коминтерна, деятельность антифашистских школ и курсов была эффективной. Подтверждали это и количественные данные: если в лагерях военнопленных к концу 1942 г. насчитывалось не менее 1967 активистов-антифашистов [Крупенников 2001, 65–66, 81], то к концу 1943 г. в их рядах состояли уже 6693 чел²⁴.

Эффективность демонстрировали и данные о настроениях выпускников. Так, составленная в ноябре 1942 г. характеристика румынского военнопленного К. Цурли гласила, что он «политически грамотный, серьезен, с первого дня завоевал авторитет среди военнопленных своим умением в беседах, ходит во все мастерские, каждую информацию использует умело. Умеет организовывать массовые мероприятия, работает много над собой. Имеет перспективы стать хорошим политическим работником»²⁵. 7 декабря 1943 г. начальник ГУПВИ И.А. Петров сообщил первому заместителю наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглову, что все слушатели, окончившие Антифашистскую школу в рамках третьего набора, «к занятиям готовились с большим интересом, добросовестно и прилежно, лекции слушались внимательно, программа усвоена в основном на хорошо и отлично». Петров сделал вывод, что «поставленная школой задача выполнена. Слушатели за период пребывания их в школе заметно политически выросли. Абсолютное большинство их хорошо ориентируется в основных вопросах Советского Союза, в вопросах Второй мировой войны и текущей политики»²⁶.

Как и планировалось, важнейшим практическим результатом политико-пропагандистской работы среди военнопленных стало их стремление

²² РГВА. Ф. 4п. Оп. 2. Д. 3. Л. 33.

²³ РГВА. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 12.

²⁴ ГУПВИ, 61.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 149.

²⁶ РГВА. Ф. 4п. Оп. 2а. Д. 3. Л. 41–42.

с оружием в руках выступить на борьбу с фашизмом на стороне СССР [Всеволодов 2005, 119]. Эта задача была поставлена советским руководством уже в первое полугодие войны²⁷. В результате проведенной в лагерях работы 18 942 военнопленных румын подали заявления о вступлении в дивизию им. Т. Владимиреску. Кроме того, в соответствующие воинские формирования из лагерей военнопленных были направлены 3217 чехословаков, 1545 поляков, 1380 представителей народов Югославии²⁸. В иностранные воинские части так же направляли учащихся и выпускников антифашистских школ — так, из третьего набора Красногорской школы в эти формирования поступили все выпускники югославского (59 чел.), чехословацкого (18 чел.)²⁹ и польского (26 чел.) секторов, а также три румына³⁰.

Исполком Коминтерна, заграничные бюро компартий и Всеславянский комитет приняли непосредственное участие в создании иностранных воинских частей. В 1941 г. началась политико-пропагандистская работа в 1-м чехословацком батальоне и польской армии В. Андерса, последней, ввиду ее «шаткого» политического состояния, уделялось наиболее пристальное внимание. К середине декабря 1941 г. Коминтерн направил 81 человека для работы в польских дивизиях [Лебедева 1993, 154]. 5 февраля 1943 г. секретариат Исполкома Коминтерна принял постановление, в котором одной из целей антифашистской работы с военнопленными обозначил «подготовку национальных военных частей для соответствующих стран»³¹. Состоявшийся в октябре 1943 г. 6-й пленум Всеславянского комитета утвердил курс на содействие организации и всесторонней подготовке чехословацких, польских и югославских воинских частей на территории СССР [Досталь 2000, 184]. В ноябре 1943 г. В. Влахович направил Д. З. Мануильскому письмо с предложением шире вовлечь членов комитета в работу с югославскими военнопленными³².

Затем сотрудники Исполкома Коминтерна³³, заграничных бюро компартий [Адибеков 1997, 39] и Всеславянского комитета приняли участие в формировании и политико-пропагандистском сопровождении польской армии З. Берлинга, румынских и югославских воинских формирований, венгерских добровольческих частей. Так, по ходатайству Г. Димитрова была реализована идея Центрального бюро коммунистов Польши о создании школы на 150 чел. для подготовки политсостава польских формирований, создан институт уполномоченных польской армии при политуправлениях фронтов и политотделах армий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов³⁴.

Члены Всеславянского комитета выезжали в районы формирования иностранных воинских частей. В сентябре 1943 г. состоялась поездка представителей комитета в Чехословацкую бригаду, которая произвела на них «самое лучшее впечатление». В феврале 1944 г. представители комитета Д. Влахов, В. Влахович, З. Нееды, Б. Масларич, В. С. Осьминин и И. Регент посетили 1-й югославский батальон, где огласили обращение к «солдатам и офицерам Югославской добровольческой части в СССР». Члены комитета — в частности,

²⁷ РГВА. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

²⁸ ГУПВИ, 59.

²⁹ РГВА. Ф. 4п. Оп. 2. Д. 3. Л. 41–42.

³⁰ РГВА. Ф. 88п. Оп. 3. Д. 5. Т. 4. Л. 198.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 2.

³² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 29. Папка № 2. Л. 64.

³³ С июня 1943 г. — Отдела международной информации ЦК ВКП(б).

³⁴ История Коммунистического интернационала, 243.

3. Неедлы — бывали и на фронте в расположении созданных в СССР иностранных частей³⁵.

Всеславянский комитет оказал помощь многим славянам-добровольцам во вступлении в формировавшиеся в СССР воинские части [Досталь 2000, 184—185]. Чешский композитор Вит Неедлы — сын одного из руководителей комитета Зденека Неедлы — возглавил ансамбль Чехословацкого армейского корпуса³⁶.

После начала создания в СССР иностранных воинских частей среди военнопленных была расширена пропаганда, мотивировавшая вступление в эти формирования. Так, в 1943 г. в связи с созданием румынской дивизии им. Т. Владимиреску в лагерях провели 41 совещание антифашистского актива румынских военнопленных и выпустили 31 номер стенгазет, организовали собрания и митинги³⁷. 7 декабря 1943 г. И.А. Петров дал указание популяризовать среди пленных французов «совместное с Красной армией участие в борьбе чехословацкой части под командованием полковника Свободы, польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, формируемой второй дивизии имени Генриха Домбровского и французской эскадрильи “Нормандия”»³⁸. Всеславянский комитет привлекали к изданию пропагандистской литературы, предназначенной для распространения в иностранных воинских частях³⁹.

Пропаганда службы в иностранных воинских частях, созданных в СССР, осуществлялась и на «внешний мир», в том числе посредством радиовещания, направленного на оккупированные Германией страны и на войска противника. Военнослужащие иностранных подразделений стали постоянными участниками пропагандистских мероприятий Всеславянского комитета⁴⁰.

9 мая 1943 г. в Москве прошел Третий всеславянский митинг, в котором приняли участие около 2 тыс. чел., в том числе 80 представителей чехословацких воинских частей. Командир 1-го чехословацкого батальона Л. Свобода сообщил, что он прибыл с фронта и рассказал о боевых заслугах батальона. Словак Иозеф Туш, воевавший в рядах советских партизан, призвал военнослужащих Словацкой армии переходить на сторону Красной армии, чтобы затем сражаться против гитлеровцев «в партизанских отрядах или же в чехословацкой части», созданной в СССР. На этом мероприятии организаторы довели до сведения участников, что началось формирование 1-й польской дивизии им. Т. Костюшко⁴¹.

16 мая 1943 г. был проведен чехословацкий радиомитинг, целью которого «являлось призвать чехословацкий народ к активизации вооруженной борьбы против оккупантов». На митинге выступила военнослужащая чехословацкой воинской части Мария Пишлова, словак Стефан Тучек, добровольно перешедший на советскую сторону и сражавшийся в рядах белорусских партизан,

³⁵ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 4. Л. 25; Там же. Д. 23. Л. 25—26; Там же. Ф. 9564. Оп. 1. Д. 95. Л. 9.

³⁶ В. Неедлы скончался в январе 1945 г. от последствий брюшного тифа, которым заболел во время тяжелых боев на Дуклинском перевале. Как писал А.С. Гундоров, «это была тяжелая утрата не только для Зденека Романовича, но и для Чехословакии, ибо Вит Неедлы был крупным и очень способным композитором». См.: ГАРФ. Ф. 9564. Оп. 1. Д. 95. Л. 9.

³⁷ ГУПВИ, 59.

³⁸ РГВА. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1. Л. 125—126.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 610. Л. 99.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 4. Л. 25; Там же. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 151. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 215. Л. 175, 190; Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 554. Л. 69; Там же. Д. 610. Л. 16, 18; Славяне. 1943. № 1. С. 8; Там же. 1943. № 5. С. 43; Там же. 1943. № 6. С. 9—11; Там же. 1943. № 10. С. 46; Там же. 1944. № 2. С. 18; Там же. 1944. № 5. С. 29; Там же. 1944. № 10. С. 24; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. С. 227—228, 283.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 1. Л. 6; Там же. Д. 19. Л. 17, 37; Там же. Д. 20. Л. 15; Там же. Д. 28. Л. 34.

а также подпоручик чехословацкой части Антонин Сохор⁴², который заявил, что «чехословацкая армия живет и борется». Митинг неоднократно транслировался по радио. Его материалы перепечатали многие зарубежные газеты, издававшиеся на чешском и словацком языках⁴³.

23–24 февраля 1944 г. в Москве состоялся митинг славян-воинов⁴⁴, обращенный в том числе к «славянам-солдатам, офицерам и генералам, борющимся на советско-германском фронте», и «славянам, насильно мобилизованным в гитлеровскую армию и посланным [...] на советско-германский фронт или против своих братьев на родине, в частности к солдатам Болгарской армии». В митинге приняли участие военнослужащие польского, чехословацкого и югославского воинских формирований, созданных на территории СССР, в том числе их командиры — З. Берлинг, Л. Свобода и М. Месич. Только от чехословацкой бригады присутствовали 100 военнослужащих. Митинг транслировался по радио на Европу, Северную и Южную Америку и Австралию, а его материалы готовились для издания на польском, сербском, чешском и английском языках⁴⁵.

14 марта 1944 г. состоялся митинг, посвященный пятой годовщине оккупации немецкими войсками Чехословакии, 5 апреля 1944 г. — митинг с участием А.С. Гундорова и П. Ковача — офицера 1-го югославского батальона, посвященный трехлетней годовщине начала освободительной борьбы народов Югославии⁴⁶.

Лидеры Всеславянского комитета высоко оценивали свою работу. Так, З. Неедлы, выступая на заседании комитета в 1943 г., отметил, что деятельность последнего повлияла на то, что в 1-й чехословацкой бригаде, «славянское сознание [...] прекрасное». По мнению лидеров комитета, участие иностранных воинских частей в битвах на советско-германском фронте показало, «что боевое содружество славянских народов стало серьезным военным и политическим фактором»⁴⁷. Тем не менее, по мнению В.В. Марьиной, пропагандистскую деятельность Всеславянского комитета не стоит ни абсолютизировать, ни переоценивать [Марьина 1997, 174].

Однако Комитет все же сыграл важную роль в мобилизации славянских народов всего мира на поддержку Советского Союза в борьбе с гитлеровской Германией, в том числе вместе с Коминтерном способствовал созданию на территории СССР польской, чехословацкой и югославской воинских частей. К концу войны славянский фактор получил новое, более важное значение во всей международной политике⁴⁸. Так, в 1944 г. многие иностранные дипломаты, находившиеся в Москве, волновались «по поводу возможности объединения славянских народов в союз с СССР и [...] объединения балканских славян под главенством новой Югославии». По мнению югославского посла в Советском Союзе С. Симича, этот вопрос был из числа «наиболее жгучих в дипломатическом мире»⁴⁹. Из-за опасений негативной реакции со стороны западных союзников [Марьина 2014, 189], советскому руководству даже приходилось сдерживать славянские и просоветские тенденции (в частности, отраженные в проекте программы нового чехословацкого правительства⁵⁰),

⁴² В декабре 1943 г. А. Сохор получил звание Героя Советского Союза.

⁴³ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 4. Л. 27–28; Славяне. 1943. № 5. С. 42.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 26.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 56. Л. 6, 22, 55, 60–61; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 28.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 610. Л. 7–8, 10; ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 4. Л. 25; Там же. Д. 23. Л. 28.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 25.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 795. Л. 99–100.

⁵⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 3–5, 25.

подчеркивая отсутствие панславистских намерений в своей политике [Малышев 1997, 128; Марьина 2000, 46].

После войны Всеславянский комитет способствовал сохранению памяти об участии в войне на стороне СССР иностранных воинских формирований. В 1945–1946 гг. руководство комитета направило письма в Управление пропаганды и агитации и Отдел внешней политики ЦК ВКП(б), в которых отметило, что «в Великой Отечественной войне совместно с Красной армией сражались польские и чехословацкие воинские соединения, которые оставили немало могил на полях Украины и Белоруссии. Постройка памятников погибшим воинам этих соединений, приглашение на их открытие представителей славянских армий и делегаций от их народов может иметь большое политическое значение»⁵¹. Места «боевого крещения» этих воинских частей были мемориализованы. В 1958 г. в с. Соколово Харьковской обл. открыли музей советско-чехословацкой дружбы и в 1972 г. установили памятник, в 1968 г. в Могилевской обл. – музей советско-польского боевого содружества и памятник польским воинам.

Таким образом, Коминтерн и Всеславянский антифашистский комитет в сотрудничестве с советскими партийными и военными инстанциями сыграли одну из главных ролей в создании иностранных воинских формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной войны.

Деятельность этих общественно-политических структур имела несколько направлений, включая подготовительно-пропагандистскую работу, ориентированную на формирование мотивации к переходу военнослужащих вражеских армий на советскую сторону и к вступлению военнопленных в ряды иностранных воинских частей, созданных в СССР, непосредственное участие в создании этих формирований и их дальнейшее политико-пропагандистское сопровождение. Эта деятельность осуществлялась на общей идеологической платформе, соответствовавшей установкам советской политики.

Сферы деятельности Коминтерна и Всеславянского комитета имели некоторые различия, связанные прежде всего с тем, что охват работы первого затрагивал представителей всех национальностей, тогда как деятельность комитета была направлена только на поляков, чехов, словаков, народы Югославии и представителей других славянских этносов. Кроме того, Коминтерн был в намного большей степени вовлечен в работу с военнопленными. Однако в связи с его роспуском в мае 1943 г. основные функции по идеологическому обеспечению создания в СССР иностранных воинских формирований легли на плечи Всеславянского комитета, который активно осуществлял работу до конца войны и многие годы после нее. Созданные в СССР польская армия, чехословацкий армейский корпус и другие воинские формирования стали основой для новых вооруженных сил соответствующих стран.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГВА – Российский государственный военный архив.

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

POW – Prisoner of War (военнопленный).

⁵¹ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 733. Л. 328.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 58. Д. 795. Л. 99–100.
 Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. 1120 с.
 ГАРФ. Ф. 6646, 8581, 9564.
 ГУПВИ. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Волгоград, 2004. Т. 4. 1111 с.
 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1981. Т. 4. Кн. 1. 424 с.
 Коммунистический Интернационал. 1941. № 6–8.
 РГАСПИ. Ф. 17, 495.
 РГВА. Ф. 4п., 88п.
 Славяне. 1943. № 1, 5, 6, 10.
 Славяне. 1944. № 2, 5, 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адибеков Г. М. Коминтерн после формального роспуска (1943–1944 гг.) // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 28–41.
 Байерляйн Б. «Предатель – ты, Сталин!»: Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил. М.: РОССПЭН, 2011. 679 с.
 Всеволодов В. А. «Срок хранения – постоянно!»: Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД – МВД СССР № 27. М.: Мемориальный музей немецких антифашистов, 2003. 271 с.
 Всеволодов В. А. Центральная антифашистская школа для военнопленных в Красногорске (1943–1950 гг.) // Красногорье. 2005. № 9. С. 115–130.
 Досталь М. Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. М., 2000. С. 175–188.
 История Коммунистического интернационала, 1919–1943: документальные очерки / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2002. 412 с.
 Крупенников А. А. Тяжкая ноша плена: статьи, 1993–2000. М.: Рейтгарь, 2001. 205 с.
 Лебедева Н. Коминтерн и Польша. 1939–1943 годы // Международная жизнь. 1993. № 8. С. 147–157.
 Малышев В. А. «Пройдет десяток лет, и эти встречи уже не восстановишь в памяти»: Дневник наркомма // Источник. 1997. № 5. С. 103–147.
 Марыина В. В. Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: веки истории. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 169–181.
 Марыина В. В. Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 32–55.
 Марыина В. В. Славянская идея в СССР накануне, во время и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М. – СПб: Нестор–История, 2014. С. 180–194.
 Толмачев Е. П. Современный взгляд на историю Коминтерна (1924–1943). М.: Издательство МГУ, 1992. 127 с.
 Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 12–35.
 Korbel Josef. The Communist Subversion of Czechoslovakia, 1938–1948: The Failure of Coexistence. Princeton: Princeton University Press, 1965. 258 p.

Рукопись поступила в редакцию 05.10.2023

Рукопись принята к печати 08.11.2023

REFERENCES

- Adibekov G. M. Komintern posle formal'nogo rospuska (1943–1944 gg.). *Voprosy istorii*, 1997, no. 8, pp. 28–41. (In Russ.)
 Baierliain B. «Predatel' – ty, Stalin!»: *Komintern i kommunisticheskiye partii v nachale Vtoroi mirovoi voyny (1939–1941): utrachennoia solidarnost' levyykh sil*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 679 p. (In Russ.)
 Dostal' M. Iu. «Novoje slavianskoje dvizhenije» v SSSR i Vseslavianskii komitet v Moskve v gody voyny. *Slavianskii al'manakh*. Moscow, 2000, pp. 175–188. (In Russ.)
 Firsov F. I. Arkhivy Kominterna i vneshniaia politika SSSR. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1992, no. 6, pp. 12–35. (In Russ.)

- Istoriia Kommunisticheskogo internatsionala, 1919–1943: dokumental'nyye ocherki*, ed. A.O. Chubar'ian. Moscow, Nauka Publ., 2002, 412 p. (In Russ.)
- Korbel Josef. *The Communist Subversion of Czechoslovakia, 1938–1948: The Failure of Coexistence*. Princeton, Princeton University Press, 1965, 258 p.
- Krupennikov A.A. *Tiazhkaia nosha plena: stat'ji, 1993–2000*. Moscow, Reittar Publ., 2001, 205 p. (In Russ.)
- Lebedeva N. Komintern i Pol'sha. 1939–1943 gody. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 1993, no. 8, pp. 147–157. (In Russ.)
- Malyshev V.A. «Proidet desiatok let i eti vstrechi uzhe ne vosstanovish' v pamiaty»: *Dnevnik narcoma. Istochnik*, 1997, no. 5, pp. 103–147. (In Russ.)
- Mar'jina V.V. Slavianskaia ideia v gody Vtoroi mirovoi voyny (K voprosu o politicheskoi funktsii). *Slavianskii vopros: vekhi istorii*. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 169–181. (In Russ.)
- Mar'jina V.V. *Dnevnik G. Dimitrova. Voprosy istorii*, 2000, no. 7, pp. 32–55. (In Russ.)
- Mar'jina V.V. Slavianskaia ideia v SSSR nakanune, vo vremia i posle Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. *Sotsial'nyye posledstviia voyn i konfliktov XX veka: istoricheskaya pamiat'*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014, pp. 180–194. (In Russ.)
- Tolmachev Ye.P. *Sovremennyi vzgliad na istoriiu Komintern (1924–1943)*. Moscow, Moscow State University Publ., 1992, 127 p. (In Russ.)
- Vsevolodov V.A. «Srok khraneniia – postoianno!»: *Kratkaia istoriia lageria voennoplennyykh i internirovannykh UPVI NKVD – MVD SSSR № 27*. Moscow, Memorial Museum of German Anti-Fascists Publ., 2003, 271 p. (In Russ.)
- Vsevolodov V.A. Tsentral'naia antifashistskaia shkola dlia voennoplennyykh v Krasnogorske (1943–1950 gg.). *Krasnogor'je*, 2005, no. 9, pp. 115–130. (In Russ.)

Received on 05.10.2023

Accepted on 08.11.2023

Информация об авторе:

Синицын Фёдор Леонидович
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт всеобщей истории
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2299-204X
E-mail: permcavt@gmail.com

Information about the author:

Fedor L. Sinitsyn
DSc. (History), Leading Research Fellow
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2299-204X
E-mail: permcavt@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 1, с. 82–94

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 82–94

DOI: 10.31857/S0869544X24010068

Оригинальная статья / Original Article

Стратегия и тактика ФРГ по формированию постъюгославского пространства в 1990-е годы

© 2024 г. Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ltrunov@mail.ru

Аннотация. В статье на основе документов Бундестага проанализированы содержание и закономерности политических и военных шагов объединившейся Германии в ходе распада Югославии в 1990-е годы. Показывается ход и детерминированность усилиям ФРГ по поддержке независимости Словении и Хорватии. Исследуется линия по решению «боснийского вопроса»: разноаспектная помощь созданной мусульмано-хорватской федерации в ее борьбе с Республикой Сербской. В завершающей части работы отражены характер и особенности действий ФРГ в 1998–1999 гг. как части «коллективного» Запада по наделению края Сербии Косово предельно широкой автономией. В итоге в статье сделан вывод о наличии общих черт в политике ФРГ, направленной на поддержку сецессии союзных республик Югославии и Косово.

Ключевые слова: Германия, Балканы, Хорватия, Босния, Косово, вооруженные конфликты, дипломатия, бундесвер, НАТО.

Ссылка для цитирования: Трунов Ф.О. Стратегия и тактика ФРГ по формированию постъюгославского пространства в 1990-е годы // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 82–94. DOI: 10.31857/S0869544X24010068

FRG's Strategy and Tactics on the Formation of the Post-Yugoslav Space in the 1990s

© 2024. Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) RAS
(Moscow, Russian Federation)

ltrunov@mail.ru

Abstract. The article attempts to reveal the content and identify the patterns of united Germany's political and military steps in the situation of Yugoslavian collapse in the 1990-s. The author used the methods of historical reconstruction, event-analyses and a corpus of sources, the basis of which is the Bundestag's documents. The dynamics and direction of FRG's efforts to support the independence of Slovenia and Croatia are presented. The scientific paper explores also the line of Germany in the Bosnian

question. FRG step by step helped politically and military the Muslim-Croatian federation in its struggle against Republika Srpska. Then the author shows the character and features of the line of Germany (as part of the West) in 1998–1999 on endowing Kosovo which is province of Serbia with maximum autonomy. The paper concludes about FRG's support for the secession of the federal republics of Yugoslavia, as well as Kosovo.

Keywords: Germany, Balkans, Croatia, Bosnia, Kosovo, armed conflicts, diplomacy, the Bundeswehr, NATO.

For citation: Philipp O. Trunov. FRG's Strategy and Tactics on the Formation of the Post-Yugoslav Space in the 1990s // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 1. P. 82–94. DOI: 10.31857/S0869544X24010068

Задача статьи — исследовать направленность и содержание политической и военной линии ФРГ в ходе формирования постъюгославского пространства. Хронологические рамки работы: нижняя — декабрь 1991 г. (признание Германией независимости двух первых союзных республик СФРЮ), верхняя — июнь 1999 г. (развертывание миссии НАТО KFOR в крае Косово и Метохия). Для отечественной историографии характерен акцент на политику на Балканах в этот период «коллективного» Запада в целом [Гуськова 2016; Гуськова 2017; Князева 2021; Энтина 2018], либо на изучение курса ФРГ лишь по отдельным направлениям [Петренко 2015; Шагалов 2008], либо уже в XXI в. на лапидарное обращение к ее действиям в 1990-е годы [Пушкарева 2017]. Ряд зарубежных специалистов педалируют тезисы о первоначально спонтанном [Calic 2007, 469–472; Libal 1997], в дальнейшем — о вынужденном характере действий Германии в ходе распада Югославии с целью борьбы с возникавшими в регионе угрозами нестабильности [Bendiek 2004, 73–92]. В статье предпринята попытка доказать не реактивный, а проактивный характер политики ФРГ, ее роль как полноценного встроенного субъекта процесса формирования постъюгославского пространства. Для этого использовался корпус источников, основу которых составили документы Бундестага. В работе применены методы исторической реконструкции и ивент-анализа.

Первый этап (1991–1992): поддержка независимости Словении и Хорватии

На фоне нарастания центробежных тенденций в западной части СФРЮ летом — осенью 1991 г. ФРГ *de facto* стала оказывать разноплановую поддержку Словении и Хорватии, хотя *de jure* занимала сдержанную позицию. Однако дебаты в ЕЭС и ООН показали резкое изменение подхода Бонна к ситуации на этих территориях Западных Балкан к зиме 1991 г. А 19 декабря, вопреки позиции остальных стран — участниц Европейских сообществ, Германия признала независимость Словении и Хорватии¹.

Неизбежно актуализировалась историческая аналогия: напад и разгромив Югославию в 1941 г., Третий рейх наиболее надежным сателлитом на Балканах считал провозгласившее формальную независимость хорватское государство. Безусловно, ФРГ создавалась как антипод нацистской Германии, как носитель принципов и ценностей либеральной (западной) демократии, ее распространитель — в последующем с прививкой их на политическую почву уже иных игроков, в том числе официального Загреба. Однако, как показало решение 1991 г., в полной мере продолжала работать геополитическая закономерность: желание

¹ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993... S. 17.

обеспечить ориентирование Хорватии на вновь усиливавшуюся Германию. Опасаясь разобщения ЕЭС и будучи вынуждена действовать в русле решения ФРГ, группа государств объединения поддержала его 23 декабря 1991 г. Полный консенсус был достигнут лишь 15 января 1992 г.² Тем самым Боннская республика проявила не просто настойчивость, но нехарактерную ранее готовность действовать в опережение и даже в отрыве от иных игроков Запада.

Чем обусловлена тактика ФРГ? Осторожная позиция, характерная для Германии до декабря 1991 г., трактовалась германскими исследователями как выжидательная. Лишь убедив себя в неизбежности сецессий в Югославии, правительство Коля — Кинкеля начало действовать в поддержку Словении и Хорватии [Calic 2007, 471], декларируя обеспокоенность притоком беженцев с их территории в Германию [Bendiek 2004, 73–92]. Однако намного большее значение имел фактор провозглашения 3 октября 1990 г. ее объединения. Это, особенно на «коротком шаге», требовало внимания к внутренним проблемам. Прежде всего речь шла о прохождении «точки невозврата» в имплементации договоренностей с СССР о выводе его группировки войск с территории тогда уже бывшей ГДР. Данный фактор продолжал оставаться мощным сдерживающим обстоятельством для любых значимых шагов ФРГ во внешней политике. Весной 1991 г. документы были ратифицированы; к январю 1992 г. в соответствии с их положениями масштаб и военно-учебная активность группировки российских войск в новых землях Германии резко сократилась. Это создало широкое «окно возможностей» для реализации ею стратегии по формированию постъюгославского пространства с декабря 1991 г. ФРГ проявила дипломатическую напористость — действия в авангарде партнеров по Европейским сообществам и НАТО — не только в вопросе признания Словении и Хорватии, но и установления дипломатических отношений с ними³. Это представляется косвенным подтверждением тщательной проработки стратегии Германии на Балканах: выверив планы, она решительно реализовывала ее шаг за шагом по мере возникновения благоприятной обстановки.

Схема, реализованная в декабре 1991 г., легла в основу дальнейших усилий ФРГ по созданию постъюгославского пространства: активную поддержку сецессии союзных республик, а в случае осевой из них — Сербии — края, т.е. субъекта более низкого уровня. Признание независимости Словении и Хорватии было осуществлено с игнорированием вопроса об их границах и правах нацменьшинств, особенно сербского [Пушкарева 2017, 466]. Тем самым ФРГ в наименьшей степени учитывала интересы системообразующей нации СФРЮ. Данная практика, отвечая интересам властей вновь провозглашаемых государственных субъектов, получила дальнейшее распространение уже в первые месяцы 1992 г. 6 апреля Германия признала независимость Боснии и Герцеговины (БиГ), что *de facto* лишь ужесточило там ход вооруженного конфликта [Шагалов 2008, 284].

Здесь возникает вопрос: почему ФРГ ограничилась сугубо дипломатическими шагами, не подкрепив их демонстративными военными мерами для поддержки как минимум Хорватии? Немногочисленный (менее 40 человек) персонал был направлен на базу военно-транспортной авиации в Загребе в июле 1992 г. [Шагалов 2008, 291]. Большую активность ФРГ проявила в начале 1990-х годов лишь на море: сменившие друг друга миссии НАТО *Maritime Guard* и *Sharp Guard* (также с июля 1992 г.) стремились пресечь поставки оружия в Югославию морским

² Ibidem.

³ Chronologie des Jugoslawien-Konflikts ab dem 19.6.1991... S. 428.

путем⁴, что представляло меру по соблюдению интересов прежде всего Боснии и Хорватии. Однако наземное войсковое присутствие ФРГ под эгидой миссии ООН *UNPROFOR*, *de facto* нацеленное на защиту интересов хорватского меньшинства в БиГ, было развернуто только в августе 1995 г.⁵ Формально препятствием являлось отсутствие правовой процедуры использования бундесвера вне национальных границ: соответствующий запрет был снят в июле 1994 г.⁶ Однако это не помешало учредить указанный военно-логистический центр в Загребе (1992), направлять миротворческие контингенты бундесвера в другие регионы (прежде всего в Сомали в 1993–1994 гг.)⁷. Ключевым сдерживающим Германию фактором продолжало выступать наличие российских войск на ее новых землях. Старт их гарантированных сокращений был воспринят истеблишментом ФРГ как возможность политико-дипломатической, но отнюдь не полноценной военной активизации на Балканах. Но после завершения вывода группировки России к сентябрю 1994 г. бундесвер начал активно использоваться на территории бывших и действующих субъектов Югославии в различных формах, вплоть до собственно силовых.

*Второй этап (1992–1997): конструирование архитектуры
Боснии и Герцеговины*

ФРГ первоначально считала, что для регулирования хода вооруженных конфликтов в Балканском регионе достаточно признания независимости союзных республик. Если для Словении и с большей долей условности для Хорватии дипломатические меры оказались действенными, то в Боснии и Герцеговине признание самостоятельности властей Сараево и установление дипотношений (апрель и ноябрь 1992 г. для ФРГ соответственно [Шагалов 2008, 286]) не способствовали прекращению боевых действий между отрядами хорватов, бошняков-мусульман и бойцов Республики Сербской (РС). Стороной столкновений стали миротворцы ООН *UNPROFOR* с риском полноценного втягивания их в активные боевые действия. Из европейских стран-участниц НАТО наибольший вклад в деятельность миссии внесли Великобритания и Франция⁸, а со стороны ФРГ лишь транспортные самолеты участвовали с июля 1992 г. в организации «воздушного моста» из Загреба в Сараево, вывозя раненых и беженцев, доставляя гуманитарную помощь⁹.

ФРГ обладала заметным влиянием на хорватов в Герцеговине, в наибольшей мере отстаивая именно их интересы. Так, мерой поддержки являлось функционирование «воздушного моста». Вместе с тем германская сторона критически относилась к возможности вхождения районов с преимущественно хорватским населением в состав Хорватии. Чем обусловлен этот парадоксальный на первый взгляд подход? Одна из осевых составляющих стратегии ФРГ по формированию постъюгославского пространства заключалась в сохранении территориальной целостности союзных республик (что не исключало точечных корректировок их границ), за исключением системообразующей Сербии. В случае БиГ это было особенно актуально: в отличие от Словении или Хорватии, здесь находилась обширная область РС, населенной сербами,

⁴ The Bundeswehr on Operations... 2009. P. 65.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid., p. 38–39.

⁷ Ibid., p. 53.

⁸ Rede von Dr. Klaus Kinkel, Bundesminister AA... 30. Juni 1995. S. 3955B-3955C.

⁹ The Bundeswehr on operations... 2009. P. 65.

и безусловно стремившейся к максимальному сближению с официальным Белградом. Для обеспечения независимости БиГ, т.е. ее сецессии, требовалось существенное ослабление позиций РС, что могло быть достигнуто только в случае сохранения в составе БиГ земель с хорватским населением и его консолидации с бошняками-мусульманами. На решение данных задач и были направлены усилия германской дипломатии в конце 1992 г. — первом полугодии 1995 г. Тесно координируя действия с США, ФРГ (прежде всего послы В. Ишингер и М. Штайнер) внесла весомый вклад в создание мусульmano-хорватской (бошняко-хорватской) федерации в марте 1994 г.¹⁰, а затем германский МИД поддержал создание Контактной группы с участием трех сторон конфликта и внешних игроков — наиболее влиятельных государств — членов НАТО, России, Югославии и Хорватии [Шагалов 2008, 288]. В понимании истеблишмента ФРГ фактор объединения оппонентов Республики Сербской в федерацию должен был вкупе с их политической поддержкой Западом обеспечить благоприятный перелом в переговорах. Однако этого не произошло из-за чрезмерных требований бошняков-мусульман, ощущавших поддержку прежде всего США, а отчасти и хорватов в Герцеговине [Гуськова 2017, 84–87], ожидавших помощи от ФРГ. Данный пример является частной иллюстрацией более общей тенденции: взятый курс на поддержку сецессии союзных республик Югославии неизбежно усложнял процесс урегулирования возникавших на различных этапах конфликтов. Ни Бонн, ни его партнеры в принципе не были готовы корректировать позиции с учетом интересов Республики Сербской. Вместо этого был избран путь усиления давления на нее, неизбежно контрпродуктивный на перспективу.

Исчезновение сдерживающего фактора в виде присутствия российских войск в Германии с осени 1994 г. позволило руководству ФРГ перейти к заметному ужесточению позиции на боснийском направлении. Стал продвигаться тезис о «пробуксовке» урегулирования, исчерпании возможностей германской (и в целом западной) дипломатии, что требовало дополнения предпринятых усилий полноценным военно-силовым давлением на Республику Сербскую [Libal 1997, 99]. Германскую общественность и парламентский корпус по нарастающей, с тщательным подбором Ведомством федерального канцлера, МИД и Министерством обороны аргументов убеждали в необходимости разноаспектного, в том числе боевого, использования бундесвера в Боснии. Так, в сравнении давался войсковой вклад в миссию *UNPROFOR*: значительный для Франции (4,7 тыс. миротворцев) и Великобритании (3,6 тыс. «голубых касок»), наличествовавший в принципе у Испании, Канады и Нидерландов, но отсутствовавший у Германии¹¹. Именно просьбы официальных Парижа и Лондона в связи с участвовавшими случаями нападения на их военных в составе сил ООН в Боснии обозначались властями Германии как юридическое основание для использования бундесвера, включая и силовое¹². Глава МИД ФРГ К. Кинкель представлял отряды и в целом население Республики Сербской не просто как этническое меньшинство, но возлагал на его бойцов практически всю ответственность за преступления в отношении мирного населения¹³. Оба данных

¹⁰ Laudatio von Staatsminister Gernot Erler auf Dr. Christian Schwarz-Schilling anlässlich der Verleihung des Hessischen Friedenspreises, Wiesbaden, 20.11.2007...

¹¹ Rede von Dr. Klaus Kinkel, Bundesminister AA... 1995. S. 3955B-3955C.

¹² Ibid., s. 3956B-3956C.

¹³ Ibid., s. 3956B.

тезиса далеко не соответствовали действительности, представляя элементы пост-правды в информационном освещении.

Чем обусловлены относительная продолжительность (более полугода к концу июня 1995 г.) подготовки решения о применении бундесвера в Боснии? С одной стороны, это было первое масштабное использование вооруженных сил ФРГ за пределами национальных границ после принятия соответствующей правовой процедуры (1994)¹⁴. С другой — символично, что именно на Балканах вновь объединившаяся Германия впервые продемонстрировала способность проецировать силу. Неизбежно возникало обращение к фактору исторической памяти: немецкой агрессии в отношении Югославии и установлению профашистского режима Независимой державы Хорватии (НДХ), в том числе и на территории Боснии. Стремясь не допустить подобных аналогий, руководство ФРГ подчеркивало, во-первых, вынужденный характер своих действий — с целью защиты участников миссии *UNPROFOR*, особенно из западных стран¹⁵. Во-вторых, оно вписывало предпринимаемые шаги в контекст многосторонних усилий «коллективного» Запада в целом¹⁶. Наконец, в-третьих, часто бездоказательно обвиняя бойцов РС в преступлениях против человечности, официальный Бонн подталкивал к сравнению именно их с гитлеровским режимом¹⁷. Заявив об успешном осуществлении модернизации по стандартам либеральной демократии, ФРГ провозгласила себя защитницей международного сообщества от радикализма в его различных проявлениях¹⁸. Тем самым, начиная с Боснии в 1995 г., Германия стремилась найти свою формулу участия в гуманитарных интервенциях Евро-Атлантического сообщества. Притом военно-воздушная (силовая) операция НАТО подавалась как необходимая мера по поддержке миротворческой (не-силовой) миссии ООН в увязке с участием ФРГ в обеих.

Однако данная аргументация встретила отнюдь не однозначную реакцию депутатского корпуса Бундестага на обсуждении 30 июня 1995 г. Лидер оппозиционной в тот момент СДПГ Р. Шарпинг заявил, что удовлетворение запроса правительства меняет основы внешней политики ФРГ¹⁹. Его точку зрения поддержал видный представитель «Зеленых» Й. Фишер. Оба оратора ставили под сомнение не саму поддержку мусульмано-хорватской федерации, но использование Германией военного инструментария²⁰. Лидер «левых» Г. Гизи указал, что шаги правительства ФРГ окончательно утверждают ее в положении участницы войн в Югославии²¹. В ходе голосования в поддержку запроса федерального правительства высказались образовавшие его фракции блока ХДС/ХСС и СвДП, а также примерно половина СДПГ и отдельные депутаты «Зеленых». В итоге всего из 655 парламентариев «за» высказались 386 (или почти 59%), «против» 258 (свыше 39%), воздержались — 11 человек²². Результаты голосования отразили не только заметные колебания политической элиты того времени по вопросу допустимости боевого использования бундесвера вне границ Германии, но и постепенный сдвиг общественных настроений в сторону

¹⁴ Ibid., s. 3956C.

¹⁵ Ibid., s. 3955C.

¹⁶ Ibid., s. 3955C, 3956C-3956D.

¹⁷ Ibid., s. 3956A-3956B.

¹⁸ Ibid., s. 3957B.

¹⁹ Rede von Rudolf Scharping (SPD) // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3959A-3959B.

²⁰ Rede von Joseph Fischer (Frankfurt) (Bündnis 90/die Grünen)... 30. Juni 1995. S. 3971A-3973D.

²¹ Rede von Dr. Gregor Gysi (PDS)... 30. Juni 1995. S. 3980A-3981D.

²² Namentliche Abstimmung. ... 30. Juni 1995. S. 4017A-4019C.

одобрения подобных действий. Здесь Балканский регион отнюдь не случайно выступал «лакмусовой бумажкой» для внешней политики ФРГ в целом.

8 августа 1995 г. в состав миссии *UNPROFOR* был направлен германский контингент, установленной предельной численностью («потолком») в 1,7 тыс. военнослужащих²³. Его разместили на территории мусульмано-хорватской федерации в БиГ и отчасти в Хорватии. Значительную часть контингента ФРГ составляли подразделения военно-разведывательной и транспортной авиации, а также медицинский персонал²⁴. Иными словами, собственно войсковые подразделения были немногочисленны (менее батальона), что во многом объяснялось стремлением правительства снизить риск потерь.

С 30 августа по 20 сентября 1995 г. ВВС ФРГ в составе военно-воздушной миссии НАТО *Deliberate Force* приняли участие в бомбардировках территории Республики Сербской. Практический вклад ФРГ и в данном случае был ограниченным: люфтваффе было совершено всего 59 самолетовылетов [Пушкарева 2017, 467], т.е. в среднем менее трех ежесуточно, а основную нагрузку приняли ВВС США. В условиях оказываемого на РС военно-силового давления официальный Белград, а затем сама республика согласились на схему переговоров, предложенную ведущими «западными демократиями». Обсуждение условий примирения проходило на военной базе Дейтон в США. Наряду с принимающей стороной ФРГ оказала заметное влияние на ход переговоров. Было установлено соотношение площадей мусульмано-хорватской федерации и РС как 51 и 49%, притом территория последней разделялась на две части. Фиксировались показатели сокращения численности отрядов РС и вооруженных сил Югославии, притом военизированные формирования бошняков и хорватов, армия официального Загреба, напротив, *de facto* усиливались [Гуськова 2017, 90, 93–94]. Важным моментом являлось утверждение механизма жесткого контроля над выполнением заключенного 14 декабря 1995 г. соглашения, которое определяло контуры конституционного устройства Би Г. В военном отношении основную нагрузку принимала миссия НАТО *IFOR* по миротворчеству и поддержанию мира, развертываемая на основе решения ООН, в политическом – Руководящий орган по выполнению Дейтонского соглашения и персонально Верховный представитель. Последний имел широкие права в смысле введения санкций в отношении БиГ, ее субъектов (прежде всего РС) в случае нарушений положений документа. В политическом блоке, в отличие от военного, институционально ключевую роль играла уже не НАТО, но ЕС.

В преддверии подписания Дейтонского соглашения – 6 декабря 1995 г. – правительство Германии поставило вопрос перед законодателями о направлении войскового контингента предельной численностью в четыре тысячи военнослужащих (эквивалент половины бригады) в состав миссии Альянса *IFOR* (7% от ее общей численности)²⁵. Тем самым ФРГ вновь, как и в случае *Deliberate Force*, заметно отставала от США по абсолютной численности контингента, но вносила вклад, заметный по удельному весу (в сравнении с другими европейскими странами), и главное – по политическому влиянию. Запрос федерального правительства 6 декабря был одобрен Бундестагом с намного большим преимуществом, чем 30 июня 1995 г.: из 656 депутатов «за» высказались 543 (почти 82% против 59%), «против» 107 (более 16% против 39%), воздержались шесть

²³ The Bundeswehr on operations... 2009. P. 65.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Rede von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl... Mittwoch, 6. Dezember 1995. S. 6633A.

парламентариев²⁶. Разницу обеспечило изменение позиции части депутатов СДПГ и особенно «Зеленых»; фракция «левых» полностью сохранила негативное отношение к использованию бундесвера на Балканах. Различия в голосовании объяснялись *de jure* небоевым характером миссии *IFOR* в сравнении с *Deliberate Force*. В отличие от *UNPROFOR*, *IFOR* развертывалась не в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта, но уже по достижению договоренностей о прекращении огня. Это должно было минимизировать риск втягивания бундесвера в боестолкновения и его потерь.

Действительно, уровень насилия постепенно снижался. Хотя страны — участницы НАТО стремились обеспечить за собой основную роль в урегулировании, заметный положительный вклад внесла Россия, чьи миротворцы были развернуты в зоне оперирования *IFOR*. Германские военные участвовали в патрулировании и мониторинге режима прекращения огня, изъятии у бойцов отрядов РС избыточных по Дейтонскому соглашению оружия и техники²⁷, одновременно содействуя таким образом усилению мощи формируемой мусульмано-хорватской конфедерации.

В 1996 г., силы *IFOR* были реорганизованы в *SFOR*, притом максимальная численность германского контингента осталась значительной — 3,0 тыс. военных [Шагалов 2008, 294]. Его основные силы были сконцентрированы в районах Сараево, а также Коньиц, Фоча и Горажде²⁸ — последний передавался от РС к мусульмано-хорватской федерации, что сопровождалось массовой эмиграцией оттуда местного сербского населения [Гуськова 2017, 89]. Притом боснийское направление стало одним из тех, где создавался образ германского военнотруженика-миротворца — логично, что при этом оттенялись факты боевого применения бундесвера в 1995 г. Педалировалось участие солдат и офицеров ФРГ в восстановлении социальных объектов (школ, больниц) и жилого фонда в сотрудничестве с другими ведомствами Германии (прежде всего, экономического сотрудничества и развития), властями БиГ различного уровня²⁹.

Третий этап (1998—1999): осуществление предельной автономизации Косово

Именно в Боснии ФРГ в тесном согласии с другими странами — участницами НАТО отработала тактики политико-дипломатического и военного продавливания требуемой схемы в ходе очередной фазы формирования постъюгославского пространства. В отшлифованном виде данный опыт вновь был применен в Косово — уже не союзной республики, но автономного края самой Сербии. Посчитав, что в БиГ к 1998 г. достигнута «точка невозврата» в реализации определенного в Дейтоне пути урегулирования, ведущие игроки Запада перефокусировали предельное внимание на Косово, что проявилось в заметном ужесточении критики официального Белграда в рамках профильной Контактной группы. Стремясь смягчить напряженность, единственный незападный участник формата — Россия — сыграла значимую роль в принятии резолюции № 1199 Совета Безопасности ООН (1998), призывавшей к предоставлению разумного увеличения автономных прав Косова при условии того, что оно безусловно остается в составе Сербии. Однако «западные демократии» обвинили Югославию в нарушении этой резолюции и вновь, как и в 1995 г. в Боснии, пригрозили ей военно-силовым вмешательством.

²⁶ Namentliche Abstimmung. 6. Dezember 1995. S. 6673B-6675D.

²⁷ The Bundeswehr on operations... 2009. P. 65.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

В отличие от тогдашней ситуации, с октября 1998 г. ФРГ заняла намного более активную позицию, наряду с США превратившись в наиболее непримиримого оппонента официального Белграда. Не в пример обсуждению 30 июня 1995 г. дискуссия 16 октября 1998 г. в Бундестаге продемонстрировала широкое межпартийное согласие в вопросе боевого использования бундесвера: решение поддержали как уходившее в отставку правительство от ХДС/ХСС и СвДП³⁰, так и новый кабинет СДПГ³¹ и Партии зеленых³². Притом антиюгославская риторика готовившегося стать канцлером социал-демократа Г. Шрёдера и стоявшего в июне 1995 г. на совершенно иной позиции Й. Фишера была даже жестче, чем у министров правительства Коля – Кинкеля. Почему? Это свидетельствовало о завершении складывания согласия этаблированных партий (т.е. всех, представленных в Бундестаге, кроме Левой партии) о необходимости разнопланового, в том числе собственно силового, использования бундесвера на территории бывших и действующих субъектов Югославии. В основе консенсуса лежало стремление посредством военной активности под эгидой НАТО на Балканах утвердить ФРГ в положении региональной державы, притом уже на уровне Евро-Атлантического сообщества. Эта линия стартовала в первые годы после провозглашения Федеративной Республики (1949), завершившись в 1999 г. угрозой применения силы против Югославии, ее реализацией и хронологически одновременно осуществленным переносом столицы из Бонна в Берлин. Эта детерминированность предопределила не только жесткость декларативного уровня политики ФРГ на Балканах в конце 1990-х годов, но и невиданный для нее масштаб использования бундесвера: «потолок» контингента наземной группировки НАТО в Косове по стабилизации был установлен в 8,5 тыс. солдат и офицеров³³ (эквивалент усиленной бригады).

В ходе голосования 16 октября 1998 г. запрос правительства о применении бундесвера в военно-воздушной операции НАТО одобрило подавляющее большинство депутатов корпуса: из 580 депутатов 500 (или свыше 86%) высказались «за», 62 (около 11%) «против» при 18 воздержавшихся: основу критиков решения составила фракция «Левой» партии³⁴. Аргументация властей ФРГ в основе была той же, что и в 1995 г.: утверждение, что Германия действует в рамках многосторонних усилий НАТО по защите мирного населения Косова от преступлений официального Белграда, не приводя соответствующих доказательств³⁵; при этом жесткость противоположной стороны – повстанцев из «Армии освобождения Косово» – вновь замалчивалась. Исходя во многом из переговорной линии югославской делегации во главе с С. Милошевичем в Дейтоне [Гуськова 2017, 89–95], Г. Шрёдер в октябре 1998 г. считал, что непосредственно до применения силы дело не пойдет: уже сама угроза заставит официальный Белград пойти на требуемые уступки³⁶.

Действительно, югославская сторона согласилась обсудить новую схему урегулирования. Ведущие страны – участницы НАТО концептуализировали ее 22 февраля 1999 г. в виде «плана Рамбуйе». Документ предполагал вывод с территории Косово югославских войск, размещение там наземной войсковой миссии Альянса (по образцу *IFOR/SFOR*) с провозглашением предельно широких прав администрации края. Иными словами, Косово переходило под внешнее управление

³⁰ Rede von Volker Rühe, Bundesminister BMVg... 16. Oktober 1998. S. 23133D-23135B.

³¹ Rede von Gerhard Schröder, Ministerpräsident (Niedersachsen)... 16. Oktober 1998. S. 23135C-23138B.

³² Rede von Joseph Fischer (Frankfurt) Bündnis 90/die Grünen... 16. Oktober 1998. S. 23141A-23142D.

³³ Antrag der Bundesregierung... Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/1133, 11.06.1999. S. 3–4.

³⁴ Namentliche Abstimmung... Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23161B-23163D.

³⁵ Rede von Joseph Fischer... Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23141A-23142D.

³⁶ Rede von Gerhard Schröder ... Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23135C-23138B.

Запада, как ранее и Би Г. Однако, в отличие от Республики Сербской, эта территория являлась частью Сербии, что делало неприемлемым принятие «плана Рамбуйе» Белградом. Германская сторона была, однако, уверена в положительном результате: 25 февраля 1999 г. правительство Шрёдера – Фишера запросило санкцию Бундестага на предоставление контингента (4,5 тыс. солдат и офицеров) в состав планируемой к развертыванию наземной войсковой миссии НАТО по миротворчеству и поддержанию мира *Extraction Force*³⁷. «За» высказались 553 из 604 (почти 92%) парламентариев, что отражало укрепление и без того сильного межпартийного консенсуса («против» высказались в основном лишь депутаты «Левой» партии) по вопросу применения бундесвера на Балканах.

На этом фоне отказ Югославии принять «план Рамбуйе» в Берлине восприняли крайне негативно. Именно ФРГ стала принимающей стороной Европейского совета 24 марта 1999 г., на котором была одобрена военно-воздушная операция НАТО в Сербии, начавшаяся сразу же следующей ночью. В телефонном разговоре с председателем правительства РФ Е.М. Примаковым 24 марта 1999 г. Г. Шрёдер дал понять, что, несмотря на продолжающиеся усилия РФ по дипломатическому урегулированию конфликта, вопрос о многостороннем военном ударе Запада предрешен³⁸. Начались бомбардировки Сербии, обозначенные как операция *Allied Force* НАТО. В сопоставлении с *Deliberate Force* (1995) боевая активность ВВС ФРГ, с одной стороны, была выше [Пушкарева 2017, 467], с другой – интенсивность использования люфтваффе оставалась несоизмеримо меньше, чем авиации США. По продолжительности и сложности проведения *Allied Force* логично оказалась для Альянса намного более трудоемкой задачей. Операция рисковала затянуться намного дольше, чем *Deliberate Force*. Вместе с тем асимметрия военной мощи вынудила официальный Белград принять условия ведущих игроков Запада, что нашло отражение в резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН 10 июня 1999 г.

KFOR развертывались во многом по схеме *IFOR*, представляя военный механизм игроков Запада, нацеленный на фактическое обособление Косова. В отличие от 1995 г., подключение РФ в отдельной зоне ответственности не планировалось, но было осуществлено («бросок на Приштину»), на практике показав наличие влиятельного незападного игрока со сбалансированным подходом к урегулированию конфликта. Уже отмечалось, что ФРГ выделила очень крупным по национальным меркам контингент (до 8,5 тыс. военных), что окончательно закрепило ее в роли одного из ведущих модераторов постъюгославского пространства.

* * *

Действия добившейся **объединения** ФРГ на Балканах содействовали **распаду** Югославии: мощь одного, восходящего, игрока во многом нарабатывалась в условиях и посредством ослабления другого, утрачивавшего международную субъектность. Придерживаясь концепции мультилатерализма, Германия последовательно повышала удельный вес в выработке и реализации решений Евро-Атлантического сообщества. Эта тенденция достигла пиковых показателей в конце 1990-х годов, когда ФРГ утвердилась в роли второго по влиятельности после США центра принятия решений на Западе по Балканам. Хронологически стратегия Германии состояла в 1990-е годы из трех этапов. В ходе первого из них (1991–1992) фокус был обращен на поддержку независимости Словении и Хорватии, второго (1992–1997) – Боснии и Герцеговины (с ослаблением Республики Сербски),

³⁷ Namentliche Abstimmung... 25. Februar 1999. S. 1715B-1717D.

³⁸ Примаков Е.М., 154.

третьего (1998–1999) – предельной широкой автономизации Косово. Тем самым ФРГ перемещала внимание с запада на восток, от границ Евро-Атлантического сообщества. Концептуально закреплением действий последнего стало внедрение понятия «Западные Балканы» (вместо «Балкан», «постъюславского пространства» или «бывшей Югославии») для обозначения региональных игроков, не вступивших в ЕС [Романенко 2021, 32]. Этот термин должен был закрепить в сознании масс безальтернативность ориентированности данных акторов на «коллективный» Запад [Полывянный 2015, 44–48], что объективно не могло не породить рост напряженности на Балканах [Князева 2021; Пономарева, Рудов 2020]: РС недовольна навязыванием ей соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС [Гуськова 2017, 90], для Сербии весьма острым остается вопрос сближения с НАТО, к чему ее подталкивают «западные демократии» [Пономарева, Рудов 2020, 111–121]. Активное участие ФРГ в разработке и распространении концептуального понятия «Западные Балканы» [Калоева 2019] стало еще одним подтверждением наличия у нее единой стратегии в регионе еще с 1990-х годов. Тогда в основе линии ФРГ лежал принцип усиливаемого давления на официальный Белград и различные сербские (проюгославские) силы в целом: сначала в политико-дипломатической плоскости, затем (в случае необходимости) – со смещением и в военную область. Жесткая риторика сочеталась с относительно ограниченным собственно силовым использованием бундесвера (операции *Deliberate Force* и *Allied Force*), за которым следовало его намного более активное и масштабное наземное войсковое *de jure* небоевое применение (миссии *IFOR/SFOR* и *KFOR* соответственно).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БиГ – Босния и Герцеговина.
ЕЭС – Европейское экономическое сообщество.
РС – Республика Сербская.
СДПГ – социал-демократическая партия Германии.
СвДП – партия свободных демократов.
ХДС/ХСС – христианско-демократический союз/христианско-социальный союз.
Allied Force – операция «Союзная сила».
Deliberate Force – операция «Обдуманная сила».
IFOR – Implementation Force, Силы по выполнению соглашения (СВС).
KFOR – Kosovo Force, Силы для Косово (СДК).
SFOR – Stabilization Force, Силы по стабилизации (СПС).
UNPROFOR – UN Protection Force, Силы ООН по охране (СООНО).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Примаков Е. М. Восемь месяцев плюс... М.: Мысль, 2001. 240 с.
Antrag der Bundesregierung. Deutsche Beteiligung an einer internationalen Sicherheitspräsenz im Kosovo zur Gewährleistung eines sicheren Umfeldes für die Flüchtlingsrückkehr und zur militärischen Absicherung der Friedensregelung für das Kosovo. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/1133, 11.06.1999. 16 S.
Chronologie des Jugoslawien-Konflikts ab dem 19.6.1991 // Deutsche Außenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Bonn: Auswärtiges Amt, 1993. S. 428–431.
Laudatio von Staatsminister Gernot Erler auf Dr. Christian Schwarz-Schilling anlässlich der Verleihung des Hessischen Friedenspreises, Wiesbaden, 20.11.2007 // Auswärtiges Amt [сайт]. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/071120-erler-hess-friedenspreis/219246> (accessed: 28.10.2022).
Namentliche Abstimmung. Deutsche Beteiligung an den Maßnahmen zum Schutz und zur Unterstützung des schnellen Einsatzverbands im früheren Jugoslawien einschließlich der Unterstützung eines eventuellen Abzugs der VN-Friedenstruppen // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 4017A–4019C.

Namentliche Abstimmung. Deutsche Beteiligung an den militärischen Maßnahmen zur Absicherung des Friedensvertrags für Bosnien-Herzegowina // Plenarprotokoll 13/76. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht. 76. Sitzung. Bonn, Mittwoch, 6. Dezember 1995. S. 6673B–6675D.

Namentliche Abstimmung. Deutsche Beteiligung an den von der NATO geplanten begrenzten und in Phasen durchzuführenden Luftoperationen zur Abwendung einer humanitären Katastrophe im Kosovo-Konflikt // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23161B–23163D.

Namentliche Abstimmung. Deutsche Beteiligung an der militärischen Umsetzung eines Rambouillet-Abkommens für den Kosovo sowie an NATO-Operationen im Rahmen der Notfalltruppe (Extraction Force) // Plenarprotokoll 14/22. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 22. Sitzung. Bonn, Donnerstag, 25. Februar 1999. S. 1715B–1717D.

Rede von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl // Plenarprotokoll 13/76. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht. 76. Sitzung. Bonn, Mittwoch, 6. Dezember 1995. S. 6632A–6634C.

Rede von Dr. Gregor Gysi (PDS) // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3978D–3982A.

Rede von Dr. Klaus Kinkel, Bundesminister AA // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3855B–3959A.

Rede von Gerhard Schröder, Ministerpräsident (Niedersachsen) // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23135C–23138B.

Rede von Joseph Fischer (Frankfurt) (Bündnis 90/die Grünen) // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3970D–3975C.

Rede von Joseph Fischer (Frankfurt) Bündnis 90/die Grünen // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23141A–23142D.

Rede von Rudolf Scharping (SPD) // Plenarprotokoll 13/48. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 48. Sitzung. Bonn, Freitag, 30. Juni 1995. S. 3959A–3965B.

Rede von Volker Rühe, Bundesminister BMVg // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, 16. Oktober 1998. S. 23133D–23135B.

The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993. // Deutsche Außenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Bonn: Auswärtiges Amt, 1993. S. 13–27.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуськова Е. Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 78–94.
- Гуськова Е. Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX века (окончание) // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 82–99.
- Калоева Е. Б. Отечественные и зарубежные исследователи о настоящем и будущем Западных Балкан. (Аналитический обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 3. С. 235–265.
- Князева С. Е. Проблема вступления в ЕС балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 176–193.
- Петренко Е. А. Роль Германии в Боснийской войне (1990–1995 гг.) // Гилея: научный вестник. 2015. № 98. С. 141–146.
- Полыянный Д. И. «Балканизация» и «европеизация» на юго-востоке Европы // Современная Европа. 2015. № 5. С. 36–47.
- Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. НАТО — Югославия: перспективы расширения альянса на Балканах // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1. С. 108–125.
- Пушкарева В. В. Внешняя политика современной Германии на постъюгославском пространстве // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. № 4. С. 466–474.
- Романенко С. А. Балканы / Юго-Восточная Европа: регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 22–58.
- Шалалов А. В. Роль Германии в урегулировании конфликта в Боснии и Герцеговине В 1992–1995 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2008. № 7. С. 284–296.

- Энтина Е. Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 192–208.
- Bendiek A. Der Konflikt im ehemaligen Jugoslawien und die Europäische Integration. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. 372 p.
- Calic M.-J. Ex-Jugoslawien // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. Pp. 468–481.
- Libal M. Limits of persuasion: Germany and the Yugoslav crisis, 1991–1992. Westport, London: Praeger, 1997. 217 p.

Рукопись поступила в редакцию 03.10.2023

Рукопись принята к печати 30.12. 2023

REFERENCES

- Bendiek A. Der Konflikt im ehemaligen Jugoslawien und die Europäische Integration. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, 2004, 372 p.
- Calic M.-J. Ex-Jugoslawien. Handbuch zur deutschen Außenpolitik, hrsg. S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007, pp. 468–481.
- Gus'kova Je. Iu. Vooruzhennyi konflikt i politicheskoe uregulirovanije: krizis dialogovoi modeli na Balkanakh v 90-je gody XX veka (okonchanije). Novaia i noveishaia istoriia, 2016, no. 6, pp. 78–94. (In Russ.)
- Gus'kova Je. Iu. Vooruzhennyi konflikt i politicheskoe uregulirovanije: krizis dialogovoi modeli na Balkanakh v 90-je gody XX veka (okonchanije). Novaia i noveishaia istoriia, 2017, no. 1, pp. 82–99. (In Russ.)
- Entina Je. G. Jevro-atlanticheskaja integratsiia respublik byvshei Iugoslavii i rossiiskii factor. *Aktual'nyje problemy Jevropy*. 2018, no. 1, pp. 192–208. (In Russ.)
- Kalojeva Je. B. Otechestvennyje i zarubezhnyje issledovateli o nastoiashchem i budushchem Zapadnykh Balkan. (Analiticheskii obzor). *Aktual'nyje problemy Jevropy*, 2019, no. 3, pp. 235–265. (In Russ.)
- Kniazeva S. Je. Problema vstupleniia v JES balkanskikh stran i rasshireniia JES v kontekste tsennostnoi modeli Jevropeiskogo soiuza. *Aktual'nyje problemy Jevropy*, 2021, no. 2, pp. 176–193. (In Russ.)
- Libal M. *Limits of persuasion: Germany and the Yugoslav crisis, 1991–1992*. Westport, London, Praeger, 1997, 217 p.
- Petrenko E. A. Rol' Germanii v Bosnijskoj vojne (1990–1995 gg.). *Gileja: nauchnyj vestnik*, 2015, no. 98, pp. 141–146. (In Russ.)
- Polyvjannyi D. I. «Balkanizatsiia» i «evropeizatsiia» na jugo-vostoke Evropy. *Sovremennaja Evropa*, 2015, no. 5, pp. 36–47. (In Russ.)
- Ponomareva E. G., Rudov G. A. NATO – Jugoslavija: perspektivy rasshireniia al'jansa na Balkanah. *Vestnik diplomatscheskoi akademii MID Rossii. Rossija i mir*, 2020, no. 1, pp. 108–125. (In Russ.)
- Pushkareva V. V. Vneshniaia politika sovremennoi Germanii na postjugoslavskom prostranstve. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, no. 4, pp. 466–474. (In Russ.)
- Romanenko S. A. Balkany. Jugo-Vostochnaja Evropa: region-zagadka i region zagadok. *Aktual'nyje problemy Jevropy*, 2021, no. 2, pp. 22–58.
- Shagalov A. V. Rol' Germanii v uregulirovanii konflikta v Bosnii i Gertsegovine v 1992–1995 gg. *Uchenyje zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya humanitarnye nauki*, 2008, no. 7, pp. 284–296.

Received on 03.10.2023

Accepted on 30.12.2023

Информация об авторе:

Трунов Филипп Олегович
кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
ИНИОН РАН
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7092-4864
E-mail: ltrunov@mail.ru

Information about the author:

Philipp O. Trunov
PhD (Political Science),
Senior Researcher
INION RAS
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7092-4864
E-mail: ltrunov@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 1, с. 95–114

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 95–114

DOI: 10.31857/S0869544X24010078

Оригинальная статья / Original Article

Семейный полилингвизм в миноритарном сообществе Хорватии (на примере многоязычной семьи из западной Славонии)

© 2024 г. Г.П. Пилипенко, С.А. Борисов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

glebpilipenko@mail.ru, borisovsergius@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций
у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Аннотация. В статье обсуждается языковая компетенция членов смешанной чешско-хорватско-боливийской семьи, проживающей в западной Славонии. Рассматривается языковая компетенция на хорватском, чешском и испанском языках. Чешский язык используется внутри чешского миноритарного сообщества, испанский язык используется уроженкой Боливии, имеющей хорватские корни. Анализируются модели адаптации заимствований кроатизмов в испанской и чешской речи собеседников, а также адаптация богемизмов в речи на хорватском языке. Особое внимание уделяется лингвистической характеристике родных идиомов информантов: боливийского варианта испанского языка и сложившегося в Хорватии варианта чешского языка. Используются статистические методы для выявления частотности функционирования отдельных заимствованных элементов. Установлено, что степень проникновения элементов L2 в L1 зависит не только от генетической близости контактирующих языков, но также от времени их усвоения, частоты использования. Рассматриваемый случай является уникальным для данного региона и позволяет выяснить механизмы использования трех языков на микроуровне.

Ключевые слова: хорватский язык, чешский язык, испанский язык, полилингвизм, заимствования, переключение кода, полевое исследование, Хорватия.

Ссылка для цитирования: Пилипенко Г.П., Борисов С.А. Семейный полилингвизм в миноритарном сообществе Хорватии (на примере многоязычной семьи из западной Славонии) // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 95–114. DOI: 10.31857/S0869544X24010078

Family Multilingualism in the Minority Community of Croatia (The Case of a Multilingual Family from Western Slavonia)

© 2024. Gleb P. Pilipenko, Sergej A. Borisov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

glebpilipenko@mail.ru, borisovsergius@gmail.com

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation No. 20-78-10030 «Language and cultural contacts during the social transformations among national minorities in Alpine-Pannonian region»

Abstract. The paper discusses the linguistic competence of members of a mixed Czech-Croatian-Bolivian family living in western Slavonia. Language competence in Croatian, Czech and Spanish is analyzed. Czech is used within the Czech minority, Spanish is used by a native of Bolivia with Croatian roots. The models of loanwords adaptation of Croatian items in the Spanish and Czech speech of interlocutors, as well as the adaptation of Czech items in Croatian language are analyzed. Particular attention is paid to the linguistic characteristics of the native idioms of the informants: the Bolivian version of Spanish and the Croatian version of Czech. Statistical methods are used to identify the frequency of functioning of individual borrowed items. It is stated that the degree of penetration of L2 items into L1 depends not only on the genetic affinity of the languages, but also on the time of their acquisition and on the frequency of use. The case under consideration is unique for this region and allows us to find out the mechanisms of using three languages at the micro level.

Keywords: Croatian, Czech, Spanish, multilingualism, borrowings, code switching, field research, Croatia.

For citation: *Gleb P. Pilipenko, Sergej A. Borisov. Family Multilingualism in the Minority Community of Croatia (The Case of a Multilingual Family from Western Slavonia) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No 1. P. 95–114. DOI: 10.31857/S0869544X24010078*

0. Внимание лингвистов в последнее время все больше обращено к идиолектам говорящих, к изучению феномена языковой личности в многоязычном окружении (см., например, [Харламова 2020; Skorwid 2019]). В частности, развивается метод языкового профилирования информантов, в особенности — проживающих в контактных зонах [Конёр, Макарова, Соболев 2019]. Стратегии внутрисемейного общения в условиях контактирования языков также исследуются достаточно активно [Lanza 2021]. Изучается становление языковой компетенции детей в смешанных семьях [Zentella 1997], сохранение и поддержание херитажных языков в сообществах мигрантов (см., например, [Перотто 2015; Vorobyeva, Bel 2021]), переключение кодов в бытовых сферах общения, например, в смешанной итальянско-хорватской семье [Županović Filipin, Bevanda Tolić 2015].

В фокусе нашего внимания находится чешская община, проживающая в Хорватии. По чешско-хорватскому билингвизму и контактному взаимодействию двух славянских языков в рамках изучаемой общины имеется обширная литература, в том числе последних лет [Bělič 1959; Brkićová-Strejčková 2012; Noryna 2012; Mirković 1968; Sohrová 2005], проводятся полевые исследования и в наши дни. Особое внимание исследованию языковых личностей и семейного общения уделяется в статьях [Skotáková 2018; Stráníčková 2020]. Однако проблематике полилингвизма среди чехов в балканских странах до сих пор не уделялось пристального внимания, обычно исследования ограничивались анализом двух контактирующих языков. О триязычии чехов Румынии (румынский, сербский, чешский) речь идет в статье [Борисов, Пилипенко 2020b], однако оно рассматривается на уровне общины и конкретных населенных пунктов, внутрисемейное общение не обсуждается. Между тем изучение распределения языков по сферам общения и языковой компетенции носителей в каждом из исследуемых идиомов (в приложении к миноритарным сообществам) представляется весьма перспективным направлением. Оно может вскрыть более тонкие механизмы при

выборе языкового кода, выявить культурно и ситуативно обусловленные модели языкового поведения, проследить различные инновации на уровне идиолектов, которые впоследствии могут закрепиться в языке более широкой группы населения (см. например, работу о черногорско-албанском языковом контактировании, в которой анализируется ситуация в том числе на примере одной семьи и брачных стратегий членов семьи [Морозова, Русаков 2018]). Кроме того, сбор данных о языковых практиках большого количества семей позволяет моделировать языковую ситуацию прошлого [Добрушина 2011]. Вместе с тем, когда мы говорим о полилингвизме в семьях, проживающих в условиях миноритарных сообществ, мы можем столкнуться с весьма нетривиальными ситуациями, в которых набор контактируемых языков для изучаемого региона будет нехарактерным и не вполне ожидаемым. Такие случаи, с одной стороны, оказываются языковым экспериментом, когда в контакт вступают языки, взаимодействие которых в естественных условиях было бы невозможно, с другой стороны, при более пристальном взгляде набор задействованных языков все же имеет свою логику формирования и функционирования.

Во время проведения полевого исследования в мае 2019 г. среди чешской общины Дарувара были получены контакты семьи, которая проживает в окрестностях города в селе Р¹. В этом селе, согласно данным переписей, проживали хорваты, сербы и чехи. Интерес для нас представляла семья В., в которой муж З.В. — чех, уроженец этих мест, тогда как его жена В.В. происходит из смешанной хорватско-итальянской семьи из Боливии, при этом хорватская идентичность у нее развита больше, чем итальянская. Оба супруга в настоящее время проживают в селе Р., оба в возрастной группе 50–60 лет, воспитывают двоих детей. Что касается языкового репертуара, то З.В. владеет чешским языком, который для него является родным, а также хорватским. В.В. говорит по-испански, это для нее родной язык, по-хорватски, а также по-чешски. В.В. с мужем общается по-чешски и по-хорватски. З.В. говорит с детьми и с женой по-чешски.

Нашей задачей было выяснить уровень языковой компетенции супругов на родных для них языках (L1), а также оценить степень знания второго (L2) и третьего (L3) (для В.В.) языков. С этой целью исследователи проводили полуструктурированные интервью с каждым информантом по отдельности. С В.В. была записана беседа на испанском языке (большая часть разговора), также были получены высказывания на хорватском и чешском языках, длительность интервью составила 92 минуты 14 секунд, длительность интервью с З.В. на чешском языке составила 50 минут. Часть общения (39 минут) проходила с участием обоих информантов на чешском и хорватском языках. Все интервью были транскрибированы авторами статьи. Объем словоупотреблений у В.В. составляет 3981, у З.В. — 11 600. Кроме того, было получено несколько высказываний на чешском языке (общим объемом 56 словоупотреблений) от сына информантов (К.В.)².

Статья организована следующим образом. В первом разделе обсуждается языковая компетенция В.В. на испанском языке, во втором разделе анализируются ее высказывания на хорватском языке, в третьем — на чешском, четвертый раздел посвящен анализу идиолекта З.В., в пятом разделе приводятся общие выводы, рассматривается распределение языков по сферам использования. Охарактеризовать языковую компетенцию полностью в каждом из идиомов не

¹ В целях сохранения анонимности информантов здесь мы не используем полных имен и названий населенных пунктов.

² В настоящей статье они не анализируются.

входит в наши задачи, это бы превышало рамки отдельной статьи. Мы сосредоточимся на контактных явлениях, а также на региональных/диалектных дистинктивных признаках (ср., например, характеристику языковой компетенции в [Конёр, Соболев 2017]).

I. В странах Латинской Америки с XIX в. сформировались многочисленные хорватские диаспоры. В Боливии также существует община хорватов. С конца XX в. наблюдается волна миграции хорватов из этих стран в Хорватию, переезжают также те, кто родился и вырос в странах Латинской Америки и для кого родным языком уже стал испанский (подробнее см. [Rajković, Gadže 2014; Antić 1986]). О контактах хорватского языка с испанским, в частности, об адаптации испанизмов в хорватском языке и о случаях переключения кода пишут в статье [Skelin, Musulin, Blažević 2021], дискурсивные маркеры в речи хорватов Аргентины и Уругвая обсуждаются в работе [Пилипенко 2018].

Как упоминалось выше, родным языком для В.В. является испанский. Речь идет о варианте испанского языка, который распространен в Боливии, а конкретнее – в городе Кочабамба и окрестностях, т.е. на западе страны в зоне Анд (департаменты Потоси́, Оруро, Ла-Пас) (*zona andina*) [Mendoza 2015]. Около 70% населения Боливии говорят на диалекте этой зоны. Помимо этого варианта в Боливии выделяется восточный вариант испанского языка (департаменты Бенí, Санта-Крус) (*zona oriental*), а также небольшая диалектная зона на юге, именуемая южной (департамент Тариха) (*zona sureña*). Наряду с испанским языком в Боливии широко используются (в зависимости от региона) языки коренных народов, прежде всего кечуа и аймара. Их влияние заметно в большей степени в испанском языке зоны Анд [Ibid., 27]. В идиолекте собеседницы наблюдаются характерные черты, свойственные языку западного региона страны. Для большей части Боливии характерно различие фонем /λ/ и /j/ (территория без «йеизма») [Ibid., 26; Нарумов 2000, 460], в этом отношении боливийский испанский отличается от вариантов испанского языка в соседних странах, в частности в Аргентине (хотя для приграничных с Боливией провинций Аргентины свойственно это явление). Звонкий палатальный спирант /j/ и боковой палатальный сонант не смешиваются в речи В.В.: *mi hermana que me* [λ] *ama de Washington* (моя сестра, которая мне звонит из Вашингтона); *e* [λ] *los abrieron esas fábricas* (они открыли эти заводы); *a* [λ] *á y murió* (там и умер); *cuando* [j] *a termina el carnaval* (когда уже заканчивается карнавал); *el ra* [j] *lo rompió casi un árbol* (молния почти сломала дерево); [j] *lo conocía la gente ma* [j] *or que* [j] *o* (я знала людей старше меня). Что касается морфологического явления *lleísmo*, характерного для всех трех диалектных зон, то в речи В.В. оно не отмечено, везде происходит последовательное разграничение местоимений *le(s)* и *lo(s)*: *los mete al horno* (их ставит в духовку); *y te lo llevas a la casa* (и ты их несешь в дом); *no les molesta el olor* (им не мешает запах).

Среди других признаков, по которым происходит членение выделенных групп, следует упомянуть устойчивость [s] во всех позициях: перед согласным [s] не произносится как [h], в позиции конца слова [s] также сохраняется: *no tenían esa* [s] *e* [s] *calera* [s] (не было этих лестниц); *ca* [s] *cara de la cebolla* (шелуха от лука); *con hierba* [s], *con vela* [s] (с травами, со свечами). В восточной зоне, напротив, [s] неустойчив, не произносится в конце слова, в середине слова перед другими согласными он произносится как [h] [Mendoza 2015, 31–32]. Еще одним дистинктивным признаком является распространение явления *voseo*. В регионе, откуда родом В.В., оно встречается редко, в основном в императиве, тогда как в формах личного местоимения *vos* чередуется с *tú*. При этом *voseo*

маркировано [Ibid., 31–32]. В речи информантки это явление не отмечается: *tú también* (ты тоже); *abres los regalos a la medianoche* (ты открываешь подарки в полночь); *si alguien quiere contigo ir* (если кто-то хочет с тобой идти); *tienes que hacer pasteles* (ты должен делать пирожные); *tienes manos largas, puedes agarrarlo* (у тебя длинные руки, ты можешь достать его). Формы с императивом соответствуют норме без *voseo*: *mira* вместо *mirá*. Местоимение *vos* не зафиксировано. Другие отличительные признаки зоны Анд не реализовывались в речи В.В. Так, для нее не характерен переход [ř] в [z]: *pe[ř]o – pe[z]o* (собака) [Matras 2009, 33], а также редукция безударных гласных [Ibid., 35]. Следует отметить социальный статус семьи В.В. В детстве она училась в частной школе, в семье была прислуга: *yo tenía un chofer, quien me llevaba al colegio, yo no hacía nada, yo era una señora* (у меня был шофер, который меня отвозил в школу, я не делала ничего, я была сеньорой). Вероятно, это сказалось на усвоении испанского языка, в котором (в разговоре с исследователем) не проявляется большинство характерных для ее родной зоны лингвистических признаков. Ее речи свойственны явления, проявляющиеся на макроуровнях, в более крупных региональных вариантах, которые зачастую распространяются за пределы Боливии. Индейскими языками В.В. не владеет.

На языковой компетенции информантки в испанском языке сказывается влияние хорватского окружения, в котором она оказалась с восемнадцати лет. Прежде всего оно ощущается в лексике, когда в предложении на испанском языке появляются как одиночные, так и многословные вставки на хорватском языке. Доля хорватских заимствований небольшая, при этом они демонстрируют признаки адаптации к принимающей языковой системе. В расшифрованном интервью на испанском языке общим объемом 3410 словоформ были подсчитаны лексические заимствования из хорватского языка. Их количество составило 42 словоформы, или 1,23% от общего количества, включая высказывания, которые можно отнести к случаям переключения кода³. Среди одиночных заимствований (о статусе одиночных заимствований см. [Myers-Scotton 2006, 260]) больше всего существительных, встречаются и наречия. Глагол с хорватским влиянием обнаружен только один (см. пример (9)). Кроме собственно хорватских лексем отмечается некоторое количество интернационализмов, использующихся в хорватской огласовке. Заимствования происходят спонтанно, часто сопровождаются испанским аналогом либо метаязыковыми комментариями и гезитациями. Приведем примеры⁴.

(1) *Mi papá es de acá, pero tiene su padre de Austria, **Austrijanac**, mi mamá es, cómo se dice, nació en Bolivia*⁵ (Мой отец отсюда, но у него отец из Австрии, австриец, моя мама, как сказать, родилась в Боливии).

(2) *Quería aprender idiomas para ir a-a **turizam**, y conocía, prima hermana que trabajaba con él* (Я хотела изучать языки, чтобы пойти на туризм, и я познакомилась с сестрой, которая работала с ним).

(3) *Empleada en la lavandería, en unas, **prostorijas** enormes, donde lavaban la gora* (Работница в прачечной, в огромных помещениях, где стирали белье).

³ При подсчетах здесь и далее учитывались четко атрибутируемые лексические элементы из L2, калькированные конструкции, синтаксические особенности (например, порядок слов) не рассматривались.

⁴ В примерах под номерами приводятся высказывания, содержащие контактные явления с более широким контекстом.

⁵ В высказываниях информантов на испанском и хорватском языках сохранена традиционная орфография.

(4) En el techo tenía una, una **prostorija** para eso (На чердаке было помещение для этого).

(5) Mi amiga, que aquí es **Ruskinja**, ella me llamaba (Моя подруга, она здесь русская, она мне звонила).

В приводимых высказываниях можно видеть как слова с интернациональными корнями (например (2)), так и хорватскую лексику. В большинстве случаев заметна хезитация, растягивание конечных гласных, повторы, паузы перед заимствованным словом. В примере (3) видно встраивание кроатизма в словоизменительную систему испанского языка: существительное снабжается показателем мн. ч., а также неопределенным артиклем ж.р. мн. ч. (*en unas prostorijas*). Выбор рода в данном случае обусловлен принадлежностью данной лексемы к ж.р. в хорватском языке, а также исходом слова на *-a*. Неопределенный артикль ж.р. ед. ч. у данной лексемы находим в примере (4) (*una prostorija*). Что касается акцентных особенностей, то они у всех лексем следуют языку-источнику (например, на третьем слоге с конца в примерах (3), (4), (5)). В примере (5) использование существительного *ruskinja* в испанском высказывании может быть обусловлено тем, что в данном сообществе это наименование употребляется не столько как обозначение национальности лица, о котором идет речь, сколько как его отличительный признак.

Интернациональная лексика, а также географические названия в высказываниях В.В. на испанском языке имеют хорватскую огласовку.

(6) Ayer hice asado con **špageti** (Вчера я сделала жаркое со спагетти) (исп. espagueti).

(7) Su señora es de **Slovenija**, se conocieron en el aeropuerto (Его жена из Словении, они познакомились в аэропорту) (исп. Eslovenia).

(8) Ahora usan perfumes, **dezodorantes**, **guel**, eso ahora usan (Сейчас используют духи, дезодоранты, гель, это сейчас используют) (исп. desodorante, исп. gel).

(9) Tengo que organi[z]arme (Мне нужно организовать себя).

В заимствованиях заметны особенности хорватской фонетики, например, отсутствие *e*- перед сочетанием *s+V* (6), (7), наличие звуков [z] (8), (9), [š] (6). В глагольной форме *organizarme* информант четко произносит интервокальный [z], что можно связать с влиянием аналогичного хорватского глагола *organizirati se*. Здесь мы сталкиваемся с проблемой интерпретации подобных явлений: происходит ли заимствование глагола целиком (при полной его адаптации к принимающей системе), либо влияние ограничивается изолированным переносом конкретной фонетической особенности из хорватского языка.

Часто в речи В.В. обнаруживаются дискурсивные маркеры, междометия и частицы из хорватского языка, которые могут быть как однокомпонентными, так и многокомпонентными, они в ситуациях языкового контакта заимствуются очень часто [Борисов, Пилипенко 2021, 58–59] и являются показателем прагматически доминантного языка [Matras 2009, 193–197]. В интервью они использованы по одному, максимум по два раза, однако общая их доля среди кроатизмов в речи В.В. немалая – 17%. Обратные примеры – использование испанских дискурсивных маркеров (напр., *bueno* (хорошо), *sí* (до), *no importa* (неважно) и др.) в речи хорватов из Аргентины можем обнаружить в работе [Skelin, Musulin, Blažević 2021, 615–616].

(10) Y él iba y le decía a mi suegra, **ajde**, dame un poco de leche (И он пошел и сказал моей свекрови, дай мне немного молока).

(11) Allí teníamos en la pared, junto al árbol, **ne** (Там у нас было, на стене, рядом с деревом).

(12) Habían algunas situaciones que se cree que hay vudu, **da** (Были некоторые ситуации, что верят, что есть вуду, да).

(13) **Evo**, mira, es membrillo chiquitito (Вот, смотри, это маленькая айва).

(14) De dónde yo vine, **mila majko** (Откуда я приехала, мама дорогая).

Кроатизмы вводятся в речь вместе с испанским аналогом, который следует за заимствованием. В примере (15) за хорватским наречием *hladno* следует испанское слово *frío*. В примере (16) дается не дословный перевод, а приводится подобная лексема (при этом кроатизм *celer* снабжен определенным артиклем м.р. ед. ч. *el*), таким образом собеседница уточняет значение, если не может подобрать испанский аналог.

(15) Yo estaba en Rijeka, no, nada que ver! Todo era **hladno**, frío, nada, nada que ver (Я была в Риеке, нет, ничего такого нет! Было все время холодно, ничего, ничего такого нет).

(16) Esto es el **celer**, es una, como el perejíl, algo así (Это сельдерей, это как петрушка, что-то подобное).

Использование хорватской лексемы сопровождается метаязыковыми комментариями, которые чаще всего имеют форму вопроса: *как сказать/как называется (по-испански)?* Они маркируют трудности говорящего при порождении высказывания, при этом испанское слово может быть не названо. В.В. в разговоре с исследователем обращается к нему за помощью. В (17) хорватской лексеме *porez* предшествует определенный артикль м.р. мн. ч. *los*, тогда как само хорватское слово приводится после паузы в своей начальной форме в ед. ч. В примере (18) лексема *mjesečarka* является термином, который не имеет аналога в испанском языке. В (20) процесс актуализации испанской лексемы происходит постепенно, информант произносит фонетически похожие слова *fico*, *fica*, подбирая нужное, и обращается за помощью к исследователю. В (21) В.В. самостоятельно вспоминает проблемную лексему через введение хорватского аналога. Показательно, что предварительно используется определенный артикль ж.р. мн. ч. *las*, хотя хорватская лексема *golub* и ее испанский аналог *pichón* относятся к м.р. Во всех приводимых примерах проблемным словом становится испанская лексема, что свидетельствует о постепенном вытеснении испанских лексем на периферию и доминировании их хорватских аналогов.

(17) Pero cuando empezaron los problemas con los, **porez**, cómo se dice, con el porcentaje ese, que es veinticinco porcentaje, que tienes que pagar, perdieron todo (Но когда начались проблемы с, налог, как сказать, с этими процентами, которые двадцать пять процентов, которые ты должен платить, они потеряли все).

(18) Todo el año florece, esto es una de, cómo se llama, **mjesečarka** (Цветет крупный год, это одна из, как она называется, *mjesečarka*).

(19) В.В. Esta es mi huerta. Cómo diciste, no ciruelas! Е, **breskva**, е (Это мой огород. Как ты сказал? Не сливы! Э, персик (хорв.)).

Г.П.⁶. Durazno! (персик (исп.)).

(20) В.В. El primer año nació, cómo se llama en español ésto? Fico, fica? (В первый год уродился, как называется по-испански это? Fico, fica?)

Г.П. Higo. (инжир).

В.В. El higo, higo (инжир, инжир).

(21) Y se comía también las, cómo se dice, е, **golube**, las, no el pato, cómo se llama, el pichón, los pichones se comían (И ели также, как сказать, голуби (хорв.), не утка, как называется, голубь (исп.)! Голубей ели).

⁶ Г.П. – Глеб Пилипенко.

В высказывании (22) во время поиска испанского слова происходит переключение кода на хорватский язык, а также используется третий язык — английский (при этом заметны особенности произношения английских слов: *sherry* вместо *cherry*). Метаязыковые комментарии приведены на двух языках — на испанском и хорватском. Появление английского языка здесь можно объяснить фактом языковой биографии В.В.: школа в Боливии, которую посещала В.В., была с английским языком обучения. Кроме того, этот язык ассоциируется с интернациональным общением, в ситуации коммуникации с исследователем привлечение английского языка, в понимании информанта, способно лучше донести для иноязычного собеседника смысл проблемной лексемы. Переключение кода на хорватский происходит перед английской лексемой.

(22). *La última vez vi como sembraba las, e, las ciruelas, no ciruelas, cómo se dice sherry? Ne sherry, strawberry? Kako/kamo se dice strawberry na spanjolski? A vidiš. Jagoda, jagoda, kako se kaže jagoda?* (Последний раз я видела, как сеют, сливы, не слива, как сказать *sherry* (вишня)? Не *sherry, strawberry* (клубника), как сказать *strawberry* по-испански? Вот видишь. Клубника (хорв.), как сказать клубника?)

В редких случаях у В.В. возникают гибридные высказывания, которые представляют интерес с точки зрения контактной лингвистики. Предыдущий пример (22) дает образец подобных явлений. Речь идет о следующем отрывке: *kako/kamo se dice strawberry na spanjolski*. Из-за особенностей произношения и быстрого темпа речи не совсем понятно, какой согласный произносится во втором слоге (*kako* или *kamo*). При реализации *k* лексема четко атрибутируется как хорватская, если же реализуется *m*, можно предположить гибридную форму вопросительного слова от хорватского *kako* и его испанского аналога *cómo*. В таком случае мы наблюдаем внутрисловное переключение, единственное в нашем корпусе. После вопросительного слова следует испанский глагол с возвратной частицей, порядок слов (в частности, положение возвратного местоимения относительно глагольной формы) здесь полностью идентичен в обоих языках (хорв. *kako se kaže* — исп. *cómo se dice*), что облегчает переключение кода для говорящего. Затем В.В. вводит слово на английском языке, которое нуждается в переводе на испанский, далее следует заключительная часть на хорватском языке.

(23) *O tú también imas kamera?* (Или у тебя тоже есть камера?)

(24) *La leche venía de la vasa, increíble, to mi era sensacija!* (Молоко было от коровы, невероятно, для меня это была сенсация!)

В примере (23) первые три элемента относятся к испанскому коду, затем глагол представлен хорватской формой (2 л. ед. ч.), определить четкую принадлежность кода прямого объекта сложно (*kamara*), поскольку лексема представлена в двух языках. Ее можно трактовать как принадлежащую хорватскому коду, но не проявляющую особенностей словоизменения (что находит подтверждение в других похожих примерах), либо как принадлежащую испанскому коду. Таким образом, мы наблюдаем подлежащее на L1 (*tú*), а спрягаемый глагол на L2 (*imas*), т.е. граница перехода проходит между подлежащим и глаголом. Подобные случаи Я. Вольгемут трактует как «вставка парадигмы» [Wohlgemuth 2009, 118]. Однако фонетическое «оформление» этой вставки несет на себе следы испанского влияния: конечный шипящий (*ima[š]*) произносится как глухой свистящий (*ima[s]*), что характерно для славянско-испанских контактных ситуаций (см. [Пилипенко 2021, 477]). В примере (24) можно наблюдать начало гибридного высказывания на хорватском: подлежащее — указательное местоимение (*to*) — и краткая форма личного местоимения 1 л. ед. ч.

в дат. п. (*mi*), затем следует глагол быть на L1 в имперфекте в 3 л. ед. ч. (*era*), после употреблено слово с интернациональным корнем, которое скорее напоминает L2 (*senzacija* – *sensación*). Испанское влияние в этой лексеме проявляется в фонетике – оглушение интервокального [z]. Возникновению подобных высказываний может способствовать подобие косвенных форм личных местоимений в обоих языках (хорв. *mi* – исп. *me*, форма ударного местоимения после предлогов в испанском, например *a mí*) и сама структура предложения (ср. исп. *me era sorprendente que...* (для меня было удивительным, что...)), что можно назвать «конгруэнтной лексикализацией», если пользоваться терминологией П. Мэйскена [Muysken 2000]. Здесь мы уже видим иную ситуацию, чем в примере (23): подлежащее на L2, а предикат на L1. Случаи разнокодовой принадлежности подлежащего и предиката хотя и редко встречаются, но все же не являются уникальными; фиксировались они, например, и в ситуации итальянско-словенского контакта в словенском Приморье: *tu_{it} sei_{it} full_{sl} zmotana_{sl}* (ты очень ошибаешься) [Morato-Vatovec 1994].

II. Хорватские высказывания В.В. имеют ряд особенностей. Не претендуя на полноту описания языковой компетенции информантки в L2, можем лишь отметить самые яркие явления. В консонантизме – замещение глухого шипящего [š] и звонкого свистящего [z] глухим свистящим [s], на что уже обращалось внимание выше, например: *fejs adresu imas* (у тебя есть адрес фейсбука). В области консонантизма также отметим нестабильность [h]: *oće vidjet životinje* (он хочет посмотреть животных). Не всегда последовательно осуществляется согласование по роду глагольных форм в перфекте. Глагольная форма *smrzli* принимает окончание м.р. мн. ч., при ожидаемой флексии *-e* (ж.р., мн. ч.), тогда как прилагательное *male* согласуется с главным словом *jabuke* по правилам: *ovo su te jabuke, male jabuke, a lani su smrzli* (это те яблоки, маленькие яблоки, а в прошлом году они померзли). В следующем примере глагольная форма *rodili* также имеет окончание м.р. мн. ч. вместо ж.р. мн. ч.: *kažem, ja sam prvi put sadila ovako jagode jer lani mi nisu rodili* (я говорю, я первый раз сажала вот так клубнику, в прошлом году у меня она не уродилась).

В.В. часто использует формы инфинитива без конечного *-i*: *mi idemo vidjet životinje* (мы идем смотреть животных). В перфекте в форме причастий м.р. ед. ч. наблюдаются стяженные окончания: *kaže ko je to došo* (он говорит, кто это пришел).

В речи В.В. фиксируются формы наречий и местоимений, распространенные в диалектах хорватского языка: *tuj su ga ranili (tu)* (ср. *tuj* в говоре Нашице в Славонии [Sekereš 1963, 286]), *nismo ni imali ni orahe ni niš (ništa)*. Последнее (*niš*) отмечается в том числе в говорах Истрии (по свидетельству информантки, она жила в Истрии некоторое время)⁷. Были выявлены лексемы без признаков словоизменения. Речь идет о существительных ж.р. на *-a*: *možеш pričat tako, preko kamera* (хорв. *preko kamere_{gen}*) (ты можешь говорить так, через камеру); *dat ćeš adresa* (хорв. *dat ćeš adresu_{acc}*) (ты дашь адрес). Подобная практика позволяет рассматривать принадлежность части высказывания примера (23) хорватскому языку. Отметим, что в других ситуациях В.В. производит согласование по правилам языковой системы L2. Вероятно, такие случаи являются реликтами начальной стадии освоения языка. Среди перечисленных явлений к диалектным можно отнести: нестабильность [h], форму инфинитива на *-t*, стяженные формы причастий в перфекте у форм 3 л. ед.ч.м. р., формы наречий

⁷ Prikaz riječi ništa // Istarski rječnik [Электронный ресурс] / akad. J. Bratulić i kol. Pula: Histria Croatica – C.A.S.H. URL: <http://www.istarski-rjecnik.com> (дата обращения: 18.12.2022).

и местоимений *tuj, niš*. Произношение [s] вместо [š] и [z], употребление лексем без признаков словоизменения, а также колебания при согласовании по роду можно отнести к интерференционным явлениям.

III. Во время общей части беседы, в которой участвовали В.В., З.В., а также оба исследователя, один из которых владеет хорватским и чешским (С.Б.), а другой хорватским и испанским (Г.П.), В.В. говорила на хорватском и чешском. Хорватский она использовала как общепонятный для всех собеседников язык в начале беседы и в дальнейшем при обращении к Г.П. Как уже было сказано, чешский язык для В.В. является L3, она освоила его через общение с мужем, который разговаривает с ней и с детьми преимущественно по-чешски: *Česki, ano. I na manželku česki. Vona mn'e xorvacki, ja na n'i česki* ([Я разговариваю с детьми] по-чешски, да. И с женой по-чешски. Она [говорит] мне на хорватском, а я ей — на чешском). Здесь мы также сталкиваемся с таким явлением, как владение языком семьи, в которую приходит жена из другого этнического сообщества. Похожие практики мы наблюдали в румынском Банате, где невестки из румынских семей выучивают чешский язык (язык миноритарного сообщества) [Пилипенко, Борисов 2021, 66–67]; см. также [Морозова, Русаков 2018] о ситуации на черногорско-албанском языковом пограничье.

Объем словоупотреблений в высказываниях В.В. на чешском составил 485 словоформ. Точный подсчет хорватских заимствований среди них является затруднительным, так как некоторые слова (например, *škola, ono, na*) можно считать полными когнатами, другие — когнатами с незначительными отличиями (например, чеш. *kde* [gde] и хорв. *gdje* [gdje]; ср. также экавский вариант произношения [gde]), а потому такие контактные явления могут трактоваться как фонетические. При подсчете заимствований было решено в таких случаях учитывать только формы, фонетически близкие хорватским (например, *tam gdje ste završili*), а полные когнаты не учитывать. Количество заимствованных из L2 словоформ составило 96, или 19,79% всех высказываний на L3. Стоит иметь в виду, что приведенное здесь процентное соотношение условно, так как общий объем записанного нарратива на L3 сравнительно небольшой.

Среди заимствованных хорватских существительных в нашей выборке преобладают названия растений, которые выращивает В.В. (четыре лексемы): *paradajz, pastrn'ak, grašak, češn'ak*, при этом было зафиксировано столько же чешских названий: *brambori, mrkef, petružel, zeli*, а также один когнат *celer*. Встретились хорватские названия животных: *jan'ata, pjetlo*, а также когнаты: *owce, kozi, psi, kon'i, krava*. Для определения преобладающей словоизменительной парадигмы (чешской или хорватской) в нашем корпусе недостаточно словоупотреблений в разных формах, однако была зафиксирована форма с чешским суффиксом -ка: *krawki*. В.В. признается, что она росла и жила до замужества в городской среде, а со сферой сельского хозяйства соприкасалась только когда приезжала на ранчо к своему дяде (пример (25)). В данном примере примечательно также употребление лексемы *ranč* в том виде, в котором она заимствована в хорватском и чешском языках, а не в гипотетически ожидаемой форме исп. *rancho*.

(25) З.В.: Vid'elas krávu gde, u strejce ve Boliviji, ano⁸?

В.В.: Da, u-u-u.. ve-e Santa Kruz. Tamo strejci mjel ten **ranč**. Veliki **ranč**. [...] I tad sam mjela vi **kon'i** i **kravi**. A **krawki** co bili, malički. Ne takvi veliki ko ovi.

⁸ В примерах на чешском языке используется упрощенная транскрипция на основе стандартной чешской орфографии. Мягкость обозначается апострофом: *řeške*. Заднеязычный согласный, обозначаемый в стандартной орфографии *ch*, в транскрипции обозначен *x*.

Тамн'и менči **kraf**, tadi su puno veći (— Ты видела корову где, у дяди в Боливии, да? — Да, в Санта-Крузе. Там у дяди было ранчо. Большое ранчо. И тогда у меня были кони и коровы. А коровки, которые были, маленькие. Не такие большие, как эти. Там меньше коровы, здесь гораздо крупнее).

В.В. также вспомнила языковой анекдот, связанный с трудностями, с которыми она сталкивалась, когда встраивалась в новую для себя лингвокультурную среду (пример (26)) (о языковых анекдотах см. также [Пилипенко 2020, 100–101]). Зная только хорватскую лексику *kokoš* 'курица', она испытывала сложности с названием петуха, поэтому пользовалась описательным обозначением *muško kokoš* (хорв. досл. «мужчина курица»). В разговоре с исследователями она использовала словоформы *slepice* (чеш. «курица») и *za pijetlo* (хорв. *pijetao* «петух», пример (26)). Окончание *-o* в винительном падеже может свидетельствовать о тенденции к отсутствию словоизменения, о которой говорилось выше (ср. хорв. вин. п. *za pijetla*), а также о том, что форма на *-o* ассоциируется у собеседницы с парадигмой среднего рода.

(26) В.В.: A co sam žikala za **pijetlo**?

З.В.: **Muško kokoš**. Da n'eco vip-, vipravjela, a-a ne nemohla spomenut, jak se žika kokan ne. E pak puta na hrvacki muško kokoš, jako muska slepica ne. (— А как я называла петуха? — Мужчина курица. Что-то рассказывала, а не могла вспомнить, как сказать петух. И тогда говорит по-хорватски: «мужчина курица», как (чеш.) «мужская курица»).

В записанном фрагменте речи на L3 у В.В. встречаются преимущественно чешские формы глагола 'иметь': *tam, tame, maji, majou, mjel, mjela*. Среди форм глагола 'быть' (за исключением когнатов *je* и *jsi/si*) преобладают хорватские: *sam, nisam, smo, su* (всего 14 словоупотреблений); чешские формы были зафиксированы следующие: *sem, sme, sou* (всего четыре словоупотребления). Встретился также пример употребления хорватской формы *su* в функции связки, указывающей на лицо и число субъекта в прошедшем времени: *jedino oni, jedini, oni zustali su* (только они, единственные, они остались). При этом примечательна позиция этой формы — в конце высказывания, что свидетельствует о колебаниях в определении места клитик у В.В. В чешском языке в перфекте глагол-связка в форме третьего лица не употребляется, т.е. в данном примере мы видим синтаксическую трансформацию, возникшую под влиянием L2. Среди дискурсивных маркеров в речи В.В. преобладают хорватские лексемы: *evo, eto, oj, ovaj*.

В ряде случаев наблюдается влияние хорватского языка на сочетаемость чешских лексем с другими членами предложения. В примере (27) большая часть фразы сформулирована на хорватском, лексема *divadlo* подчиняется парадигме склонения L2 (ср. чеш. *s divadlem*), наблюдается также смешение ударения вправо. В (28) употреблено хорв. *dosta* на месте чеш. *dost*, после которого ожидается существительное в родительном падеже, однако лексема *pen'ize* остается без изменений. Были также зафиксированы случаи отсутствия согласования в роде (29), (30), роде и числе (31), (32). В примере (29) употреблены формы м.р. чешского местоимения *keri* (*který*) и числительного м.р. *převí*, которое, вероятно, стоит интерпретировать как прямое заимствование из L2 (а не как фонетическую модификацию чеш. *první*), отсутствует согласование в роде с лексемой ж.р. *vesn'ica*, которая приобрела окончание *-a* по аналогии с хорватской парадигмой склонения (ср. чеш. *vesnice*). В (30) актуализируются формы женского рода у порядкового числительного *devadesat druha*, что может быть связано с родом лексемы L2 *godina*, которое В.В., возможно, употребляет чаще, чем чешское *rok*. В примере (31) с лексемой *škola* не согласуется в числе форма

глагола 3 л. мн. ч. *so*, которую сложно однозначно отнести к чешскому (ср. *(j) sou*) или хорватскому (ср. *su*) языку, а также в роде и числе прилагательное *najači*. В (32) употреблены две лексемы, обозначающие одних и тех же актантов: *gholki* (ж.р. мн. ч.) и *gholčička* (ж.р. ед. ч.). Местоимение и прилагательное *ovakvi mali* при этом стоят в форме м.р. мн. ч., согласуясь в роде и числе с первым вариантом и не согласуясь со вторым. Учитывая предыдущие рассмотренные примеры, а также пример (33), можно предположить, что здесь проявляется тенденция к неизменяемости имен под влиянием L1.

(27) *Sad kad smo bili tamo, sa d'iv'adlom* (Сейчас, когда мы были там, с театром).

(28) *Mi sme s mlikem dosta pen'ize dostavali* (Мы от молока достаточно денег получали).

(29) *Keri je p'rvi vesn'ica?* (Которая первая деревня?)

(30) То је *rok devadesat druha* (Это год девяносто второй).

(31) То *so najači škola* (Это самые сильные школы).

(32) *(g)holki*, *ovakvi mali (gholčička)* (Девочки, такие вот маленькие девочки).

Также обращает на себя внимание необычная с фонетической точки зрения протеза *g-* перед фрикативным *h* [ɣ] (пример (32)). Вероятно, ее появление в речи В.В. обусловлено сложностями, которые возникают у носителей испанского при произнесении заднеязычных фрикативных согласных в начале слова. Данная протеза, однако, в интервью больше нигде не встречается. Были зафиксированы примеры без нее в аналогичной позиции: *maji oni holku* (у них есть девочка); *tam hodn'e vic* (там гораздо больше). В отрывках на L2 встречаются случаи нечеткого произношения глухого заднеязычного *x* в начале слова: *On pije va. U (x)oru* (Он поет. В хоре), а также случаи произношения фрикативного *h* [ɣ] в этой же позиции: *evo mlijeko hočete* (вот, хотите молока). В формах на L3 встретилось ослабленное произношение *x*: *jak (x)ce* (как хочет); и четкое произношение: *sad si mi xit* (чеш. *chytl* «поймал»: сейчас ты меня поймал).

В примере (33) мы наблюдаем неизмененную форму чешского местоимения *gdo*, которая употреблена два раза. В силу отсутствия в нашем корпусе других примеров с данным местоимением приведенная далее интерпретация носит гипотетический характер. В.В. делает паузу между *nema gdo* и *gdo volat*, поэтому мы рассматриваем их как два отдельных предложения. Конструкцию *nema gdo* можно рассматривать как мотивированную L2 безличную конструкцию со значением отсутствия *nema nikoga* [Nazalević Čučević, Belaj 2018, 187] (в хорватском языке возможен также с именительным падежом *nema nitko*). Во втором предложении *gdo volat* при глаголе *volat* ожидается объект в вин. падеже. Появление им. пад. *gdo* можно объяснить влиянием повтора или проявлением общей тенденции к неизменяемости, о которой шла речь выше. Кроме того, не исключается влияние со стороны L1, в котором в аналогичном высказывании формы местоимений не подвержены изменениям (*no hay nadie a quien llamar*).

(33) *Ne daj bože se krava ze'teli. Nema gdo. Gdo volat ne?* (Не дай боже корова отелится. Никого нет / некого [позвать]. Кого звать?)

Принимая во внимание относительно небольшой объем зафиксированного нарратива на чешском языке, можно тем не менее сделать вывод об активном использовании В.В. элементов из L2 для заполнения лакун, возникающих в процессе говорения на L3. При этом такие случаи практически не маркируются вербальными или невербальными средствами (паузами, гезитации, фальстартами, интонацией, метаязыковыми комментариями), т.е. являются непреднамеренными [Cenoz 2003, 3] и не попадают в поле метаязыковой

осведомленности В.В. в отличие от ситуации использования элементов L2 в речи на L1. Кроме того, было отмечено два случая использования одиночных чешских лексем в хорватских высказываниях, которые также не были выделены (34), (35). Примечательно, что в обоих случаях речь идет о фразах, обращенных к мужу В.В., чеху, что, вероятно, спровоцировало появление чешских форм. В примере (35) нельзя исключить фонетической аттракции между хорватской и чешской формой (*taj – ten*), а также фактор широкого употребления местными чехами формы *taj* в значении ‘здесь’⁹. Также примечательно неразличение вин. и дат. падежей кратких форм местоимения 1 л. ед. ч. в примере (34) (*mi xit* вместо *me/mn’e xit*).

(34) E-e-e, sad si mi **xit** (Э-э-э, сейчас ты меня поймал).

(35) *Kako se zove ono mjesto si kupio **ten** stan?* (Как называется то место, где ты купил эту квартиру?)

В зону языковой осведомленности В.В. попала лексема из L3 *povuda* внутри высказывания на хорватском (36). Здесь мы наблюдаем заполнение паузы дискурсивами *e*, *um*, после чего информантка дает «перевод» лексемы на хорватский язык. Применение данной стратегии обусловлено тем, что в этот момент общение велось всеми участниками беседы на хорватском языке.

(36) *Povuda*, e, um, moj sin **kaže**: «Ako ideš u Češku, nemoj se vratit bez kofole» (Говорит, э, эм, мой сын говорит: «Если ты едешь в Чехию, не возвращайся без кофолы»¹⁰).

Еще один пример осознанного переключения кода в нашем корпусе (37) – вставка фразы на испанском *mejor que no* («лучше не надо»). В.В. повторила ее дважды, когда З.В. говорил о том, что жена не стала учить его испанскому языку. Употребление этой фразы было сознательной отсылкой к конкретной ситуации, воспоминание о которой вызвало смех у обоих информантов.

(38) З.В.: Ja ji učim, učim, naučil česki, a vona an’i nenaučila špan’elski [...]

В.В.: *Mejor que no, mejor que no?* [смех]

З.В.: [смех] *Ona bi xt’ela na mn’e špan’elski mluit ne* (– Я ее учу, учу, научил чешскому, а она [меня] даже не научила испанскому. – Лучше не надо, лучше не надо? – Она бы хотела со мной по-испански разговаривать).

IV. Родной язык З.В. – чешский, на нем осуществлялась коммуникация в родном доме информанта, а хорватский язык он изучал в школе. З.В. сообщил, что его предки переселились в Хорватию из окрестностей города Пльзень (населенные пункты Радошице (Radošice) и Стари Смоливец (Starý Smolivec)). Диалект данного края относится к юго-западной группе собственно чешских говоров. Цели и объем настоящей статьи не позволяют нам подробно остановиться на анализе диалектной основы речи З.В. на L1, отметим лишь следующие черты, характерные для всех собственно чешских диалектов, и приведем примеры из беседы с информантом: сочетание *ej* на месте долгого *y* [Bělič 1972, 218] – *slejva se, tejden, dobrej*; протетический *v-* перед *o* [Ibid., 220] – *vona, vowece*; *i* на месте долгого *é* – *vodvist* [Ibid., 218]; а также некоторые черты, характерные для говоров юго-западной подгруппы (но встречающиеся не только в них): сочетание *mj* по сравнению с преобладающим на собственно чешской территории *mn’* на месте мягкого губного *m’* [Ibid., 222] – *ve velkim mjěst’e, prumjer, neumjeji*; *i-* в начале слова на месте *ji-* [Ibid., 222] – *itrn’ice, it, idlo*.

⁹ Cp. Český jazykový atlas 5 / J. Balhar a kol. – red. elektronické verze L. Čižmárová. – 2, elektronické, opravené a doplněné vydání. Brno: Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, 2016. URL: <https://cja.uj.cas.cz/CJA5> (дата обращения: 18.12.2022). S. 512.

¹⁰ Популярный в Чехии и Словакии газированный напиток.

Доля лексических заимствований из хорватского языка в речи З.В. составила 2,44%. Среди них выделяется большое количество дискурсивных маркеров: *baš, mada, e, pa, ta, evo, taj, ovaj, već, dobro, (z)nači* (28% всех заимствований). Стоит отметить, что дискурсив *(z)nači* ‘значит’, распространенный в хорватском языке, З.В. употребляет наравне с чешской формой *(z)namena*, которая является калькой, так как в аналогичном контексте в чешском языке ожидается лексема *tedy* (встретилась в интервью дважды). Были зафиксированы как одиночные употребления одной из этих форм, так и случаи, где обе формы употреблены в одной фразе (39).

(39) **Znamena** jesi si xt'el mit pobit ve Česku, tak musi se mit **znači** pjet roku bejt ten n'ejaki pšexodn'i pobit (Значит, если ты хотел получить постоянную регистрацию в Чехии, тогда нужно иметь, значит, пять лет, чтобы был тот самый вид на жительство).

Кальки встречаются также в других частях речи, примечательно употребление существительного *žeč* (ср. чеш. *řeč* «речь», «высказывание») в значении ‘слово’ (40)¹¹: в отличие от примера (39) здесь большую роль играет не близость семантики или функционирования, а формальное сходство с хорв. *rječ*. Данная калька встречалась нам в интервью с другими представителями общины, которые, за редким исключением, употребляли именно ее, а не лексему *slovo*.

(40) Maji hodn'e **žeči** horvaskejš, takhle je to n'egdi prublem je rozumn'et (У них много слов хорватских, так что иногда это проблема – их понимать).

В примере (41) З.В., обращаясь к сыну, употребляет форму *navolamo*, которую можно отнести к явлению гибридизации (ср. чеш. *zavoláme* и хорв. *nazovemo*). Примечательна также автокоррекция, при которой З.В. изменяет окончание глагола, а также употребляет чешский дискурсив *jo* вместо *da*.

(41) **Navolamo**. Da. Nebo mi pošlu SMS nebo **navolame** jo (Позвоним. Да. Или я ему pošlu СМС-сообщение, или позвоним, да).

В целом можно констатировать, что немногочисленные хорватские заимствования в речи З.В. в большинстве случаев подвергаются фонетической (42), (43) или морфологической (44), (45) адаптации. В (42) хорв. *križanje* «перекресток» ассоциируется с чеш. *kříž* «крест» (ср. чеш. *křížovatka* «перекресток»), что вызывает появление *š* (о произношении [š] и [ž] на месте *ř* у чехов в сербском языковом окружении см. [Борисов 2021, 70]). В (43) нехарактерный для чешского литературного языка и указанных выше говором взрывной *g* меняется на *h*, возникает также замена *ž* (*ř*) < *r* перед гласным переднего ряда по аналогии с чеш. *hořet* «гореть». Сравнительная степень заимствованных прилагательных образуется по чешской модели с использованием суффикса *-ejší* (44), (45).

(42) Tadi nahože to **kšičan'e** (Здесь наверху этот перекресток).

(43) I vim, že sem vic potrošil **goriva** [...] pšišlo **hoživo** ne, benzin, neš co sem dostal (Я знаю, что я больше потратил топлива, закончилось топливо, бензин, чем я заработал).

(44) Pa mi, n'ejaki lid'i, je hloupější i **pametn'ejši**, taki krávi sou pametn'i a sou hloupi krávi (Ну и мы, какие-нибудь люди, есть поглупее и поумнее, так и коровы, есть умные, а есть глупые коровы).

(45) To bilo ze dževe, jen **debelejší** to bil d'elani (Это было из дерева, только толще было сделано).

¹¹ Такой семантический переход под влиянием сербского/хорватского языка осуществляется и в других миноритарных языках, в частности, в речи украинцев Боснии и Герцеговины: *v'it pol's'koyo an'i r'ič ne znaje* (из польского он ни одного слова не знает) (зап. ноябрь 2018, Приявор, муж. 84 г.).

Гиперкоррекция в примере (43) свидетельствует о метаязыковой осведомленности информанта. Среди других метаязыковых стратегий, которые использовал З.В. при возникновении трудностей: перевод лексемы (46), объяснение значения слова (47), (48), обращение за помощью к исследователю (49), контроль понимания (50) (подробнее о дискурсивных практиках в речи представителей национальных меньшинств см. [Борисов, Пилипенко 2020a]).

(46) *Kmotr držel ti n'ejaki jejix, jak po horvacku, običaj nebo-o ti jako zviki* не (Кум придерживался этих их, как это по-хорватски, обычаев или этих, обычаев).

(47) *Von bil ten kolaš, jako, mistr za dževjeni vjeci* (Он был колесник, мастер по предметам из дерева).

(48) *Vim, že kvjetli kv- kvjeti jorgovan, kvjet, ten jako takovi ti kitki* (Я знаю, что цвели, цветет сирень, цветок, этот, такие цветы).

(49) *Van'kuše i to, pulštaž nebo jak se žika tej česki?* (Подушки, подушка или как сейчас говорят по-чешски?)

(50) *Nevim jesi vite* со je krám (Не знаю, знаете ли вы, что такое лавка).

Метаязыковому осмыслению З.В. также подлежат имена собственные: топонимы (51), (52), этнонимы (52) и фамилии (не приводим пример в целях сохранения анонимности беседы).

(51) *Virovitica* se menuje, mi žikame *Verovice* i tak. Vice, vic po mađ'arski žekneme. On'i žikali jim se *Verőce* mađ'arski (Вировитица называется, мы говорим Веровице. Больше по-венгерски говорим. Они говорили Верёце по-венгерски).

(52) *A vite proč Pemije?* [...] *P(r)otože bemiš* je n'emecki česki, ne, bemš. I tak *vostalo bemiš, pemiš* i *vostala Pemija* (А вы знаете, почему [село Иваново-Село называется] Пемия? Потому что бемиш — это по-немецки «чешский», бемш. И так осталось, бемиш, пемиш, и осталась Пемия).

У. Вновь принимая во внимание различающийся в несколько раз объем высказываний на чешском языке З.В. (L1) и В.В (L3), сделаем некоторые общие выводы. Чешский язык З.В. гораздо меньше подвержен влиянию хорватского, чем чешский язык В.В. У З.В. это связано с тем, что чешский для него родной, он активно использует его дома, в общении с другими представителями меньшинства, в поездках в Чешскую Республику, смотрит чешское телевидение, читает материалы чешских интернет-порталов. Хорватский язык он использует прежде всего в сферах профессионального и официально-делового общения — общается на работе с клиентами, с начальством, говорит на нем в административных учреждениях. В бытовом общении он также использует хорватский язык, однако вовлеченность в жизнь чешского миноритарного общества и поддержание связей с Чешской Республикой делает чешский язык примарным в жизни З.В. В.В. выучила хорватский язык во взрослом возрасте, параллельно с освоением хорватского она начала воспринимать чешский. На чешском языке она общается с мужем и детьми, с соседями и знакомыми чехами, активно участвует в культурной жизни чешского меньшинства. С другой стороны, в любой из этих ситуаций она может перейти на хорватский. Языковой материал показывает, что речь В.В. на L3 — это скорее надстройка над более устойчивым L2 — хорватским, не для всех понятий она может подобрать чешское слово или оборот. При этом как одиночные заимствования, так и более обширные переключения кода между L3 и L2, хотя и происходят по причине недостаточной языковой компетенции, практически не маркируются как трудности: отсутствует хезитация, собеседница не прибегает к каким-либо дискурсивным стратегиям, которые бы сигнализировали о проблеме. В проанализированных нами отрывках маркированы были лишь переключения с L1 на

L2. С другой стороны, в речи ее мужа З.В. гораздо чаще обнаруживаются паузы, фальстарты, он прибегает к различным дискурсивным стратегиям в случае возникновения сложностей.

Заключение

В семье В. сложилась уникальная языковая ситуация, включающая в себя контакт трех языков, два из которых — славянские (чешский и хорватский), а третий относится к романской группе (испанский). Речь собеседников на L1 имеет свои региональные особенности, сформировавшиеся на той территории, откуда они родом. Активными для всех членов семьи являются чешский и хорватский. На чешском языке происходит общение внутри семьи (его инициатором является прежде всего З.В., поскольку В.В. общается с детьми также по-хорватски), и внутри чешской общины в Хорватии. Хорватский язык ни для кого не является родным: В.В. воспринимала его при общении с хорватами после переезда из Боливии в Хорватию, З.В., а также их дети — в коммуникации со сверстниками, а затем во время обучения в школе. Кроме того, В.В. является носителем испанского языка, которым она не пользуется в повседневном общении.

Если свести данные наших подсчетов в общую таблицу, то получим следующий результат:

	Доля лексических элементов L2 в высказываниях на L1	Из них доля дискурсивных элементов L2 в высказываниях на L1	Доля лексических элементов L2 в высказываниях на L3
В.В.	1,23%	17%	19,79%
З.В.	2,44%	28%	-----

Для В.В. и З.В. соотношение языков в паре L1 и L2 будет разным: если для В.В. речь идет о контакте неродственных языков — испанского языка с хорватским, то для З.В. это контакт языков славянской группы — чешского с хорватским. При этом доля элементов L2 у двух наших собеседников колеблется в относительно небольшом диапазоне (от 1,23 до 2,44%), что свидетельствует о достаточной устойчивости исходной языковой системы (L1) вне зависимости от типологической принадлежности контактирующих идиомов (для В.В. это тем более актуально, что в повседневной коммуникации у нее нет возможности использовать L1). С другой стороны, у З.В. доля элементов L2 все же в 2 раза выше, чем у В.В. Значительная доля дискурсивов из L2 в речи на L1 можно объяснить высокой встречаемостью их в речи. Показательно, что у В.В. отмечается проникновение в испанскую речь исключительно элементов L2, но не L3. Данные правого столбца применимы только для В.В. и демонстрируют высокую степень интеграции элементов из L2 в L3, что подтверждает у нее доминирующую роль хорватского языка.

Вряд ли можно сказать, что разница в степени проникновения элементов из L2 в L1 у информантов обусловлена одной лишь типологической принадлежностью языков. Здесь действует совокупность факторов: время усвоения языков (З.В. знакомится с хорватским языком самое позднее в начальной школе, тогда как В.В. в более позднем возрасте после переезда в Хорватию), частота их использования (В.В. не использует в повседневном общении L1, тогда как З.В. им активно пользуется), престиж в определенных коммуникативных ситуациях.

Рассмотренная нами ситуация контакта трех языков может быть прообразом описания подобных случаев многокомпонентного контактного взаимодействия

на микро- и макроуровнях. Отметим, что наши выводы касаются конкретной микроситуации на уровне отдельной семьи, для экстраполирования их на макроуровень необходимо привлечь данные большего числа информантов, что и составляет перспективу нашего исследования в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Český jazykový atlas 5 / J. Balhar a kol. – red. elektronické verze L. Čižmárová. – 2., elektronické, opravené a doplněné vydání. Brno: Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, 2016. URL: <https://cja.ujc.cas.cz/CJA5> (дата обращения: 18.12.2022).
Prikaz riječi ništa // Istarski rječnik / akad. J. Bratulić i kol. Pula: Histria Croatica – C.A.S.H. URL: <http://www.istarski-rjecnik.com> (дата обращения: 18.12.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисов С.А. Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната // Славяноведение. 2021. № 3. С. 64–79.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // Южнославянские филолог. 2020а. Кн. 76. Св. 2. С. 127–156.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате (на материале полевого исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2020б. № 459. С. 15–26.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-румынские языковые контакты в румынском Банате (на примере данных полевого исследования) // Slavica Slovaca. 2021. Roč. 56. Č. 1. S. 55–68.
- Добрушина Н.Р. Многоязычие в Дагестане конца XIX – начала XX века: попытка количественной оценки // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 61–80.
- Конёр Д.В., Макарова А.Л., Соболев А.Н. Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 17–33.
- Конёр Д.В., Соболев А.Н. Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXI (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 26–28 июня 2017 г. СПб.: Наука, 2017. С. 985–1001.
- Морозова М.С., Русаков А.Ю. Черногорско-албанское языковое пограничье в поисках сбалансированного языкового контакта // Slovene. 2018. № 7(2). С. 258–302.
- Нарумов Б.П. Испанский язык // Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2000. С. 411–462.
- Перотто М. Морфосинтаксические и нарративные трудности в речи русскоязычных детей-билингвов в Италии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 2. С. 97–101.
- Пилипенко Г.П. Маркирование интерференционных явлений в славянской речи Южной Америки // Славяноведение. 2018. № 3. С. 64–80.
- Пилипенко Г.П. Дискурсивные практики в речи украинцев Боснии и Герцеговины // Славяноведение. 2020. № 3. С. 89–103.
- Пилипенко Г.П. Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине: дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. 512 с.
- Харламова М.А. Языковая личность пожилого человека сквозь призму интерференции (на примере речи носителя сибирского чешского говора) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 41–45.
- Antić L. Naši iseljenici u Boliviji prema NOB-u i obnovi zemlje // Migracijske i etničke teme. 1986. Godina 2. Broj 2. S. 85–97.
- Bělič J. Poznámky o češtině na Daruvarsku v Jugoslávii // Acta Universitatis Carolinae – Philologica Supplementum – Slavica Pragensia I. 1959. S. 59–75.
- Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha: SPN, 1972. 463 s.
- Brkićová-Strejčková J. Česko-chorvatská dvojazyčnost žáků českých základních škol v Chorvatsku // Přehled kulturních, literárních a školních otázek. 2012. № 30. S. 55–65.
- Cenoz J. Cross-linguistic influence in third language acquisition: Implications for the organization of the multilingual mental lexicon // Bulletin suisse de linguistique appliquée. 2003. № 78. P. 1–11.

- Horyna I. Zachování specifík české menšiny v Chorvatsku // Přehled kulturních, literárních a školních otázek. 2012. № 30. S. 47–54.
- Lanza E. The family as a space: multilingual repertoires, language practices and lived experiences // Journal of multilingual and multicultural development. 2021. Vol. 42. No. 8. P. 763–771.
- Matras Y. Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 366 p.
- Mendoza J. G. El castellano de Bolivia // Lenguas de Bolivia. Tomo IV. Temas nacionales / M. Crevels, P. Muysken (red.). La Paz: Plural editores, 2015. P. 21–54.
- Mirković D. Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina). Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968. 390 s.
- Morato-Vatovec J. Dvojezičnost v šolah na slovenski obali // Lingua dell'infanzia e minoranze = Otroški jezik in manjšina = Children language: the education of minorities. San Pietro al Natisone – Špieter. 11, 12, 13 nov. 1994. San Pietro al Natisone: Cooperativa Lipa Editrice, 1994. P. 291–298.
- Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.
- Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell Publishing, 2006. 457 p.
- Nazalević Čučević I., Belaj B. Sintaktičko-semantički status egzistencijalnih glagola biti, imati i trebati // Croatica. 2018. God. XLII. Broj 62. S. 179–205.
- Rajković Iveta M., Gadžep P. Hrvati u Buenos Airesu i Rosariju, Latinosi u Zagrebu // Multipliciranje zavičaja i domovina: hrvatska dijaspora: kronologija, destinacije i identitet / Grbić Jakopović J. (ur.). Zagreb: Filozofski fakultet u Zagrebu, Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju, 2014. S. 133–154.
- Sekereš S. Govor Našičkog kraja // Hrvatski dijalektološki zbornik. 1963. № 2. S. 209–301.
- Skelin Horvat A., Musulin M., Blažević A. G. Croatian in Argentina: Lexical transfers in the speech of bilingual Croatian-Spanish speakers // Diaspora Language Contact: The Speech of Croatian Speakers Abroad / ed. by J. Hlavac and D. Stolac. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 595–624.
- Skorwid S. «Mnie po rusku było ciężko gadać». Rozmowy z mieszkanką wsi Biełostok na Syberii // Acta Baltico-Slavica. 2019. № 43. S. 188–205.
- Skotáková J. Interkulturní komunikace daruvarských Čechů // AntropoWebzin. 2018. № 1–2. S. 1–8.
- Sohrová M. K některým jevům mluvy Čechů v Chorvatsku // Přehled kulturních, literárních a školních otázek. 2005. № 23. S. 56–71.
- Stráníková H. Faktory, které působí na uchování jazyka a identity, v jazykových biografiích příslušníků české menšiny // Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek. 2020. № 38. S. 17–36.
- Vorobyeva T., Bel A. Factors affecting language proficiency in heritage language: the case of young Russian heritage speakers in Spain // Journal of language contact. 2021. № 14. P. 304–330.
- Wohlgemuth J. A Typology of Verbal Borrowings, Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.
- Zentella A. C. Growing up bilingual: Puerto Rican children in New York. Oxford; Cambridge: Wiley – Blackwell, 1997. 323 p.
- Županović Filipin N., Bevanda Tolić K. Tra due sponde linguistiche: Commutazione di codice in due generazioni di una famiglia bilingue // Studia Romanica et Anglicae Zagrabienis: Revue publiée par les Sections romane, italienne et anglaise de la Faculté des Lettres de l'Université de Zagreb. 2015. № 60. P. 55–83.

Рукопись поступила в редакцию 07.02.2023

Рукопись принята к печати 25.06.2023

REFERENCES

- Antić L. Naši iseljenici u Boliviji prema NOB-u i obnovi zemlje. *Migracijske i etničke teme*, 1986, no. 2 (2), pp. 85–97. (In Croat.)
- Bělič J. *Nástin české dialektologie*. Prague, SPN Publ., 1972, 463 p. (In Czech.)
- Bělič J. Poznámky o češtině na Daruvarsku v Jugoslávii. *Acta Universitatis Carolinae – Philologica Supplementum – Slavica Pragensia I*, 1959, pp. 59–75. (In Czech.)
- Borisov S. A. Kontaktnyje iavleniia v iazyke etnicheskikh chekhov serbskogo Banata. *Slavianovedeniye*, 2021, no. 3, pp. 64–79. (In Russ.)
- Borisov S. A., Pilipenko G. P. Diskursivnye praktiki i metaiazykovoje kommentirovanije v rechi predstavitelei natsional'nykh men'shinstv Bosnii i Gertsegoviny (na primere slavianskikh soobshchestv Respubliki Serbskoi). *Južnoslovenski filolog*, 2020a, knj. 76, sv. 2, pp. 127–156. (In Russ.)

- Borisov S.A., Pilipenko G.P. Cheshsko-serbsko-rumynskije iazykovyye kontakty v rumynskom Banate (na materiale polevogo issledovaniia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020b, no. 459, pp. 15–26. (In Russ.)
- Borisov S.A., Pilipenko G.P. Cheshsko-rumynskije iazykovyye kontakty v rumynskom Banate (na primere dannyykh polevogo issledovaniia). *Slavica Slovaca*, 2021, no. 56, pp. 55–68. (In Russ.)
- Brkićová-Strejšková J. Česko-chorvatská dvojjazyčnost žáků českých základních škol v Chorvatsku. *Přehled kulturních, literárních a školních otázek*, 2012, no. 30, pp. 55–65. (In Czech.)
- Cenoz J. Cross-linguistic influence in third language acquisition: Implications for the organization of the multilingual mental lexicon. *Bulletin suisse de linguistique appliquée*, 2003, no. 78, pp. 1–11.
- Dobrushina N.R. Mnogoiazychiye v Dagestane kontsa XIX – nachala XX veka: popytka kolichestvennoi otsenki. *Voprosy iazykoznanii*, 2011, no. 4, pp. 61–80. (In Russ.)
- Horyna I. Zachování specifík české menšiny v Chorvatsku. *Přehled kulturních, literárních a školních otázek*, 2012, no. 30, pp. 47–54. (In Czech.)
- Kharlamova M.A. Iazykovaia lichnost' pozhilogo cheloveka skvoz' prizmu interferentsii (na primere rechi nositelia sibirskogo cheshskogo govora). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 455, pp. 41–45. (In Russ.)
- Koněr D.V., Makarova A.L., Sobolev A.N. Statisticheskii metod iazykovogo profilirovaniia nositelia dialekta (na materiale vostochnoserbskogo idioma sela Berchinovats). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2019, no. 58, pp. 17–33. (In Russ.)
- Koněr D.V., Sobolev A.N. Osobennosti neravnovesnogo bilingvizma u rumynoiazychnyykh karashevtsev v sele Iabalcha. *Indoevropeskoje iazykoznanie i klassicheskaja filologiya-XXI (chteniia pamiati I.M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, prokhodivshei 26–28 iyunia 2017 g. Saint-Petersburg*, Nauka, 2017, pp. 985–1001. (In Russ.)
- Lanza E. The family as a space: multilingual repertoires, language practices and lived experiences. *Journal of multilingual and multicultural development*, 2021, vol. 42, no. 8, pp. 763–771.
- Matras Y. *Language Contact*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, 366 p.
- Mendoza J.G. El castellano de Bolivia. *Lenguas de Bolivia. Tomo IV. Temas nacionales*, ed. M. Crevels, P. Muysken, La Paz, Plural editores, 2015, pp. 21–54. (In Esp.)
- Mirković D. *Govori Čeha u Slavoniji (Darugar i okolina)*. Belgrade, Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968. 390 p. (In Serb.)
- Morato-Vatovec J. Dvojezičnost v šolah na slovenski obali. *Lingua dell'infanzia e minoranze = Otroški jezik in manjšina = Children language: the education of minorities. San Pietro al Natisone – Špieter. 11, 12, 13 nov. 1994*. San Pietro al Natisone, Cooperativa Lipa Editrice Publ., 1994, pp. 291–298. (In Sloven.)
- Morozova M.S., Rusakov A. Iu. Chernogorsko-albanskoje iazykovoje pogranich'je v poiskakh sbalansirovannogo iazykovogo kontakta. *Slovene*, 2018, no. 7 (2), pp. 258–302. (In Russ.)
- Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, 306 p.
- Myers-Scotton C. *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. Malden; Oxford; Carlton, Blackwell Publishing, 2006, 457 p.
- Narumov B.P. Ispanskii iazyk. *Iazyki mira. Romanskije Iazyki*. Moscow, Academia Publ., 2000. pp. 411–462. (In Russ.)
- Nazalević Čučević I., Belaj B. Sintaktičko-semantički status egzistencijalnih glagola biti, imati i trebati. *Croatica*, 2018, no. XLII (62), pp. 179–205. (In Croat.)
- Perotto M. Morfosintaksicheskie i narrativnye trudnosti v rechi russoiazychnyykh detei-bilingvov v Italii. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 97–101. (In Russ.)
- Pilipenko G.P. Markirovanije interferentsionnykh iavlenij v slavianskoi rechi Iuzhnoi Ameriki. *Slavianovedenije*, 2018, no. 3, pp. 64–80. (In Russ.)
- Pilipenko G.P. Diskursivnye praktiki v rechi ukraintsev Bosnii i Gertsegoviny. *Slavianovedenije*, 2020, no. 3, pp. 89–103. (In Russ.)
- Pilipenko G.P. Iuzhnovolynskii dialekt ukrainskogo iazyka v Argentine: dnevnik pereselentsa iz mezhvojennoi Pol'shi Kirilla Vozniuka. Moscow, Indrik Publ., 2021, 512 p. (In Russ.)
- Rajković Iveta M., Gadže P. Hrvati u Buenos Airesu i Rosariju, Latinosi u Zagrebu. *Multipliciranje zavičaja i domovina: hrvatska dijaspora: kronologija, destinacije i identitet*, ed. J. Grbić Jakopović. Zagreb, Filozofski fakultet u Zagrebu, Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju, 2014, pp. 133–154. (In Croat.)
- Sekereš S. Govor Našičkog kraja. *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 1963, no. 2, pp. 209–301. (In Croat.)
- Skelin Horvat A., Musulin M., Blažević A.G. Croatian in Argentina: Lexical transfers in the speech of bilingual Croatian-Spanish speakers. *Diaspora Language Contact: The Speech of Croatian Speakers Abroad*, ed. J. Hlavac and D. Stolac. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton Publ., 2021, pp. 595–624.

- Skorwid S. «Mnie po rusku było ciężko gadać». Rozmowy z mieszkanką wsi Biełostok na Syberii. *Acta Baltico-Slavica*, 2019, no. 43, pp. 188–205. (In Polish.)
- Skotáková J. Interkulturní komunikace daruvarských Čechů. *AntropoWebzin*, 2018, no. 1–2, pp. 1–8. (In Czech.)
- Sohrová M. K některým jevům mluvy Čechů v Chorvatsku. *Přehled kulturních, literárních a školních otázek*, 2005, no. 23, pp. 56–71. (In Czech.)
- Stráníková H. Faktory, které působí na uchování jazyka a identity, v jazykových biografiích příslušníků české menšiny. *Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek*, 2020, no. 38, pp. 17–36. (In Czech.)
- Vorobyeva T., Bel A. Factors affecting language proficiency in heritage language: the case of young Russian heritage speakers in Spain. *Journal of language contact*, 2021, no. 14, pp. 304–330.
- Wohlgemuth J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2009, 459 p.
- Zentella A. C. *Growing up bilingual: Puerto Rican children in New York*. Oxford – Cambridge, Wiley – Blackwell, Publ., 1997, 323 p.
- Županović Filipin N., Bevanda Tolić K. Tra due sponde linguistiche: Commutazione di codice in due generazioni di una famiglia bilingue. *Studia Romanica et Anglicae Zagradiensia: Revue publiée par les Sections romane, italienne et anglaise de la Faculté des Lettres de l'Université de Zagreb*, 2015, no. 60, pp. 55–83. (In Ital.)

Received on 07.02.2023

Accepted on 25.06.2023

Информация об авторах:**Пилипенко Глеб Петрович**

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5422-0039
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Борисов Сергей Александрович

младший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2321-9983
E-mail: borisovsergius@gmail.com

Information about the authors:**Gleb P. Pilipenko**

Ph D. (Philology), Senior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5422-0039
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Sergej A. Borisov

Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2321-9983
E-mail: borisovsergius@gmail.com

К истории создания Института славяноведения в Советском Союзе: «Пражский» проект. 1926–1928

© 2024 г. Н.Н. Станков

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

stankovnn@mail.ru

Автор выражает глубокую благодарность за консультации при написании статьи научным сотрудникам Института славяноведения РАН А.Р. Лагно, М.А. Робинсону и А.С. Стыкалину.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматривается международный контекст, в котором появился проект учреждения в СССР Института славяноведения, подготовленный в советском полпредстве в Праге в 1926 г. Документы полпредства свидетельствуют, что создание Института славяноведения, призванного готовить специалистов для работы в славянских государствах и вести научно-исследовательскую работу во всех областях славяноведения, было одним из начинаний в обширной программе развития научных и культурных связей СССР с Чехословакией, Болгарией, Югославией и Польшей, интеграции советской славистики в мировое славяноведение. По замыслу полномочного представителя СССР в Чехословакии В.А. Антонова-Овсеенко и заведующего бюро печати полпредства Р.О. Якобсона, осуществление данной программы способствовало бы повышению эффективности внешней политики Москвы в отношении славянских государств.

Ключевые слова: Институт славяноведения, научное сотрудничество, В.А. Антонов-Овсеенко, Р.О. Якобсон, П.Г. Богатырев, А.М. Селищев.

Ссылка для цитирования: Станков Н.Н. К истории создания Института славяноведения в Советском Союзе: «Пражский» проект. 1926–1928 // Славяноведение. 2024. № 1. С. 115–129. DOI: 10.31857/S0869544X24010087

On the History of the Foundation of the Institute of Slavic Studies in the Soviet Union: «The Prague» Project. 1926–1928

© 2024. Nikolay N. Stankov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

stankovnn@mail.ru

Abstract. Based on archival materials, the article analyzes the international context in which the project of establishing the Institute of Slavic studies in the USSR, drawn up in the Soviet mission in Prague in 1926, appeared. The Institute was supposed to train specialists for work in the Slavic states and conduct research in various fields of Slavic studies. The documents of the mission show that the foundation of the Institute of Slavic studies was one of the initial stages in the extensive program for the development of broad scientific and cultural relations of the USSR with Czechoslovakia, Bulgaria, Yugoslavia and Poland. According to the plan of the plenipotentiary representative of the USSR in Czechoslovakia Vladimir A. Antonov-Ovseenko and the head of the press bureau of the mission Roman O. Jakobson, the implementation of this program would have helped to increase the effectiveness of Soviet foreign policy towards the Slavic states.

Keywords: the Institute of Slavic studies, scientific cooperation, V.A. Antonov-Ovseenko, R.O. Jakobson, P.G. Bogatyrev, A.M. Selishchev.

For citation: *Nikolay N. Stankov. On the History of the Foundation of the Institute of Slavic Studies in the Soviet Union: The «Prague» Project. 1926–1928 // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 1. P. 115–129. DOI: 10.31857/S0869544X24010087*

12 декабря 1927 г. советский полномочный представитель в Чехословакии В.И. Антонов-Овсенко направил в Москву в Народный комиссариат иностранных дел «Проект учреждения Института славяноведения в СССР». Это была уже вторая попытка полпреда подвигнуть советское руководство на организацию института, который бы готовил квалифицированные кадры для работы в советских представительствах в славянских странах. Полпред даже не изменил в проекте первоначальную дату — 31 июля 1926 г.¹

Следует отметить, что впервые исследованием проекта 1926 г. занимались А.Н. Горяинов и В.А. Бахтина. Они обнаружили этот документ в ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ) в фонде известных ученых-фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых. В 1993 г. В.А. Бахтина в приложении к своему докладу на XI Международном съезде славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.) опубликовала полный текст «Проекта учреждения Института славяноведения в СССР» [Бахтина 1993, 307–309]. Поскольку найденный экземпляр не был подписан, то в определении авторства документа мнения исследователей разошлись. А.Н. Горяинов предположил, что его составил заведующий кафедрой славянской филологии этнологического факультета Первого Московского государственного университета профессор А.М. Селищев [Горяинов 1989а, 56], а В.А. Бахтина считала, что авторами проекта были сотрудники советского полпредства в Чехословацкой республике Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев [Бахтина 1993, 304–305].

Подтверждение своей версии В.А. Бахтина нашла в переписке П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона с Б.М. и Ю.М. Соколовыми. В одном из писем Ю.М. Соколову Богатырев писал, что еще осенью 1923 г. Якобсон представил тогдашнему советскому полпреду в ЧСР К.К. Юреневу доклад «о необходимости учреждения в Москве Института славяноведения для изучения современных славянских народов и государств и для подготовки квалифицированных работников в области дипломатических, экономических, культурных и прочих сношений с[о] славянскими странами». Но проект «был признан преждевременным». Летом 1926 г., по словам Богатырева, Якобсон вновь поставил этот вопрос перед полпредом В.А. Антоновым-Овсеенко, который с большим интересом отнесся к данному

¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 185–187.

предложению и попросил Якобсона составить подробную докладную записку с указанием задач института и наброском учебного плана. Богатырев и Якобсон в самые короткие сроки составили такую записку².

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть весь комплекс документов советского полпредства в ЧСР, относящихся к проекту создания в СССР Института славяноведения в 1926–1928 гг., сохранившихся в Архиве внешней политики Российской Федерации.

* * *

Вопрос о создании в СССР Института славяноведения в «частном порядке» обсуждался на совещании в полпредстве 17 июля 1926 г. В совещании участвовали сотрудники полпредства Н.М. Калужный, А.К. Гасперский, Р.О. Якобсон, прибывшие из Советского Союза академик Е.Ф. Карский, директор славянского отдела библиотеки Академии наук профессор А.И. Лященко, доцент Ленинградского государственного университета В.Г. Чернобаев и представитель министерства иностранных дел ЧСР Я. Папоушек. Все высказались в пользу создания Института предпочтительно в Ленинграде, где имелось достаточное количество квалифицированных специалистов для преподавания³, и, как отмечалось выше, 31 июля Антонов-Овсеенко направил «Проект учреждения Института славяноведения в СССР» в Народный комиссариат иностранных дел.

Проект начинался с развернутого обоснования необходимости создания Института. Первая же фраза «в близком будущем предстоит несомненно расширение дипломатических, экономических и прочих сношений СССР с славянскими странами» была не случайной⁴. Министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш и югославский посланник в Праге Л. Нешич, с которыми Антонов-Овсеенко часто встречался, уверяли полпреда, что признание Советского Союза их правительствами и установление полноценных дипломатических отношений произойдет со дня на день. Вопрос о признании СССР и установлении дипломатических отношений Антонов-Овсеенко обсуждал и с болгарским посланником в ЧСР Д. Михалчевым⁵. Но в Советском Союзе не было достаточного количества кадров, «подготовленных к обслуживанию этих сношений». Причину такого положения составители проекта видели в том, что «после революции реакция против царистского панславизма вызвала и психологическую реакцию против славяноведения вообще». И в то время как в изучении восточных соседей СССР были значительные достижения, «в области славянских стран и народов было сделано очень мало». В результате налицо был дефицит специалистов, владевших славянскими языками, знакомых с историей и культурой славянских народов, способных работать в новых государствах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, что неблагоприятно сказывалось на деятельности экономических организаций СССР в условиях развития внешнеторговых связей и на слабой осведомленности советской прессы об этих странах⁶.

Авторы проекта подчеркивали, насколько большое внимание уделялось в то время в Западной Европе: во Франции, Германии, Великобритании, Италии изучению славянских стран и подготовке лиц для работы в этих странах. По их мнению, и в СССР нужно изучать славянские народы и государства и готовить

² Бахтина 2015, 341, письмо № 5.

³ ДМИСЧО, 249–250, док. 205.

⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 185.

⁵ См., например: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6 П. 15. Д. 55. Л. 181–182, 380–385; ДМИСЧО, 213–215, док. 175.

⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 185.

специалистов в области дипломатии, экономики и культуры, чего можно достичь созданием Института славяноведения (по образцу Института востоковедения), который бы действовал при поддержке и под контролем Народных комиссариатов иностранных дел, внешней торговли и просвещения (в соответствии с тремя выше намеченными категориями работников, которых надлежит выпускать Институту)⁷.

В документе была сформулирована учебная и научная программа Института. Он должен был готовить специалистов не только по Польше, Чехословакии, Югославии и Болгарии, но и по Украине и Белоруссии. При изучении славянских языков предполагалось наряду с государственными изучать и языки других национальностей, проживавших в этих странах (например, словацкий и словенский языки). Большое внимание учебная программа уделяла изучению географии (особенно — экономической), политической жизни, законодательства, современных социальных и национальных отношений, этнографии, истории культуры этих государств. При изучении истории рекомендовалось особое внимание уделять отношениям данной страны с Россией⁸.

Научная программа предусматривала подготовку и публикацию монографий и популярных книг о социальной, экономической и политической жизни современных славянских народов и государств, учебников, словарей и т.д. Предполагалось издание документов, статистических и этнографических материалов, которые могли бы иметь актуальное политическое и практическое значение. Авторы проекта предлагали также создать научный журнал⁹.

Коллегия НКИД, обсудив проект, признала целесообразность учреждения Института славяноведения и передала дело на рассмотрение Наркомпроса. 7 сентября 1926 г. на специальном заседании подсекции высших учебных заведений Государственного ученого совета (ГУС) под председательством М.Н. Покровского был заслушан вопрос об организации Института славяноведения и создана специальная комиссия в составе В.П. Волгина, С.М. Дубровского и представителя НКИД, которая должна была подготовить необходимые обоснования. 12 октября подсекция Вузов ГУСа, заслушав доклад декана этнологического факультета Первого Московского государственного университета В.П. Волгина «О проекте Института славяноведения», признала организацию Института «безусловно необходимой», но «в настоящее время невозможной». Вместо создания Института было предложено усилить преподавание славянских языков, этнографии и истории на этнологическом факультете 1-го МГУ¹⁰. Через месяц, 12 ноября, на заседании деканата этнологического факультета было принято решение наряду с существовавшим восточнославянским циклом учредить цикл южных и западных славян. Вместе с тем было признано, что с образованием данного цикла задача преподавания славяноведения решена лишь частично, и были поставлены вопросы об учреждении самостоятельного отделения славяноведения и создания кабинета славяноведения на этнологическом факультете¹¹. На заседании был также представлен учебный план цикла южных и западных славян¹², обсуждение которого в подсекции Вузов ГУСа, в специальной комиссии и в деканате этнологического факультета продолжалось до конца

⁷ Там же. Л. 185–186.

⁸ Там же. Л. 186–187.

⁹ Там же. Л. 187.

¹⁰ Бахтина 2015, 342, прим. 2.

¹¹ ЦГА Москвы. Д. 1063. Л. 45об.

¹² Там же. Л. 49–49об.

апреля 1927 г. (подробнее см.: [Горяинов 1989а, 57–58])¹³. Только 22 апреля на объединенном заседании этнографического отделения и предметной комиссии по этнографии был утвержден учебный план и распределение курсов между преподавателями. Руководитель цикла А.М. Селищев должен был читать «Введение в славяноведение», «Старославянский язык» и вести специальный семинар по славяноведению. «Историю русского языка» должен был преподавать проф. Д.Н. Ушаков, «Историю России (до XIX в.)» — проф. М.К. Любавский. Для чтения курса «Государственное устройство славянских стран» было решено обратиться к известному специалисту по конституционному праву зарубежных государств проф. В.Н. Дурденевскому. Курс «Новой и новейшей истории Австро-Венгрии» поручили сверхштатному доценту С.Д. Сказкину. Возникли проблемы с преподаванием «Экономической географии славянских стран», «Истории литературы южных и западных славян», современных славянских языков. Поэтому на заседании было принято решение в ближайшее время открыть новые преподавательские должности и поручить Д.Н. Ушакову и А.М. Селищеву позаботиться о подборе кандидатур¹⁴.

Богатырев и Якобсон, зная из переписки с преподавателями МГУ о ситуации, сложившейся с организацией цикла южных и западных славян, обратились с просьбой к секретарю этнографического отделения Ю.М. Соколову предоставить им возможность «академической работы». Они даже прислали в Москву списки своих печатных и готовых к печати научных трудов¹⁵. Но когда Ю.М. Соколов предложил руководителю цикла Селищеву кандидатуры Богатырева и Якобсона, тот «со всей яростью» их отверг [Горяинов 1989а, 60]. Тем не менее на объединенном заседании совета этнографического отделения и предметной комиссии по этнографии 9 июня 1927 г. кандидатура Якобсона как преподавателя чешского языка была утверждена¹⁶. По словам проф. Г.А. Ильинского, Якобсону было направлено приглашение занять «лектуру чеш[ского] яз[ыка], но он на него не ответил» (цит. по: [Робинсон 2004, 211]).

Тем временем советское полпредство в Праге продолжало в различных направлениях работу по развитию отношений с Чехословакией, поддерживало связи с посольствами Болгарии и Югославии, исподволь наращивая аргументацию в пользу учреждения Института славяноведения в СССР. Антонов-Овсеенко и служащие полпредства встречались с политическими и общественными деятелями, представителями деловых кругов, журналистами.

21 января 1927 г. Якобсон был принят президентом ЧСР Т.Г. Масариком. Прием президентом республики заведующего бюро печати зарубежного представительства — явление исключительное. Даже советские полпреды нечасто удостоивались такой аудиенции. Масарик и Якобсон обсуждали проблемы советско-чехословацких отношений, во время беседы президент подчеркнул: «Мне кажется, нынешняя Россия выпускает из виду важный момент. Она не сумела благожелательной линией расположить в свою пользу мелкие славянские государства. Она, пользуясь умело национальными моментами, не сумела использовать славизм, который при отсутствии серьезных расхождений между Россией с одной стороны и Чехословакией и Балканскими славянскими государствами с другой и при наличии ряда общих интересов дает возможность

¹³ Бахтина 2015, 342, прим. 2.

¹⁴ ЦГА Москвы. Д. 1063. Л. 180.

¹⁵ Бахтина 2015, 342–344, письмо № 5.

¹⁶ ЦГА Москвы. Д. 1168. Л. 11об.

использовать эти государства как своего рода аванпосты в активной политике России в Европе. Они, в свою очередь, нуждаются в ориентации на Россию»¹⁷.

Вопрос о роли СССР в славянском мире обсуждал и болгарский посланник Д. Михалчев в разговоре с Якобсоном 8 февраля 1927 г. Он подчеркнул, что «Прага не в состоянии играть роль славянского культурного центра», поскольку все славянские вопросы она рассматривает «сквозь призму Парижских мирных договоров». По его мнению, только в Москве «жгучие славянские национальные вопросы» могли бы получить объективное освещение. По словам Якобсона, Михалчев убеждал его, что «широкая постановка в Москве изучения славянских народов [...] имела бы громадное пропагандистское влияние на интеллигенцию славянских государств»¹⁸.

Эту идею Михалчев развил в беседе с Антоновым-Овсеенко 6 марта 1927 г. во время их поездки в Кутну Гору. Полпред записал в дневнике: «Михалчев горячо ратует за организацию у нас института славяноведения – “Ведь существует у вас институт народов Востока! Ведь и в Германии, и во Франции делается так много для сближения с[о] славянством. Вы напрасно пренебрегаете интеллигенцией славянских народов. Вы б[ы] легко могли снискать себе ее симпатии. Институт славяноведения, конференции славяноведов и т.п. в Москве стали бы центром тяготения этой интеллигенции” и т.д.»¹⁹. Следует отметить компетентность Михалчева в данном вопросе – к тому времени он был уже известным философом, поддерживал связи со многими русскими и европейскими учеными, с 1913 г. был лично знаком с Масариком, до поступления на дипломатическую службу занимал должность декана историко-филологического факультета Софийского университета (см.: [Мангачев 2020, 10–12]). «Университетский уклон» болгарского посланника отметил и Антонов-Овсеенко. Он ответил Михалчеву, будто вопрос о создании Института славяноведения уже решен, а со следующего года откроется факультет славянских языков в Московском университете, очевидно, имея в виду цикл южных и западных славян, о котором говорилось выше²⁰.

Советское полпредство в Праге стремилось использовать в интересах СССР дебаты о «славянской политике», проходившие в клубе «*Přítomnost*» («Современность») весной 1927 г. Принять в них участие Антонову-Овсеенко предложили сами руководители клуба. Но полпред поставил условия: приглашение может быть принято только в том случае, если будет снят доклад сотрудника чрезвычайной дипломатической миссии Украинской народной республики О. Бочковского «Славянская политика и украинцы» и если к прениям не будут допущены российские эмигранты. Организаторы пошли на уступки²¹.

Дебаты открыл 23 марта 1927 г. известный чешский журналист и политик из окружения президента ЧСР Я. Гербен вступительным докладом, построенным на трудах Масарика. И в своем докладе, и в ходе дискуссий Гербен подчеркивал, что «надо следовать заветам Масарика и проводить слав[янскую] политику прежде всего у себя дома»²².

На заседаниях клуба, где присутствовали представители МИД ЧСР, иностранных дипломатических миссий и известные журналисты, неоднократно

¹⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 72.

¹⁸ Там же. Л. 118.

¹⁹ Там же. Л. 223.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 257–258.

²² Там же. Л. 258.

подчеркивалась необходимость «славянской политики». «Славянская политика и возможна, и необходима, — говорил Папоушек в ходе дискуссии о «славянской политике» ЧСР, — существует особое взаимное тяготение славян, с которым не может не считаться государственная политика». Он подчеркивал, что необходимо «не только экономическое сближение», но «и культурное взаимодействие»²³.

От советской миссии с сообщением выступил 30 марта Якобсон. Как отметил Антонов-Овсеенко, «Якобсон выступил с большим успехом». К сожалению, автору этой статьи не удалось обнаружить текст выступления, и поэтому здесь приводится только запись в дневнике Антонова-Овсеенко: «Согласившись с Гербеном, что славянскую политику следует проводить прежде всего у себя “дома”, Якобсон рассказал, каковы взаимоотношения между славянскими народами у нас и какая культ[урная] работа среди них ведется, затем, оговорившись, что советское правительство никакой расовой славянской политики не ведет, кратко охарактеризовал отношения между СССР и славянскими государствами и перешел к недочетам наших культурных взаимоотношений»²⁴.

На заседаниях обсуждались и спорные вопросы взаимоотношений между славянскими странами. 6 апреля разгорелась острая дискуссия по докладу П. Максы «Славянская политика и Польша», в ходе которой подверглась критике внутренняя и внешняя политика современной Польши. Один из участников дискуссии заявил о невозможности сближения ЧСР с Польшей, пока последняя «не сблизится с Москвой, не откажется от “несправедливостей Рижского договора” и не будет считаться с настроениями своих национальных меньшинств, которые чувствуют себя лишь принудительно связанными с нею»²⁵.

13 апреля 1927 г. представители югославского и болгарского посольства выступили с сообщениями по македонскому вопросу, который был камнем преткновения в отношениях двух государств, и оба дипломата заявили, что здесь необходимо искать компромисс²⁶. В своих выступлениях они также отметили, что в их странах среди населения преобладают русофильские настроения²⁷.

Сообщая 25 апреля Литвинову о дискуссиях в клубе «*Přítomnost*», Антонов-Овсеенко подчеркивал, что большинство выступлений были «на пользу СССР». «Я продолжаю думать, что Москва совершенно зря не использует того тяготения к нам извест[ных] кругов в “славянских” государствах Центральной Европы и Балкан, которое несомненно усилилось за последние три года, — писал полпред. — Даже со “славянским институтом” все еще ничего не выходит...»²⁸.

Антонов-Овсеенко вновь поставил вопрос о создании в СССР Института славяноведения в связи с переменами в польско-чехословацких отношениях. С начала 1927 г. в дипломатических кругах стали появляться слухи о том, что Польша «усиленно старается сблизиться» с ЧСР, предлагает расширение политического договора и военный союз, «причем готова гарантировать Чехословакии даже военную помощь против Венгрии»²⁹. Бенеш опровергал эти слухи как «злоумышленные выдумки журналистов»³⁰. Тем не менее советское

²³ Там же. Д. 43. Л. 31.

²⁴ Там же. Л. 13.

²⁵ Там же. Л. 15.

²⁶ Там же. Л. 37–38.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 44.

²⁹ Там же. Д. 42. Л. 154.

³⁰ Там же. Л. 195.

полпредство насторожила поездка французского маршала Л.-Ф. Франше д'Эспре в ноябре 1927 г. в Польшу и ЧСР. Антонов-Овсеенко подозревал, что французский генерал «работал над сближением генштабов обеих стран и их военной промышленности»³¹. Тем более что до этого полпред уже получал информацию о контактах между генеральными штабами Войска Польского и чехословацкой армии и о том, что аэроплантные заводы ЧСР «завалены» военными заказами из Польши³². Антонов-Овсеенко считал, что Прагу к сотрудничеству с Варшавой подталкивали страхи перед усилившейся Германией и угроза аншлюса, укрепление внешнеполитических позиций Венгрии в связи с подписанием союзного договора с Италией (5 апреля 1927 г.), кампания за ревизию Трианонского мирного договора, развязанная летом 1927 г. британским медиамагнатом, владельцем популярной газеты *Daily Mail* лордом Ротермিরом³³.

В письме Литвинову от 12 декабря 1927 г. Антонов-Овсеенко указывал на оживление чехословацко-польских экономических и культурных связей, на активность общества польско-чешского сближения, на постоянный обмен научными делегациями, на торжественное открытие с участием президента Масарика польской художественной выставки в Праге. Полпред отмечал и «усиленную деятельность» польско-чешской «антанты печати» во главе с В. Швиговским по развитию сотрудничества в области информации и культуры, подготовку издания в Вене на немецком языке большого журнала по вопросам славянства под руководством чехословацких и польских политиков, попытки поляков закрепить свое влияние в создаваемом в Праге Славянском институте. Антонов-Овсеенко особо указывал на содействие чехословацкого правительства работе поляков среди украинской эмиграции. Поляки успешно вербовали возвращенцев в Галицию, в результате чего среди украинцев-эмигрантов количество желающих уехать в Советскую Украину резко сократилось. Если прежде в советское консульство ежедневно обращалось 30–40 эмигрантов, то в последние месяцы – три-четыре человека. По словам полпреда, противодействие польскому влиянию оказывали только немецкие круги в ЧСР и германское посольство. Антонов-Овсеенко считал, что СССР должен «усилить свое противодействие этой работе по сближению Польши с ЧСР и вообще усилить свою работу в славянских государствах». В этой связи он напоминал о своей записке от 31 июля 1926 г. относительно учреждения Института славяноведения в СССР. «Вместо этого Института в Москве создали нечто ублюдочное, не могущее дать сколько-нибудь серьезных результатов, – писал Антонов-Овсеенко. – Вопрос надо поставить во всю ширь»³⁴.

В заключение письма полпред настаивал на необходимости оставить в Праге для работы в полпредстве Яковсона. Последнее обращение было не случайным, поскольку руководство ВКП(б) потребовало заменить в советских представительствах за границей всех беспартийных заведующих отделами печати коммунистами, и 16 сентября 1927 г. секретариат ЦК ВКП(б) принял решение о замене беспартийного Яковсона на коммуниста С. В. Гирина, который в то время был заместителем заведующего организационным отделом Профинтерна [Генис 2008, 121]. Но, несмотря на решение столь высокой инстанции, Антонов-Овсеенко продолжал отстаивать Яковсона, доказывая его незаменимость для работы полпредства как высококвалифицированного славяноведа,

³¹ Там же. Д. 43. Л. 181.

³² Там же. Д. 42. Л. 168.

³³ См.: Там же. Л. 45, 137, 139; Там же. Д. 43. Л. 181.

³⁴ См.: Там же. Д. 43. Л. 181–184.

и, пользуясь случаем, напоминал о необходимости учреждения Института славяноведения для подготовки соответствующих кадров, а также направил в НКИД доклад Якобсона «О польской пропаганде в ЧСР»³⁵. Этот доклад автору настоящей статьи обнаружить не удалось. Но достаточно полное представление о его содержании можно составить из рассматриваемой ниже записки Якобсона о противодействии польской пропаганде в ЧСР, которая представляет собой расширенный вариант упомянутого доклада.

На просьбу Антонова-Овсенко о Якобсоне 24 декабря 1927 г. Литвинов ответил, что до приезда Гириниса тот может продолжать работать на своем прежнем месте, но «оставление Якобсона в составе полпредства после приезда его заместителя было бы недопустимо». Вместе с тем Литвинов писал: «НКИД не имеет решительно никаких возражений против оставления т. Якобсона в том или ином качестве на работе в Праге, но лишь в пределах постановлений инстанции»³⁶.

По существу, Наркомат иностранных дел, как и высшая партийная инстанция (секретариат ЦК ВКП(б)), не возражал против предложения Антонова-Овсенко «сохранить Р. Якобсона для использования нашим полпредством», в частности, для работы «по инспирации славянской печати в тех или иных вопросах, для сношений с устраиваемым в Праге Славянским институтом, для работ в затеваемых здесь журналах на немецком языке, посвященных славянским вопросам и пр.»³⁷.

Доклад же Якобсона «О польской работе в ЧСР» в Центральноевропейском отделе НКИД получил весьма критическую оценку. Заместитель заведующего отдела В.Л. Лоренц, не оспаривая информационного значения доклада, подверг резкой критике рекомендации и выводы Якобсона, который упустил из виду «различие социально-политических структур СССР и ЧСР», не учел, что «ряд отраслей польской работы в ЧСР пока что для нас недоступны в силу отсутствия у нас молодых советских научно-подготовленных кадров, способных с успехом проводить наше влияние по отмеченным запиской каналам», в то время как старые кадры для такой работы непригодны, поскольку, попадая «в обстановку западных славянских стран — быстро там ассимилируются и очень редко обнаруживают способность стать проводниками советского влияния в буржуазной и мелкобуржуазной общественности и политических кругах» этих стран. Якобсон обвинялся и в односторонней оценке «влияния элементов славянства и славянофильских настроений на польскую и нашу работу в ЧСР», в то время как в этой среде «далеко еще не расстались с мыслью о возможности реставрации буржуазной России». Лоренц рекомендовал продолжить поиски «иных, более для нас подходящих, более экономных, путей»³⁸.

Получив ответ Лоренца, Антонов-Овсенко, по его собственному признанию, был обескуражен. «Вместо практического подхода, общие рассуждения», — писал он Литвинову 20 февраля 1928 г. Полпред направил в НКИД очередное письмо «О польской работе в ЧСР» с приложением новой записки Якобсона, поддерживая все его предложения³⁹.

Новый документ, составленный Якобсоном, представлял собой детализацию предыдущего доклада. В разделе «Пропаганда политическая» автор отмечал,

³⁵ Там же. Л. 184.

³⁶ Там же. Д. 44. Л. 49.

³⁷ Там же. Д. 43. Л. 189.

³⁸ Там же. Оп. 8. П. 38. Д. 38. Л. 5–6.

³⁹ Там же. Д. 37. Л. 93–94.

что главным образом для давления на чехословацкую прессу Польша использует пражский комитет по печати Малой Антанты. Но Якобсон считал, что через чешских журналистов, которые в него входят, в том числе и В. Швиговского, несложно будет добиться нейтрализации польского влияния в комитете. Все они с симпатией относились к России, часто посещали советское полпредство, и с ними можно было вести работу, когда было «налицо явное расхождение польских и советских интересов». Сложнее обстояло дело с журналистами из ряда пражских газет, которые находились в постоянном контакте с польским посольством и регулярно оттуда получали информацию. В данном случае Якобсон предполагал использовать свои связи с редакторами отдельных изданий, прибегать к помощи отдела печати МИД ЧСР, если позволят обстоятельства, или применить другие средства. Например, редактора отдела культуры *Prager Presse* («Пражская пресса») А. Магра, который вел «интенсивную польскую культурную пропаганду», Якобсон предлагал «под тем или иным соусом» пригласить на две-три недели в СССР и «завербовать для совместной культурной пропаганды». «Делает он эту работу прекрасно», — подчеркивал автор записки. Добиться нейтрализации польского влияния в чешской католической печати Якобсон рассчитывал с помощью известного публициста А. Фухса и главного редактора католической газеты *Lidové listy* («Народная газета») Й. Долежала, с которыми у него установились тесные связи. Но для этого необходимо было из Москвы регулярно получать информацию об отношении советского правительства к Католической церкви и «о польской политической работе, компрометирующей интересы Католической церкви в СССР». Пропольскую пропаганду в прессе чехословацкой аграрной партии, по мнению Якобсона, можно было ослабить «путем сближения полпредства с авторитетными деятелями Зеленого Интернационала и идеологами “славянского аграризма”»⁴⁰.

Большое внимание автор записки уделил работе в Словакии, где польская пропаганда была особенно интенсивной. Он предлагал, чтобы Словакию посещали все советские деятели культуры, которые приезжали в Прагу. Якобсон считал крайне желательным иметь в Братиславе «своего наблюдателя, который поддерживал бы контакт с политической и культурной общественностью Словакии и информировал бы о Словакии пражское полпредство». Такой наблюдатель мог бы находиться в Братиславе в качестве корреспондента ТАСС⁴¹.

Раздел «Пропаганда культурная» предусматривал значительное расширение научных и культурных связей СССР и Чехословакии. В первую очередь речь шла об участии советских делегаций в международных съездах, проходивших на территории ЧСР, в частности, в Международном съезде деятелей графического искусства с соответствующей выставкой в Праге летом 1928 г. Оргкомитет съезда направил приглашение во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, но из Москвы ответа не последовало, в то время как в данном случае представлялась возможность для «успешной и эффективной пропаганды». Якобсон настойчиво предлагал направить делегации РСФСР, Украины и Белоруссии на международный съезд славистов в Прагу в 1929 г., где предполагалось участие выдающихся ученых из Польши, Югославии, Болгарии, Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов и Скандинавских стран. Информация о предстоявшем съезде уже была направлена в соответствующие советские научные учреждения и отдельным ученым. Якобсон составил

⁴⁰ Там же. Л. 95–97.

⁴¹ Там же. Л. 97.

целый список ученых-славистов из Ленинграда, Москвы, Харькова, Киева, Минска (Л.В. Щерба, Д.В. Бубрих, М.Г. Долодко, Н.С. Державин, В.В. Виноградов, Д.К. Зеленин, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, Л.П. Якубинский, Д.Н. Ушаков, Б.М. и Ю.М. Соколовы, М.Н. Петерсон, Н.Н. Дурново, П.А. Бужук, В.М. Ганцов, Л.А. Булаховский, Б.И. Ярхо и др.), которые могли бы достойно представлять советскую науку на съезде, где «несомненно, будет сделана большая работа, как по вопросам организации и разработки отдельных дисциплин славистики, так и по установлению целого ряда связей, служащих делу культурной пропаганды»⁴².

Якобсон предлагал регулярно направлять в Чехословакию советских деятелей науки и культуры для чтения лекций, организовывать выставки, гастроли и т.п. Каждая такая поездка должна быть максимально использована — расширение и углубление связей, публичные выступления, установление организационных отношений между культурными институтами СССР и ЧСР, пропаганда в прессе и т.д. В то же время следовало поощрять поездки в СССР ученых, писателей, журналистов, деятелей культуры из Чехословакии. Якобсон называл даже конкретные лица, которые уже обратились за содействием в полпредство⁴³.

Значительное внимание в записке уделялось вопросам систематического снабжения чехословацких журналов информационными статьями и материалами об СССР, о событиях в научной и культурной жизни. Полпредство располагало связями с редакциями таких журналов, но ощущало недостаток, во-первых, в самих информационных материалах (поскольку материалы бюрократического происхождения были наименее пригодны для такой цели), а во-вторых, в сотрудниках, способных обрабатывать и переводить информацию и снабжать ею редакции журналов. «Если бы на эту работу были асигнованы самые скромные средства, которые ни в какое сравнение не идут с польскими расходами по этой статье, — отмечал Якобсон, — работа могла бы вестись весьма продуктивно, и это было бы наиболее плодотворной формой культурной пропаганды среди интеллигенции Чехословакии». Он также ставил вопрос о снабжении советской хроникой и статьями об СССР пражских или инспирируемых из Праги международных журналов, посвященных современным славянским народам. Речь шла о журнале *Slovanský přehled* («Славянское обозрение»), о французском *Le monde slave* («Мир славян») и о журнале о культурной жизни современных славянских народов на немецком языке *Slavische Rundschau* («Славянское обозрение»), который предполагали издавать с сентября 1928 г. немецкие профессора Пражского университета Ф. Шпина (занимавший в то время также пост министра общественных работ в правительстве ЧСР) и Г. Геземанн, пригласившие Якобсона возглавить отдел о СССР⁴⁴.

Как и Антонов-Овсеенко, Якобсон вновь обращал внимание НКВД на необходимость квалифицированных сотрудников для осуществления вышеизложенной программы, для поддержания постоянных активных связей с культурными институтами ЧСР, со Славянским институтом в Праге и др., в связи с чем вновь поднимался вопрос об учреждении в СССР Института славяноведения. Якобсон подчеркивал, что те минимальные требования, которые были изложены в записке об учреждении Института, не нашли осуществления в цикле южных и западных славян, организованном в рамках этнологического факультета МГУ, поскольку там «по-прежнему интересы

⁴² Там же. Л. 98.

⁴³ Там же. Л. 98–99, 101.

⁴⁴ Там же. Л. 99–100.

исторические и археологические превалируют над проблемами актуальными и практическими»⁴⁵.

Ответ на эти предложения Центральноевропейского отдела НКВД за подписью Лоренца от 5 марта 1928 г. оставлял мало надежд на их осуществление. Отдельные вопросы выносились на рассмотрение Коллегии НКВД или передавались на согласование с другими ведомствами. Но почти в каждом пункте ответа имелись оговорки о «запоздалой информации», о несвоевременности, о «жесткости валютного режима», об отсутствии средств, о больших затруднениях и т.д. Относительно создания Института славяноведения Лоренц ссылался на предыдущее решение Наркомпроса: это «непосильная пока задача и по бюджетным соображениям и, главным образом, в силу отсутствия в СССР минимального количества подходящих профессорских и преподавательских сил». Он выражал сомнение, что «эти серьезные препятствия могут быть преодолены», хотя и обещал предпринять новую попытку продвижения вопроса об Институте славяноведения⁴⁶.

Очевидно, в связи повторным предложением «пражского» полпредства о создании Института славяноведения, руководитель цикла южных и западных славян А.М. Селищев в феврале 1928 г. обратился в деканат этнологического факультета МГУ с предложением внести изменения в учебный план, добавить несколько новых предметов, которые «ближе поставили бы наших слушателей к работе по Комиссариатам иностранных дел и торговли», ввести специализацию для студентов третьего и четвертого курсов и преобразовать возглавляемый им цикл в отделение. По замыслу Селищева, эти меры должны были стать «подготовительной стадией» к организации Института славяноведения [Горяинов 1989b, 20–21].

Учебный план на 1928/1929 год предусматривал подготовку специалистов не только для музеев, библиотек и исследовательских учреждений, но и для Народных комиссариатов иностранных дел и торговли [Лагно 2013, 119–120]⁴⁷. Наряду с основными историческими и филологическими дисциплинами в учебный план были включены «Введение в славяноведение», «Старославянский язык», «Славянские древности», «История южных и западных славян», «Этнография южных и западных славян», «Этнография восточных славян», «История литературы южных и западных славян», «Сравнительная грамматика славянских языков», болгарский, сербский, польский и чешский языки (словенский и словацкий языки в программе отсутствовали). Кроме того, учебный план предусматривал следующие курсы: «Государственное устройство славянских стран», «Экономическая география славянских стран», «Семинар по истории взаимоотношений славянских стран с Россией», «Политические отношения СССР к славянским странам», «Консульское право»⁴⁸. Исторические дисциплины вели такие выдающиеся историки, как С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, М.К. Любавский. В то же время возникли серьезные проблемы с преподаванием новейшей истории южных и западных славян. Из-за отсутствия литературы С.Д. Сказкин вынужден был отказаться от чтения новейшей истории западных славян (см.: [Горяинов 2007, 56–57]). «Семинар по истории взаимоотношений славянских стран с Россией», который он вел, охватывал период от

⁴⁵ Там же. Л. 100–101.

⁴⁶ Там же. Д. 38. Л. 20–20об.

⁴⁷ Этнологический факультет 1 МГУ, 4.

⁴⁸ Там же, 16–17.

русско-славянских отношений во время этнографической выставки 1867 г. до славянского вопроса накануне Первой мировой войны⁴⁹.

А.Н. Горяинов, досконально изучивший по архивным материалам организацию учебного процесса и преподавательский состав цикла южных и западных славян, отмечал, что «не удалось обеспечить и преподавание экономических дисциплин в ракурсе славянских стран» [Горяинов 2007, 57]. Эти вопросы рассматривались в курсах экономической географии проф. М.А. Селищенского и «Экономические и политические отношения СССР со славянскими странами», которые читали правоведы проф. В.Н. Дурденевский и доцент К.А. Архипов. Среди преподавателей цикла южных и западных славян А.Н. Горяинов упоминает сотрудников НКВД: заведующий Центральноевропейским отделом Б.Е. Штейн читал лекции об экономических и политических отношениях СССР со славянскими странами, а заведующий экономико-правовым отделом А.В. Сабанин преподавал «Консульское право» [Горяинов 2007, 57–58; Горяинов 1989b, 15].

Руководство факультета придавало большое значение преподаванию общественно-политических дисциплин: «История ВКП(б) и основы ленинизма», «Исторический материализм», «Основы советской конституции в связи с марксистским учением о государстве и праве», «Политическая экономия», «Советское хозяйство и экономическая политика СССР». Выпускники этнологического факультета должны быть «всецело проникнуты марксистско-ленинским мировоззрением»⁵⁰.

Несмотря на все усилия Селищева, ему не удалось преобразовать цикл южных и западных славян в отделение и тем самым сделать еще один шаг на пути создания Института славяноведения. Более того, в связи с разногласиями и трудностями в организации учебного процесса и с общей неблагоприятной обстановкой на факультете и в университете цикл южных и западных славян с 1929 г. начал сворачиваться, а спустя год и вовсе прекратил свое существование (подробнее см.: [Горяинов 1989b, 28–29]).

Таким образом, составленный в советском полпредстве в Праге в 1926 г. проект учреждения в СССР Института славяноведения исходил из необходимости развития дипломатических, экономических, научных и культурных связей с зарубежными славянскими государствами. Согласно проекту, Институт должен был осуществлять на современном уровне подготовку квалифицированных специалистов для службы за границей и вести научно-исследовательскую работу в различных областях славяноведения. Однако на пути осуществления данного проекта с самого начала возникло множество препятствий. Вместо учреждения Института славяноведения Народный комиссариат просвещения принял решение вести подготовку специалистов указанного профиля на базе МГУ, не располагавшего в то время необходимыми кадрами, способными обеспечить преподавание дисциплин, предусмотренных «пражским» проектом. Разработка многих учебных курсов, как и проведение исследований, были затруднены в связи с отсутствием в советских библиотеках новейшей зарубежной научной литературы и периодических изданий. Очевидно, не отвечал поставленным задачам и уровень подготовки студентов: в 1929 г. со всего цикла южных и западных славян НКВД на практику принял лишь одного человека [Горяинов 1989b, 25]. Не способствовала успеху развитию указанного цикла в МГУ, преобразованию его в самостоятельное

⁴⁹ Там же, 164.

⁵⁰ Там же, 3.

отделение, а затем в Институт и общая обстановка в университете и в целом в системе высшего образования в СССР: бесконечные реорганизации, усиление влияния партийных органов, сопровождавшееся различными кампаниями и проработками.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации, Москва.
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).
ГУС – Государственный ученый совет.
ДМИСЧО – Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
МГУ – Московский государственный университет.
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел.
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза.
ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва.
ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы, Москва.
ЦК – Центральный комитет.
ЧСР – Чехословацкая республика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6, 7, 8.
Бахтина В.А. Прага – Москва. Письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / отв. ред. С.П. Сорокина и Л.Ф. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 318–386.
ДМИСЧО. М.: Наука, 1977. Т. 2. 636 с.
ЦГА Москвы. Ф. Р 1609. Оп. 1.
Этнологический факультет 1 МГУ. Учебный план, программы и пособия. М.: Изд-во 1 Московского государственного университета, 1929. 192 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтина В.А. Славистические связи русской фольклористики 20-х годов (П. Богатырев, Р. Якобсон, Ю. Соколов) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1993. С. 297–309.
Генис В.Л. «Якобсон, конечно, возмутится...» // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 120–125.
Горяинов А.Н. Славяноведение в Московском университете (1917–1927): из истории преподавания славистических дисциплин и организации цикла южных и западных славян // Советское славяноведение. 1989а. № 4. С. 51–61.
Горяинов А.Н. Цикл южных и западных славян МГУ (1927–1930) // 50 лет исторической славистики в Московском государственном университете. Сб. ст. / под ред. В.Г. Карасева. М.: Изд-во Московского университета, 1989б. С. 13–33.
Горяинов А.Н. Преподаватели цикла истории южных и западных славян в Московском университете (1927–1930) // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. К 170-летию университетских кафедр славистики. Сб. ст. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 53–58.
Лагно А.Р. Вячеслав Петрович Волгин. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 248 с.
Мангачев П. Акад. Димитър Михалчев – между философията и дипломатията. София: Офис стандарт, 2020. 135 с.
Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.

Рукопись поступила в редакцию 18.07.2023
Рукопись принята к печати 04.10.2023

REFERENCES

- Bakhtina V.A. Slavisticheskiye svyazi russkoi fol'kloristiki 20-kh godov (P. Bogatyrev, R. Iakobson, Iu. Sokolov). *Istoriia, kul'tura, etnografiia i fol'klor slavianskikh narodov*, ed. G.G. Litavrin. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 297–309. (In Russ.)
- Genis V.L. «Iakobson, konechno, vozmutitsia...». *Voprosy istorii*, 2008, no. 12, pp. 120–125. (In Russ.)
- Goriainov A.N. Slavianovedeniye v Moskovskom universitete (1917–1927): iz istorii prepodavaniia slavisticheskikh distsiplin i organizatsii tsikla iuzhnykh i zapadnykh slavian. *Sovetskoje slavianovedeniye*, 1989a, no. 4, pp.51–61. (In Russ.)
- Goriainov A.N. Tsikl iuzhnykh i zapadnykh slavian MGU (1927–1930). *50 let istoricheskoi slavistiki v Moskovskom gosudarstvennom universitete. Sb. st.*, ed. V.G. Karasev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1989b, pp. 13–33. (In Russ.)
- Goriainov A.N. Prepodavateli tsikla istorii iuzhnykh i zapadnykh slavian v Moskovskom universitete (1927–1930). *Slavianovedeniye v Rossii v XIX–XXI vekakh. K 170-letiiu universitetskikh kafedr slavistiki. Sb. st.*, ed. K.V. Nikiforov. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2007, pp. 53–58. (In Russ.)
- Lagno A.R. *Viacheslav Petrovich Volgin*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2013, 248 p. (In Russ.)
- Mangachev P. *Akad. Dimitŭr Mihalchev – mezhdū filosofiiata i diplomatsiata*. Sofia, Ofis standart, 2020, 135 p. (In Bulg.)
- Robinson M.A. *Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoye slavianovedeniye (1917 – nachalo 1930-kh godov)*. Moscow, Indrik Publ., 2004. 432 p. (In Russ.)

Received on 18.07.2023

Accepted on 04.10.2023

Информация об авторе:

Станков Николай Николаевич
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5248-1027
E-mail: stankovnn@mail.ru

Information about the author:

Nikolay N. Stankov
DSc. (History), Professor, Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5248-1027
E-mail: stankovnn@mail.ru

Б. Шеллкросс. Холокост: вещи. Репрезентация Холокоста в польской и польско-еврейской культуре / пер. с английского и польского М. Крисань. Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press, Библиороссика, 2023. 247 с.

© 2024 г. И. Е. Адельгейм

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

adelgejm@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Адельгейм И. Е. Б. Шеллкросс. Холокост: вещи. Репрезентация Холокоста в польской и польско-еврейской культуре / пер. с англ. и польск. М. Крисань. Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press, Библиороссика, 2023. 247 с. // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 130–135. DOI: 10.31857/S0869544X24010098

B. Shallcross. The Holocaust Object in Polish and Polish-Jewish Culture / tr. M. Kisan. Boston; St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossica, 2023. 247 p.

© 2024. Irina E. Adelgeim

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

adelgejm@yandex.ru

For citation: Irina E. Adelgeim. B. Shallcross. The Holocaust Object in Polish and Polish-Jewish Culture / tr. M. Kisan. Boston; St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossica, 2023. 247 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 1. P. 130–135. DOI: 10.31857/S0869544X24010098

Книга Болены Шеллкросс, профессора польской и польско-еврейской культурологии на факультете славистики Чикагского университета, вышедшая почти одновременно на английском и польском языках, а теперь переведенная на русский, — попытка прочтения нескольких фрагментов польской военной и послевоенной литературы о Холокосте с точки зрения антропологии вещей. Предметы, являющиеся своего рода депозитариями частных историй, обрастающие на протяжении своей жизни различными контекстами, трансформирующиеся в знаки,

легко становятся метонимией тех или иных событий большой Истории. За этим, не в последнюю очередь, стоит логика психологии, которой подчинена, например, динамика развития польской прозы о травматическом пространстве Возвращенных территорий в 1990–2000-е годы: через задействующее работу воображения эмпатическое описание бывших немецких вещей — к эмпатическому повествованию об изгнанных немцах. Предмет — уцелевший, сохранивший память о своем владельце и его трагедии — с одной стороны, наглядно отсылает к исторической

катастрофе, с другой — позволяет сохранить дистанцию, словно бы не соприкоснуться с этой катастрофой непосредственно (а в ситуации, связанной с чувством исторической вины перед Другим, дает возможность сосредоточиться на эстетизации собственных чувств). В польской литературе применительно к Холокосту не было такой четкой периодизации, да и тема в послевоенный период не замалчивалась полностью, лишь делались попытки обойти болезненные проблемы. Еще для прозы второй половины 1980—1990-х годов была характерна художественная «меланхолизация» польско-еврейской истории, элиминировавшая или сглаживавшая чувство вины. Это позволяло написать уничтожение еврейского социума в национальный траурный ритуал таким образом, чтобы подлинным объектом траура оказался не Другой, а сам поляк, в силу сугубо внешних обстоятельств утративший привычного соседа. Как мы увидим, пытается обойти проблему польской вины и автор рецензируемого труда, мотивируя это тем, что сосредоточен на предметном мире, что как будто бы дает возможность не затрагивать нежелательные вопросы.

К тому чтобы вещи стали главной метонимией Холокоста, подталкивал масштаб катастрофы. Он, во-первых, невиданно усилил репрезентативную силу «материальных остатков» (с. 8) геноцида (горы повседневных предметов, каждый из которых неразрывно связан с жизнью, но вынужден свидетельствовать о смерти), во-вторых, сделал наглядным изменение функций вещей в ситуации программного уничтожения человека. Исследовательница тщательно воспроизводит идеологический, юридический, экономический контекст этого процесса в Третьем рейхе, анализируя понятийные изменения, к которым привели конкретные шаги властей: смешение понятий коллекционирования и накопления, идентичности и собственности, деэссенциализацию в процессе переработки вещей, но прежде всего — фетишизацию насильственно фрагментированного предметного мира и овеществление человека.

Шеллкросс рассматривает связанные с бытованием предметного мира в пограничной ситуации тексты-свидетельства, понимая их также как материальные, физические объекты, подвергавшиеся риску быть уничтоженными и подвергавшие риску своих владельцев, поскольку «во время Холокоста главной ценностью любого письменного свидетельства, в том числе и литературного, было проговаривание им обвинения в геноциде» (с. 14). Таким образом, одним из критериев отбора текстов для анализа становится задача описания «онтологии и статуса текста Холокоста как материальной вещи и письменного документа» (с. 16) — исследовательницу

интересует «статус объекта текста Холокоста и инверсия этого явления — текст Холокоста как объект» (с. 25), а также то, как воплощался в них опыт взаимодействия с предметным миром. С этой целью автор монографии вводит термин «прекарий», в котором соединяет первоначальный юридический смысл этого понятия («...описывает хранение предметов, которые должны быть возвращены владельцам при положительном изменении ситуации») и значение «неустойчивого статуса», «точно отражающего блуждание и угрозу существования текста Холокоста, то, как он переходил из рук в руки, как менял места при различных случайных обстоятельствах». «Прекариумный объект постоянно колеблется между существованием и уничтожением» (с. 16), наглядно демонстрирует хрупкость и уязвимость как человеческой жизни, так и свидетельствующего о ней запечатленного слова: «В контексте массового геноцида художественный текст попадает в сферу противоречия: одновременно он является свидетельством как смерти своего автора, так и своего собственного случайного спасения» (с. 33). Проводя параллель с другими историческими ситуациями, активизирующими личную память как инструмент спасения текста в надежде на то, что рано или поздно выжившее слово сможет свидетельствовать против Зла, Шеллкросс отмечает, что в случае Холокоста сама массовость геноцида подрывала надежность подобных — опробованных в советской, польской, еврейской истории — «нематериальных» методов. Интересны замечания исследовательницы, связанные с фактом переоценки мусора и превращения случайной поверхности в носитель (бес)ценного послания будущему, а также ее трактовка процесса создания и сохранения текста Холокоста как потенциального поля коммуникации, в котором задействованы вещи, слова и люди, как изменчивой сети дистанций, абберраций, психологических механизмов, мотиваций.

Итак, Шеллкросс исследует ряд текстов, созданных во время оккупации и, будучи свидетельствами геноцида, самим своим существованием представлявших опасность для жизни своих авторов или других временных хранителей рукописей (стихи Владислава Шленгеля, Зузанны Гинчанки, Чеслава Милоша, повесть Ежи Анджеевского), а также те, что были написаны вскоре после войны (рассказы Тадеуша Боровского, репортаж Зофьи Налковской). В последних двух случаях, затрагивая безусловно значимые для понимания отношений человека и предмета, вещиности и человечности и проблемы, исследовательница отступает от декларируемого критерия, связанного с прекарием, хотя биография обоих писателей в целом

и включает подобный опыт («тайный», уничтоженный во время оккупации дневник Налковской и писавшиеся в лагере стихи Боровского). Заметим также, что во всех главах Шелл-кросс воспроизводит по мере необходимости биографически-психологический и литературный контекст. Выбранные произведения призваны продемонстрировать «основные модели репрезентации, с помощью которых польские и польско-еврейские писатели передавали опыт взаимодействия с вещами, полученный во время или вскоре после Холокоста» (с. 26). Возможные стратегии Шелл-кросса объединяет в ряд базовых парадигм: миметическую, метонимическую, агальматическую и трансформационную.

В первых двух главах, посвященных соответственно «певцу Варшавского гетто» Владиславу Шленгелю («Денди и еврейский хлам») и скрывавшейся «на арийской стороне» Зузанне Гинчанке («Материальная буква Е»), речь идет об авторах — польских евреях, подвергавшихся смертельной опасности и гибели не избежавших. Шелл-кросс рассматривает связанные с предметным миром приемы (натюрморт, перечисление, вычитание, противопоставление единичного предмета массе вещей, концепция непредсказуемости, маскарад у Шленгеля; акцентирование через утаивание, перечисление, визуализация у Гинчанки) и осмысляет функции предметности (стремление «придать слову о Холокосте наивысшую степень текстуальной осязаемости и исторической актуальности» (с. 34) — показать разрушение повседневной жизни, уменьшение человеческого присутствия, неумолимое «сжигание» границ гетто у Шленгеля; обвинение предателей, достижение осязаемости переживания трагического опыта у Гинчанки).

Два «предметно ориентированных» (с. 64) стихотворения Шленгеля и Гинчанки воспроизводят воображаемый трагический финал (Шленгель — спровоцированное им убийство, по сути, самоубийство, Гинчанка — погром и убийство). В этих сценах три участника — палач, жертва и ее имущество: в «Цилиндре» Шленгеля — наряд денди, шокирующий нацистского жандарма; в [«*Non omnis moriar...*»] Гинчанки — атрибуты женского бытия, которые «наследуют» написавшие донос соседи — «...вотчины моей гордость / Луга скатертей моих, шкафов неприступных крепость, / простыней просторы, постель драгоценная / И платья, светлые платья останутся после меня» (с. 64). У Шленгеля символическая (художественно и психологически, т.е. автосихотерапевтически) «трансформация лирического героя, его бесстрастная поза и торжественный вечерний наряд способствуют проработке сцены инсценированного самоубийства с точки зрения перформативной роли денди. [...] По контрасту с реальностью

Варшавского гетто, он представляет свою смерть в виде элегантной мечты о небытии, осмысляя себя через присущий денди язык одежды, поверхностей и внешнего вида. [...] самоконструкция биографического героя Шленгеля восстанавливает его прежнее «я» [...] суицид во время Холокоста восстанавливает свободу и самостоятельность человека. Фактически он функционирует как единственное средство, с помощью которого человек может вернуть себе утраченную человечность» (с. 45–47, 55). Гинчанка также достигает парадоксального превосходства над палачом — и также через иронию: «Очевидно, что объектное желание грабителей переносит их в мир фантазий, и пока они будут праздновать свои новые трофеи на месте преступления, произойдет пародия на преобразование: скоты превратятся в крылатых, «ангельских» существ» (с. 77).

В этом месте невозможно не сказать о том, что уже раньше обращает на себя внимание читателя и подтверждается при прочтении дальнейших разделов книги: автор монографии явно пытается уйти от болезненной проблемы польско-еврейских отношений. Так, например, о довоенном антисемитизме говорится при помощи намеков (с. 71), а о послевоенном — как главной причине молчания выживших и историков новой травмы для них и их потомков — умалчивается вовсе: Шелл-кросс упоминает лишь стремление справиться с тяжелыми воспоминаниями путем их подавления (с. 216). Причины сложностей с реституцией еврейской собственности в Польше также остаются «за кадром» (с. 11). Соседи, доносившие во время оккупации на евреев и убивавшие их, предстают исключением и никогда не называются поляками (иногда фигурируют определения «нееврей», «нееврейский»). Формулировка «масштабы разрушений, произведенных под командованием Штропа, были таковы, что после войны территория бывшего гетто не подлежала восстановлению» (с. 127) не противоречит действительности (масштабы действительно «были таковы»), однако «северный район» после войны перестал быть еврейским и был застроен (причем проектировать застройку начали еще *до разрушения гетто* [Chomałowska 2012; Sznajderman 2016, 210]) как пустое место по другой причине (подробнее см. [Адельгейм 2023]). Все это вызывает удивление хотя бы потому, что за последние десятилетия в Польше появилась огромная научная литература (избранная библиография [Там же, 38]), подтверждающая соучастие поляков в Холокосте. И как ни болезненен процесс принятия фактов и собственной травмы, т.е. вины, стыда, страха, усиленных долгим замалчиванием, — уклончиво и осторожно именовать происходившее во время войны «активизацией

традиционных польско-еврейских противоречий и обид» (с. 170), а послевоенные погромы — «антисемитскими выступлениями» (с. 155) для серьезного ученого, занимающегося проблемой Холокоста, по меньшей мере странно.

Недоумение вызывает анализ стихов Гинчанки и Милоша. Так, при рассмотрении текста Гинчанки, казалось бы, невозможно не увидеть в сцене воображаемой развязки очевидной символики белого (пух — закрепившаяся метонимия погрома) и красного (кровь жертвы): «Туч и распоротых подушек и облака перин / К рукам их прильнут и превратят их в крылья; / А кровь моя свежая паклю с пухом склеит / И окрыленных внезапно превратит в ангелов» (с. 64). Бело-красный — указание на польскость, дополнительно подчеркнутое и саркастическим эпитетом «близкие», и прямым обращением к написавшей донос (польской) соседке, и ироническим упоминанием неискоренимой памяти об инаковости еврейского соседа: «...пусть вещи е твоя рука ухватит, / Хоминова, львовянка, шустрая жена шпика, / Доносчица скорая, мамаша фольксдойча. / Тебе, твоим пусть они служат, все-таки не чужим. / Близкие вы мои — и это так, не пустое слово, / Помнила я о вас, вы же, когда шли полицаи, / Тоже помнили обо мне» (с. 64)¹. Нельзя не согласиться с Боженой Уминьской, называющей иронию Гинчанки «кровавой»: «Эта кровавая ирония, эта картина — как соседи роются в еврейских вещах после того, как обрели на смерть их хозяйку — голос поэтессы Зузанны Гинчанки из стихотворения “*Non omnis moriar*”. Гинчанка погибла в Кракове в 1944 г. в возрасте 28 лет; война почти закончилась, она могла уцелеть, но добрый сосед не выдержал и донес на нее в гестапо. С таким лицом, как у нее, выжить было невозможно. Она была красивой совершенно экзотической, смуглой красотой. “В этом стихотворении, — пишет автор точного и осторожного анализа жизни и творчества Гинчанки Агата Арашкевич, — еврейка заявляет о своей инаковости, о своей непохожести, но делает это изнутри — изнутри модели польской романтической поэзии”. Ну да, ведь стихотворение Гинчанки перекликается с “Моим завещанием” Словацкого; это, можно сказать, дуэт двух поэтов, слова схожи, а смысл совершенно разный, даже противоположный.

О том, как трудно было быть ассимилированной еврейкой в довоенной Польше, насколько жестокой была та реальность и как защищалась от нее Гинчанка, имеет смысл прочитать в книге “Я рассказываю вам свою жизнь. Меланхолия Зузанна Гинчанки” [Umińska 2023, 2]; «То, что делает Зузанна Гинчанка в этом потрясающем стихотворении, можно назвать саркастической деструкцией и деконструкцией мифов, которую она осуществила перед лицом деконструировавшей ее реальности. [...] В ее стихотворении кровавая ирония является кровавой в прямом смысле слова. Она истекает ее собственной кровью. [...] Деконструируя польские мифы, она деконструировала и себя, такую, какой была до того мгновения. Взорвала привычность мифа собственной инаковостью. Высмеяла его и уничтожила» [Umińska 2001, 359]. По словам же польского поэта Юлиана Пшибося, опубликовавшего в 1946 г. чудом уцелевшее стихотворение Гинчанки, этот «непревзойденный парафраз [...] причиняет боль, как незатянувшаяся рана» [Przyboś 1946]. В своем подробном анализе стихотворения Шеллкросс избегает этой очевидной интерпретации, в сноске (также уклончиво, обходя суть высказывания коллеги) замечает, что «не считает утверждение Уминьской достаточно убедительным» (с. 77).

Подобная ситуация — с анализом двух знаменитых и многократно интерпретировавшихся стихотворений Чеслава Милоша — «*Campo di Fiori*» и «Бедный христианин смотрит на гетто», написанных во время восстания в Варшавском гетто в 1943 г. (глава «Посмертная вина плоти»). Используемая поэтом параллель с казнью Джордано Бруно акцентирует молчание (в этическом смысле) и безразличие свидетелей гибели еврейских соседей: «Я вспомнил Кампо ди Фьори / В Варшаве, у карусели, / В погожий весенний вечер, / Под звуки польки лихой. / Залпы за стенами гетто / Глушила лихая полька, / И подлетали пары / В весеннюю теплую синь. // А ветер с домов горящих / Сносил голубками хлопья, / И едущие на карусели / Ловили их на лету. / Трепал он девушкам юбки, / Тот ветер с домов горящих, / Смеялись веселые толпы / В варшавский праздничный день» (с. 145–146). Шеллкросс же утверждает, что речь в стихотворении идет о молчании *жертв* и о «равнодушии *будущего читателя* (курсив мой. — И.А.) к смерти и страданиям Другого, забвении и бренности» (с. 123). Исследовательница также замечает, что это стихотворение «принадлежит к небольшому числу текстов, написанных нееврейскими писателями во время восстания в гетто (и даже Холокоста в целом), которые, насколько я знаю, сделали первую попытку текстуализации невыразимости Холокоста» (с. 124–125). Однако смысл — очевидный, как

¹ В качестве (весьма показательного) курьеза приведем наивно-восторженный комментарий читателя в Интернете, с легкостью считавшего бело-красную символику: «Трудно более прекрасно выразить веру в польскость в такой драматической ситуации, на пороге смерти, когда тебя предали многие поляки. В самом деле — *non omnis moriar*. Это стихотворение для Зузанны Гинчанки — ворота в вечность, навеки бело-красную» [Dobre wiersze 2023].

и в случае с Гинчанкой — стихотворения совсем не в этом, и не это заставило — добавим — А. Сандауэра назвать «*Campo di Fiori*» текстом, «спасшим честь польской литературы» [Sandauer 1982, 44] (справедливости ради отметим, что уже перейдя к анализу второго стихотворения Шеллкресс все же мельком упоминает факт изображения поэтом в «*Campo di Fiori*» «равнодушно-го населения Варшавы» (с. 127). Стихотворение «Бедный христианин смотрит на гетто» рассматривается исключительно подробно, с привлечением интереснейших аллюзий, параллелей, сопровождается анализом философии Милоша, нюансов его перспективы и всевозможных влияний — и лишь походя и уклончиво констатируется главное: речь идет о страхе и чувстве вины. В своем эссе 1987 г., ставшем очередным болезненным шагом в поныне не законченной общественной дискуссии о (со)участии поляков в Холокосте, Ян Блоньский отталкивается именно от анализа этих двух стихотворений Милоша, в первую очередь — от второго, к которому демонстративно отсылает название («Бедные поляки смотрят на гетто»). Именно страх («Роя туннель, медленно движется крот-охранник / С маленькой красной мигалкой на лбу. / Обследует закопанные тела, считает, пробирается дальше. [...] / Боюсь, очень боюсь жандарма-крота. [...] / Мой изувеченный труп откроется его взору, Дав повод числить меня среди прислужников смерти...» (с. 148), как показывает Блоньский, и является источником польской «мании собственной невинности»: «Страх, что нас посчитают пособниками смерти. Он столь ужасен, что мы делаем все, чтобы его отогнать, скрыть от самих себя [...]. Мы ведь чувствуем — что-то получилось не так, как надо. [...] и сознательно или неосознанно — боимся, что нас обвинят. Боимся, что напомним о себе жандарм-крот и скажет, взглянув в свою книгу: ага, вы тоже служили смерти? Вы тоже помогали убивать? Или, по крайней мере: вы спокойно смотрели, как умирали евреи? [...] Давайте признаем честно: такой вопрос не может не возникнуть. Его обязан задать каждый, кто задумывается о польско-еврейском прошлом, вне зависимости от того, к какому ответу в результате придет. Мы отгоняем его от себя, считая чудовищным, скандальным. Ведь мы не были на стороне убийц. Ведь в очереди в печь мы сами были следующими. Ведь мы с этими евреями сосуществовали — не идеально, но все же. [...] Приходится постоянно всем об этом напоминать. Иначе — что другие о нас подумают? Что мы сами о себе подумаем? Что станет с добрым именем нашей страны, нашего общества? Эта забота о “добром имени” неизменно стоит за частными — и в еще большей степени публичными — высказываниями. Иначе говоря, размышляя

о прошлом, мы хотим получить моральную выгоду. Даже осуждая, сами хотим оказаться над — или вне — осуждения. Хотим быть абсолютно вне осуждения, хотим остаться совершенно чистыми. Хотим сами быть жертвами — и только... Однако за этим стремлением ощущается подспудный страх — как в стихотворении Милоша — и этот страх искажает, деформирует наши мысли о прошлом. [...] Мы не хотим иметь ничего общего с чудовищным преступлением. Однако чувствуем, что оно нас как-то пятнает, “бесчестит”. Поэтому предпочитаем обо всем этом не говорить. Или говорить только затем, чтобы опровергнуть осуждение. Осуждение как таковое звучит редко, но оно словно бы витает в воздухе» [Błoński 1987]. Блоньский призвал «очистить самих себя», «то есть увидеть себя по правде», предостерегая, что «без этого дом, земля, мы сами останемся запятнанными» [Ibidem]. Имя Блоньского упоминается исследовательницей дважды — ибо не может не быть упомянуто. При первом упоминании Шеллкресс незаметно искажает смысл текста Блоньского («Жуткая образность и неуловимое осуждение, сквозящие в лирике Милоша, заставляют [...] Блоньского называть это стихотворение “ужасающим” и “полным страха”» (с. 139), при втором лаконично замечает: «...попытка интерпретировать стихотворение в свете польско-еврейского сосуществования уже была предпринята Блоньским. В моем исследовании, посвященном материальному миру в литературе Холокоста, нет возможности следовать предлагаемому Блоньским пути» (с. 141–142).

Немало ценных наблюдений относительно функций предметного мира в связи с системой персонажей и сверхзадачей произведения содержится в главе «Рукопись, утерянная в Варшаве», которая посвящена повести Ежи Анджеевского «Страстная неделя» (написанной во время оккупации, впервые опубликованной в 1945 г., позже переработанной). Шеллкресс подробно исследует интерьер символический и функциональный, связь вещей с репрезентацией мужского и женского начал и национальной идентичностью и пр.

Два (три, если считать своеобразное заключение, озаглавленное «Кода: объект после Холокоста» и затрагивающее поэтический цикл Тадеуша Ружевича «Ножик профессора», 2001) раздела книги посвящены, как уже говорилось, произведениям, созданным после войны. Написанные с разной перспективы рассказы Тадеуша Боровского (который провел более двух лет в Аушвице и Дахау) и «Медальоны» Зофи Налковской (которая помимо своей литературной деятельности активно занималась социально-политическими вопросами, в том числе была членом Главной комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше), объединяют сверхзадача свидетельства и тема

овеществления человека в лагере. Шеллкросс значительно обогащает анализ достаточно хорошо изученных рассказов Боровского, рассматривая их с перспективы семантики осязания, функций языка предметов и чувств. Находящийся в центре главы «История производства мыла во время Холокоста» рассказ-репортаж Налковской «Профессор Шпаннер», который открывает ее сборник «Медальоны» (1946), посвящен проблеме радикальной трансформации тела жертвы нацистами и радикальной его дегуманизации. Шеллкросс анализирует философию текстовой и внетекстовой реальности, динамику повествования, связанную с балансированием между чуткостью и беспристрастностью, знанием и незнанием, исследует используемые Налковской контекстуальные и интертекстуальные отсылки. «Кода» представляет собой рефлексии по поводу послевоенного бытования предметов Холокоста и их перспектив.

Книга Б. Шеллкросс со всеми ее бесспорными достоинствами и печально объяснимыми недоговоренностями еще раз показывает, что урок вещей — как и любой урок истории — зависит от того, сколько знания о себе мы готовы принять на том или ином этапе (истории своей собственной, личной, и Истории большой). Но касаясь любого аспекта Холокоста, следует помнить, что это всегда двойная перспектива и двойная ответственность: перед памятью жертв и — перед нашим собственным будущим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адельгейм И. Е. Топос варшавского Муранова в польской прозе «внуков Холокоста» // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография. М.: Институт славяноведения Российской академии наук, 2023. С. 15–87.
- Бłoński J. Biedni Polacy patrzą na getto // Tygodnik Powszechny. 1987. № 2. S. 42–46.
- Chomątowska B. Stacja Muranów. Wołowiec: Czarne, 2012. 461 s.
- Dobre wiersze. URL: <http://dobre-wiersze.blogspot.com/2015/01/zuzaznna-ginczanka-non-omnis-moriar.html> (дата обращения: 23.09.2023).

Информация об авторе:

Адельгейм Ирина Евгеньевна
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5208-0848
E-mail: adelgejm@yandex.ru

- Przyboś J. Ostatni wiersz Ginczanki // Odrodzenie. 1946. № 12. S. 5.
- Sandauer A. O sytuacji pisarza polskiego pochodzenia żydowskiego w XX wieku. (Rzecz, którą nie ja powinienem był napisać...). Warszawa: Czytelnik, 1982. 96 s.
- Sznajderman M. Fałszerze pieprzu. Historia rodzinna. Wołowiec: Czarne, 2016. 288 s.
- Umińska B. Postać z cieniem. Portrety Żydówek w polskiej literaturze od końca XIX wieku do 1939 roku. Warszawa: Sic!, 2001. 374 s.
- Umińska B. Kino i zaginieni Żydzi. tygodnikprzeglad.pl 31.08.2003 URL: <https://www.tygodnikprzeglad.pl/kino-zaginieni-zydzi/> (дата обращения: 23.09.2023).

REFERENCES

- Adelgeim I. E. Topos varshavskogo Muranova v pol'skoi proze «vnukov Kholokosta». *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaiia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy*, ed. N. N. Starikova, Moscow, Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 15–87. (In Russ.)
- Błoński J. Biedni Polacy patrzą na getto. *Tygodnik Powszechny*, 1987, no. 2, pp. 42–46. (In Pol.)
- Chomątowska B. *Stacja Muranów*. Wołowiec, Czarne Publ., 2012. 461 p. (In Pol.)
- Dobre wiersze. Available at: <http://dobre-wiersze.blogspot.com/2015/01/zuzaznna-ginczanka-non-omnis-moriar.html> (accessed: 23.09.2023). (In Pol.)
- Przyboś J. Ostatni wiersz Ginczanki. *Odrodzenie*, 1946, no. 12, p. 5. (In Pol.)
- Sandauer A. *O sytuacji pisarza polskiego pochodzenia żydowskiego w XX wieku. (Rzecz, którą nie ja powinienem był napisać...)*. Warszawa, Czytelnik Publ., 1982, 96 p. (In Pol.)
- Sznajderman M. *Fałszerze pieprzu. Historia rodzinna*. Wołowiec, Czarne Publ., 2016, 288 p. (In Pol.)
- Umińska B. *Postać z cieniem. Portrety Żydówek w polskiej literaturze od końca XIX wieku do 1939 roku*. Warszawa: Sic!, 2001, 374 p. (In Pol.)
- Umińska B. *Kino i zaginieni Żydzi*. tygodnikprzeglad.pl 31.08.2003 Available at: <https://www.tygodnikprzeglad.pl/kino-zaginieni-zydzi/> (accessed: 23.09.2023). (In Pol.)

Information about the author:

Irina Ye. Adelgeim
DSc. (Philology), Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5208-0848
E-mail: adelgejm@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 1, с. 136–139

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 136–139

DOI: 10.31857/S0869544X24010103

Рецензия / Review

**П. Маркевич. Едва ли союзники: сотрудничество
нацистской Германии и украинских националистов
в Генерал-губернаторстве в годы Второй мировой войны.
Издательство Университета Пердью, 2021. 347 с.**

© 2024 г. И.И. Баринов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ingobarinov@gmail.com

Ссылка для цитирования: Баринов И.И. П. Маркевич. Едва ли союзники: сотрудничество нацистской Германии и украинских националистов в Генерал-губернаторстве в годы Второй мировой войны. Изд-во Университета Пердью, 2021. 347 с. // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 136–139. DOI: 10.31857/S0869544X24010103

P. Markiewicz. Unlikely Allies: Nazi German and Ukrainian Nationalist Collaboration in the General Government During World War II. Purdue University Press, 2021. 347 p.

© 2024. Igor I. Barinov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ingobarinov@gmail.com

For citation: Igor I. Barinov. P. Markiewicz. Unlikely Allies: Nazi German and Ukrainian Nationalist Collaboration in the General Government During World War II. Purdue University Press, 2021. 347 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 1. С. 136–139. DOI: 10.31857/S0869544X24010103

В российской исторической науке работы по оккупации Польши 1939–1945 гг. в принципе редки. Изучение ее отдельных сюжетов, таких как положение национальных меньшинств, изначально находится на глубокой периферии исследований. Вероятно, единственной публикацией на эту тему является небольшая статья 2014 г., в которой рассматривается положение русских в генерал-губернаторстве, созданном на части оккупированной польской территории [Попов 2014, 28–35].

Стоит отметить, что описанная ситуация сложилась не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Так, немецкие авторы в основном были сосредоточены на судьбе польских евреев в ходе Холокоста. Редкие публикации о других этнических группах хронологически заканчивались 1939 г. [Schenke 2004; Müller 2006]. Польская историческая школа традиционно вписывает положение украинцев в годы Второй мировой войны в широкий контекст польско-украинских взаимоотношений,

вынося их за пределы собственно оккупационных реалий [Konieczny 2010, 133–206]. Вплоть до последнего времени стандартной работой по теме оставалась монография польского историка Рышарда Тожецкого «Украинский вопрос в политике Третьего рейха (1933–1945)», вышедшая более полувека назад [Torzecki 1972]. Впрочем, и этот именитый автор не остался в стороне от упомянутой парадигмы, впоследствии перенеся фокус исследования на отношения украинцев и поляков, а контекст генерал-губернаторства — на всю территорию довоенной Речи Посполитой [Torzecki 1993].

Англо-американская историография, известная качественными *case-studies*, также не обращалась к национальным меньшинствам в Польше времен Второй мировой войны. По сути, первая попытка восполнить данный пробел была предпринята американско-польским историком Павлом Маркевичем. В основу его монографии легла докторская диссертация, защищенная в Ягеллонском университете в 2018 г. По словам Маркевича, к выбору проблематики его подтолкнула семейная история, поскольку он сам является потомком выходцев из Польши, переживших нацистскую оккупацию.

Повествование Маркевич начинает с обширного экскурса в польско-украинские противоречия, начиная со времен Габсбургской монархии (с. 2–12). Автор выделяет ключевые моменты, которые привели к формированию значительного напряжения между поляками и украинцами еще до прихода немцев в 1939 г. Далее Маркевич переходит к личности Владимира Кубийовича (1900–1985) — одного из наиболее влиятельных интеллектуалов в украинской диаспоре как до, так и после Второй мировой войны, ключевой персоны для украинского сообщества оккупированной Польши. Кубийович, уроженец Австро-Венгрии, уже в раннем возрасте познакомился с идеями украинских ученых, таких как М. Грушевский и С. Рудницкий, восприняв теорию последнего о том, что география столь же важна для продвижения национального государства, как и история.

После окончания Ягеллонского университета в Кракове Кубийович начал преподавать в своей альма-матер. Неприятие польской политики в отношении украинцев в начале 1930-х годов привело ученого к сближению с немцами. При этом, как подчеркивает Маркевич, он избрал для продвижения украинской тематики чисто научный путь и использовал для этого свой авторитет ученого, не примыкая ни к одной из многочисленных в ту пору украинских политических групп. Описывая деятельность Кубийовича в Германии, Маркевич вписывает его имя в контекст тогдашнего изучения Восточной

Европы, связывает с различными персонами и институтами, хорошо знакомыми специалистам, но малоизвестными широкой публике. Автор предполагает, что уже тогда Кубийович установил контакты с абвером (с. 21). Последний, однако, обходит эту тему в мемуарах.

Сразу же после поражения Польши Кубийович включился в политическую деятельность. Как отмечает Маркевич, уже 2 октября 1939 г., т.е. еще до формального образования генерал-губернаторства, местные украинские интеллектуалы обратились в Берлин с просьбой о создании украинского представительства. В ноябре того же года генерал-губернатор Ханс Франк согласился с формированием Украинского центрального комитета (УЦК). Он, по словам Маркевича, хоть и не доверял украинцам, решил допустить для них некоторые послабления в надежде использовать их против поляков. Кубийович, в свою очередь, пытался использовать расположение наместника, даже если это предполагало демонстрацию лояльности рейху и лично Гитлеру (с. 45, 53). При организационной и финансовой поддержке со стороны германских властей удалось организовать широкую сеть местных представительств. В основном УЦК занимался социокультурной сферой — благотворительностью, борьбой с неграмотностью, религиозными вопросами. Помимо этого, подразделения комитета выступали в качестве посредников между украинским населением и оккупационной администрацией и даже пытались опекать украинцев-военнопленных Красной армии, оказавшихся на территории генерал-губернаторства (с. 136).

На страницах монографии Маркевич подробно описывает, как складывались отношения между германскими властями, с одной стороны, и различными украинскими общественными и политическими деятелями — с другой, какие трения и сложности им сопутствовали. В рамках оригинального исследовательского подхода Маркевич сочетает формальную линию (контакты между официальными лицами) с неформальной — общением немецких и украинских интеллектуалов в таких местах, как краковские кафе «Полтава» и «Феникс».

Деятельность Кубийовича и его позицию Маркевич оценивает как весьма противоречивую, являвшую собой смесь прагматизма и идеализма. Так, сотрудничество с немцами в представлении Кубийовича было своеобразной защитой от поляков и большевиков. В этом отношении он попытался использовать представленные украинцам «символические уступки» для укрепления национального самосознания — в частности, в таких сферах, как образование, издательская деятельность, церковная

жизнь. При этом, как пишет Маркевич, сам Кубийович, не лишенный авторитарности, быстро воспринял символическую культуру нацистов и играл роль «фюрера» украинцев (с. 61–65, 81–114). Вокруг его фигуры даже сложился своеобразный культ личности, что сам он впоследствии отрицал. Примечательно, что деятельность УЦК подвергалась острой критике со стороны Организации украинских националистов (ОУН). Ее сторонники именовали сотрудников комитета «прислужниками немцев», которые мешали подлинной «национальной революции» (с. 72). Кубийович, в свою очередь, считал, что радикалы отрывали молодежь от социальной и культурной работы и ввергали ее в «политические склоки».

Как указывает Маркевич, со временем оккупационные власти все активнее стремились использовать украинцев в своих интересах. В особенности это усилилось после перехода Германии к «тотальной войне» в начале 1943 г. Среди прочего, предполагалось, что украинцы создадут «буферную зону» между поляками и немецкими колониями на Востоке (с. 175). Вовлечение украинцев в антипольские акции в конечном итоге вылилось в кровавые польско-украинские столкновения. Помимо этого, Маркевич отводит Кубийовичу важную роль в дальнейшей инструментализации украинского меньшинства со стороны немцев – в частности, в ходе формирования дивизии СС «Галичина», которую Кубийович считал основой будущей национальной армии (с. 157). Переформатирование бывшего УЦК в национальное представительство украинцев, как известно, произошло за два месяца до поражения Германии в войне, когда его деятельность уже не имела смысла. В этом отношении, по мнению Маркевича, деятельность Кубийовича времен войны «поднимет новые вопросы и стимулирует дебаты по переоценке его истории» (с. 221).

Среди достоинств монографии, помимо четкой структуры и внятного повествования, можно выделить впечатляющую библиографию, а также использование первичных источников из архивов Великобритании, Германии, Канады, Польши, США и Украины. Вместе с тем работа Маркевича рассматривает в основном южные округа генерал-губернаторства (Краков, Люблин), в меньшей степени Галицию. Варшава фактически осталась за рамками исследования, хотя там в годы оккупации действовали такие заметные украинские деятели, как инженер-гидротехник И. Шовгенив, врач и публицист Ю. Липа, директор Варшавской городской библиотеки, книговед Л. Быковский (последний, к слову, выпустил отдельную книгу мемуаров об этом периоде своей жизни). В условиях упадка

научной жизни после закрытия Украинского научного института в Варшаве они создали ряд полуофициальных организаций (таких, как Черноморский институт), которые были призваны сохранить украинскую интеллектуальную мысль.

Не хватает монографии и компаративного анализа – например, описания ситуации в оккупированной и аннексированной частях Польши (такая тенденция уже наметилась среди американских специалистов [Sinnreich 2023]). Не менее любопытно было бы сравнить политику нацистских властей в Польше и, собственно, на Украине. Ситуация здесь была во многом ассиметрична. На оккупированной советской территории существовала формальная административная единица – «рейхскомиссариат Украина», тогда как в генерал-губернаторстве аналогичной не было. При этом правительство Стецько во Львове, равно как и Украинский национальный совет в Киеве, были разогнаны немцами вскоре после появления соответственно летом и осенью 1941 г., тогда как УЦК действовал до самого конца войны и развил заметную активность.

Тем не менее, несмотря на определенные недостатки, монография Маркевича является важным событием в изучении феномена нацистской оккупации и будет несомненно интересна как специалистам по теме, так и более широкому кругу историков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Попов Ф. А. Правовой статус русского населения оккупированной Польши (генерал-губернаторства) во время Второй мировой войны // История государства и права. 2014. № 12. С. 28–35.
- Konieczny Z. Polacy i Ukraińcy na ziemiach obecnej Polski w latach 1918–1947: zarys problematyki. Przemyśl, Archiwum Państwowe, 2010. S. 133–206.
- Müller U. Ausgebeutet oder alimentiert? Regionale Wirtschaftspolitik und nationale Minderheiten in Ostmitteleuropa (1867–1939). Berlin, BWV, 2006. 257 s.
- Schenke C. Nationalstaat und nationale Frage: Polen und die Ukrainer 1921–1939. Hamburg, Dölling und Galitz, 2004. 476 s.
- Sinnreich H. J. The atrocity of hunger: starvation in the Warsaw, Łódź, and Kraków Ghettos during World War II. Cambridge University Press, 2023. 294 p.
- Torzecki R. Kwestia ukraińska w polityce III Rzeczy (1933–1945). Warszawa, Książka i Wiedza, 1972. 375 s.
- Torzecki R. Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. 349 s.

REFERENCES

- Konieczny Z. *Polacy i Ukraińcy na ziemiach obecnej Polski w latach 1918–1947: zarys problematyki*. Przemyśl, Archiwum Państwowe, 2010, pp. 133–206.
- Müller U. *Ausgebeutet oder alimentiert? Regionale Wirtschaftspolitik und nationale Minderheiten in Ostmitteleuropa (1867–1939)*. Berlin, BWV, 2006, 257 p.
- Popov F.A. Pravovoj status russkogo naselenija okkupirovannoj Pol'shi (general-gubernatorstva) vo vremja vtoroj mirovoj vojny. *Istorija gosudarstva i prava*, 2014, no. 12, pp. 28–35. (In Russ.)
- Schenke C. *Nationalstaat und nationale Frage: Polen und die Ukrainer 1921–1939*. Hamburg, Dölling und Galitz Publ., 2004, 476 p.
- Sinnreich H.J. *The atrocity of hunger: starvation in the Warsaw, Łódź, and Kraków Ghettos during World War II*. Cambridge University Press Publ., 2023, 294 p.
- Torzecki R. *Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy (1933–1945)*. Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1972, 375 p.
- Torzecki R. *Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN Publ., 1993, 349 p.

Информация об авторе:

Баринов Игорь Игоревич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0154-1506
E-mail: ingobarinov@gmail.com

Information about the author:

Igor I. Barinov
PhD (History),
Senior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0154-1506
E-mail: ingobarinov@gmail.com

ЮБИЛЕИ

Славяноведение, 2024, № 1, с. 140–141

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 140–141

К юбилею Юрия Павловича Гусева

© 2024 г. Л. Ф. Широкова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

shirocco@mail.ru

Ссылка для цитирования: Широкова Л. Ф. К юбилею Юрия Павловича Гусева // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 140–141.

Towards the Jubilee of Yuri P. Gusev

© 2024. Lyudmila F. Shirokova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

shirocco@mail.ru

For citation: Lyudmila F. Shirokova. Towards the Jubilee of Yuri P. Gusev // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 1. Pp. 140–141.

Юрий Павлович Гусев, доктор филологических наук, крупнейший исследователь и переводчик венгерской литературы, родился 28 января 1939 г. Детство и юность, пришедшие на тяжелые военные и послевоенные годы, он провел на Урале. Об этом и о многом другом из собственной жизни и жизни страны в эту эпоху кратко и образно рассказал сам Юрий Павлович в интервью-эссе, опубликованном в альманахе «Славянский мир в третьем тысячелетии» (2023. № 1–2, 175–214). Талант, целеустремленность и определенная удача, поддержка «свыше» позволили ему, вышедшему, по его же словам, из «глубинного народа», реализовать то, что было ему предназначено: стать глубоким, оригинальным ученым и тонко чувствующим художественное слово поэтом и переводчиком.

Путь в науку начинался для Юрия Павловича с учебы в аспирантуре Института мировой литературы АН СССР; позже он стал сотрудником этого института и проработал там до 1994 г. В ИМЛИ он защитил кандидатскую диссертацию («Творческий путь Лайоша Кашшака», 1969), а в 1988 г. — докторскую диссертацию («Художественный конфликт в литературе социалистической Венгрии»).

Новым этапом в жизни Юрия Павловича, по собственному признанию ученого, стал переход в 1994 г. на новое место работы, в Институт славяноведения и балканистики РАН с его атмосферой большей свободы и в то же время неизменной научной взыскательности. Редкий специалист-унгарист, поэт, человек с обостренным чувством иронии и самоиронии, он органично вписался в коллектив Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. Юрий Павлович сразу же включился в рабочий процесс, стал участвовать во всех трудах и научных мероприятиях Отдела и Института в целом. Список его публикаций, начатый еще в 1980-е годы (монография «Венгерская литература 1970–1980-х гг. в контексте литератур других стран Центральной и Юго-Восточной Европы», 1989), значительно пополнился. В нем присутствуют многочисленные главы по венгерской литературе в коллективных трудах ИСл РАН «Политика и поэтика», 2000; «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны», 2001. Т. 2; «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян», 2004; «Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении: Центральная и Юго-Восточная Европа», 2006; «Опыт истории — опыт литературы. Вторая мировая война. Центральная и Юго-Восточная Европа», 2007; «Литературоведение и критика Центральной и Юго-Восточной Европы конца XX — начала XXI века. Идеи, методы, подходы», 2011; «Художественный ландшафт “нулевых”. Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI в.», 2014; «Художественный перевод и его роль в литературном процессе

Центральной и Юго-Восточной Европы», 2016; «Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы», 2017; «Вектор *non-fiction* в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы», 2018; «Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы», 2019; «Литературная периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы XX–XXI вв.: структура, типология, социокультурный контекст», 2020; «Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс», 2021 и др.

Плодом сотрудничества Института с венгерскими учеными стал совместный труд «XX век. Русская литература глазами венгров. Венгерская литература глазами русских» (2007), членом редколлегии и одним из авторов и переводчиков которого стал Ю.П. Гусев. Для «Истории венгерской литературы в портретах» (2015), где рассматривались все этапы национального литературного процесса с первых письменных источников до наших дней, Юрий Павлович написал 14 именных статей о ее ведущих представителях; выступил он и в качестве ответственного редактора (совместно с А.С. Стыкалиным и О.В. Хавановой).

Наряду с разделами в фундаментальных исследованиях Института Юрий Павлович публиковал и историко-литературные и теоретические статьи по унгаристике и общим проблемам литературоведения в научной периодике, журналах «Славяноведение», «Славянский альманах», «Славянский мир в третьем тысячелетии»; целый ряд статей опубликован им в «Вопросах литературы», а эссе, предисловия и комментарии к переводам венгерской поэзии и прозы – в журнале «Иностранная литература».

В публикациях Юрия Павловича часто сочетаются научная основательность и талант переводчика, пример тому – подготовленные им книги из серии «Литературные памятники» (изд-во «Наука»): Б. Балашши. Стихотворения (2006), И. Мадач. Трагедия человека (2011), К. Микеш. Турецкие письма (2017). В каждой из них он участвовал как один из членов редколлегии и основных переводчиков.

Юрий Павлович уже много лет, наряду с научно-исследовательской работой, занимается еще одним любимым делом, в котором достиг высокого мастерства: он приобрел заслуженную известность как выдающийся переводчик классической и современной венгерской художественной литературы. Список его публикаций содержит более 120 названий переведенных им произведений – романов, стихов, пьес. Его заслуги в области перевода и изучения венгерской литературы были отмечены государственными наградами и престижными премиями Венгрии. Это премия Тибора Дери (1997), международная литературная премия «Памятный меч Балинта Балашши» (2008), орден «Золотой Почетный Крест Венгерской Республики» (2009), премия Фонда Милана Фюшта Венгерской академии наук в области художественного перевода (2011), премия «Книга года» в номинации «Венгерская рапсодия», присужденная за многолетнюю переводческую деятельность и вклад в развитие российско-венгерских литературных и культурных связей (2013) и Национальная премия Балашши за выдающуюся профессиональную деятельность в области художественного перевода (2020).

Юрий Павлович и сегодня продолжает сотрудничество с Институтом славяноведения, участвуя в его трудах и научных мероприятиях. Так, в 2023 г. вышла в свет коллективная монография Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы – «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы», достойное место в которой заняла статья Ю.П. Гусева «Будапешт как культурный феномен». А проходивший в ноябре 2023 г. в ИСЛ РАН круглый стол «Авторы-мигранты в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: проблемы интеграции и идентичности» Юрий Павлович украсил своим докладом об эволюции в эмиграции венгерского писателя Пете́ра Фаркаша. Появляются в печати и чудесные поэтические переводы Ю.П. Гусева.

Коллеги, сотрудники Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, любят Юрия Павловича, высоко ценят его научные и душевные качества и желают ему сил и здоровья для новых творческих свершений.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Юрию Павловичу здоровья и творческих успехов.

Информация об авторе:

Широкова Людмила Федоровна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9368-9086
E-mail: shirocco@mail.ru

Information about the author:

Lyudmila Fedorovna Shirokova
PhD (Philology), Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9368-9086
E-mail: shirocco@mail.ru

IN MEMORIAM

Славяноведение, 2024, № 1, с. 142–145

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 1, pp. 142–145

Памяти Вильяма Фрэнсиса Райана (1937–2023)

© 2024 г. А.Л. Топорков¹, А.В. Чернецов²

¹Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
atoporkov@mail.ru

²Институт археологии Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
avchernets@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Топорков А.Л., Чернецов А.В. Памяти Вильяма Фрэнсиса Райана (1937–2023) // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 142–145.

William Francis Ryan (1937–2023)

© 2024. Andrey L. Toporkov¹, Alexey V. Chernetsov²

¹A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

atoporkov@mail.ru

²Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

avchernets@yandex.ru

For citation: Andrey L. Toporkov, Alexey V. Chernetsov. William Francis Ryan (1937–2023) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*, 2024. No. 1. P. 142–145.

*Letum non omnia finit¹.
Propertius*

2 ноября 2023 г. после тяжелой болезни на 87-м году жизни скончался Вильям Фрэнсис Райан (William Francis Ryan), вероятно, наиболее крупный зарубежный славист нашего времени. Это огромная потеря для мирового и российского научного сообщества. Глубочайшее погружение В.Ф. Райана в русскую культуру и рукописное наследие позволяет считать его олицетворением и воплощением плодотворных творческих связей западной и российской гуманитарной науки.

Вильям Фрэнсис Райан – выдающийся исследователь русской письменности, лингвист, член Британской академии, доктор *Honoris causa* Российской академии наук, автор ряда монографий и десятков научных статей по истории русской культуры.

В.Ф. Райан родился в Лондоне 13 апреля 1937 г. в католической семье ирландского происхождения. Изучение русского языка начал еще в средней школе и затем продолжил в 1956–1958 гг. во

¹ Со смертью не все кончается. *Проперций*.

время службы в британском Королевском военно-морском флоте, где получил квалификацию военного переводчика. Многие годы спустя манеры и походка Райана все еще выдавали его прошлое военного моряка.

В 1958–1961 гг. В.Ф. Райан изучает древнерусский и современный русский язык и литературу в Оксфордском университете (Ориель-колледж). Среди его учителей в Оксфорде могут быть названы выдающийся лингвист Борис Генрихович Унбегаун (1898–1973) и крупнейший знаток русской библиографии Джон Симмонс (1915–2001).

После окончания университета и получения степени бакалавра В.Ф. Райан был направлен Британским советом на годичную стажировку в Ленинградский университет. Работы молодого иностранца привлекли к себе благожелательное внимание академика Д.С. Лихачева. Во время своего пребывания в Ленинграде В.Ф. Райан работает в архивах и библиотеках и совершает многочисленные поездки для знакомства с рукописными собраниями в других городах.

В 1963–1965 гг. ученый работает в университетском издательстве Кларендон-Пресс (Оксфорд), где принимает участие в подготовке русско-английского словаря. В 1965–1967 гг. он поступает в Музей истории науки Оксфордского университета, причем совмещает музейную работу с преподаванием новой и средневековой русской литературы и языка. В 1967–1976 гг. В.Ф. Райан преподаёт русский язык и литературу в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. С 1976 г. до выхода на пенсию в 2002 г. он занимает должность академического библиотечника в Институте Варбурга при Лондонском университете. С 2000 г. является также профессоромистики того же университета.

В 1970 г. В.Ф. Райану была присвоена ученая степень доктора философии за диссертацию «Астрономическая и астрологическая терминология в древнерусской литературе». В 1977 г. он был избран Членом Общества антиквариев. С 2000 г. Вильям Фрэнсис Райан – член Британской академии. В 2005–2008 гг. он являлся президентом Британского общества фольклористов. В течение многих лет В.Ф. Райан был главным редактором двух серийных изданий Института Варбурга (*Warburg Colloquia* и *Warburg Surveys and Texts*), а также главным редактором журнала «Славянское и восточноевропейское обозрение» (*Slavonic and East European Review*), основанного в 1922 г. В 2008–2011 гг. В.Ф. Райан – президент «Общества Хаклуйт» (*Hakluyt Society*), основанного в 1846 г. для публикации научных материалов о путешествиях и географических открытиях.

Работы В.Ф. Райана отмечены редким сочетанием широты кругозора и способности к масштабным обобщениям с прекрасным знанием источников и склонностью к тщательному, детальному анализу. Из его ранних работ следует отметить «Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского» (1968) и, особенно, «Восточный двенадцатилетний животный цикл в древнерусских рукописях» (1971). Последняя статья наглядно продемонстрировала исключительную способность автора к научному поиску. Яркое открытие, пролившее совершенно новый свет на общий характер древнерусской календарно-астрономической традиции, было сделано молодым ученым, заезжим иностранцем, между тем как отечественные исследователи, имевшие возможность постоянно обращаться к российским рукописным собраниям, оказались в данном случае гораздо менее любознательными и наблюдательными.

Основная книга В.Ф. Райана (его «*magnum opus*») – «*The Bathhouse at Midnight. An Historical Survey of Magic and Divination in Russia*» (1999). Русский перевод «Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России» был подготовлен издательством «Новое литературное обозрение» в 2006 г. Английский оригинал книги и ее русский перевод вызвали множество положительных рецензий на английском, русском и других языках. Русское издание имело большой успех у российских читателей.

В 2006 г., после публикации русской версии книги, ученый приезжает в Москву, участвует в презентациях книги и выступает с лекциями. В 2007 г. В.Ф. Райан заслуженно избран доктором *Honoris causa* Российской академии наук по Отделению историко-филологических наук.

Значение книги прежде всего в том, что это наиболее полный систематизированный свод сведений о магии, колдовстве и гаданиях в России (и шире – у восточных славян, поскольку автор привлекает также, хотя и ограниченно, украинские и белорусские материалы). К этому своду можно подходить и как к целостному исследованию, и как к справочнику (в том числе библиографическому), и как к источнику самого разнообразного материала, который можно использовать для комментирования памятников русской литературы, и для осмысления конкретных событий российской истории, и для сравнения с фактами других этнических традиций. Книга В.Ф. Райана служит незаменимым источником сравнительного восточнославянского материала для западных исследователей европейской магии, прогностических практик и колдовства.

Книга, включающая 16 глав, поражает масштабом и разнообразием рассмотренных в ней тем, которые вовсе не ограничиваются «магией и гаданиями». Своеобразную композиционную рамку

создают глава 1 «Исторический очерк» и глава 16 «Магия, церковь, законодательство и государство». Остальные 14 глав могут быть сгруппированы в три крупных раздела. Первый посвящен магии и гаданиям: «Народная магия» (гл. 2), «Колдуны и ведьмы» (гл. 3), «Народные гадания» (гл. 4), «Знаменья, приметы, предсказания, календарные прогнозы» (гл. 5), «Толкования снов и гадания, связанные с человеческим телом» (гл. 6). Далее следуют главы о заговорах и амулетах: «Заговоры, заклинания и ложные молитвы» (гл. 7), «Талисманы и амулеты» (гл. 8), «*Materia magica*» (гл. 9) и «Тексты как амулеты» (гл. 10). В третьей части исследуются в основном гадательные тексты и сочинения, связанные с алхимическими и астрологическими знаниями: «Магия букв и цифр» (гл. 11), «Геомантия» (гл. 12), «Алхимия и магические свойства камней» (гл. 13), «Астрология: византийская традиция» (гл. 14), «Астрология: поствизантийские влияния» (гл. 15). В книге имеются также «Предисловие к русскому изданию» и вступительная заметка А.В. Чернецова, ответственного редактора русского перевода, «Об этой книге и ее авторе» (с. 5–10).

В 2005 г. В.Ф. Райан с большим успехом читает в Британской библиотеке цикл из трех лекций, позднее изданный отдельной книгой под названием «Русская магия в Британской библиотеке: книги, рукописи, ученые, путешественники» («*Russian Magic at the British Library: Books, Manuscripts, Scholars, Travellers*» (The Panizzi Lectures 2005; British Library, London, 2006)). Книга включает три главы: «Вильям Рольстон: русская магия и фольклор в Англии», «Иван Грозный, Стоглав и русская магия», «Рассказы путешественников и русская магия».

Еще в молодости В.Ф. Райан обнаружил в Бодлеянской библиотеке Оксфордского университета древнерусскую рукопись с переводом «Тайная Тайных», свода знаний в области политики, науки, магии и гаданий. Начиная с 1965 г. он публикует серию работ, посвященных этому чрезвычайно сложному памятнику, язык которого труден даже для тех ученых, которые хорошо владеют старославянским. Кроме публикации отдельных статей, В.Ф. Райан выступил в роли издателя и одного из главных авторов двух сборников, посвященных разноязычным версиям «Тайная Тайных», в серии, издаваемой Институтом Варбурга. Совместно с профессором Моше Таубе из Еврейского университета в Иерусалиме В.Ф. Райан подготовил критическое издание «Тайная Тайных» с историческим введением и английским переводом. Оно вышло в 2019 г. под названием «*The Secret of Secrets: The East Slavic Version. Introduction, Text, Annotated Translation, and Slavic Index*» (528 p.). В этом издании исключительную ценность представляют не только образцовая публикация славянского текста этого сложнейшего памятника, но и разделы, связанные с гебраистикой, подготовленные Моше Таубе, специалистом высшей квалификации. При работе со средневековыми переводными текстами только такой подход может быть назван полноценным. То, что свою последнюю крупную работу В.Ф. Райан опубликовал не в одиночку, а в соавторстве, является свидетельством масштабыности его подхода к решению сложных проблем.

Круг интересов В.Ф. Райана был чрезвычайно широк и охватывал не только русскую магическую традицию во всем спектре ее проявлений, древнерусскую книжность, записки путешественников о России, отношения России и Англии в разные исторические периоды, но и историю русской науки, приборостроения, морского дела.

Статьи В.Ф. Райана во многом основаны на архивных и труднодоступных источниках и представляют не только аналитический интерес, но и источниковедческую ценность. Англоязычный читатель находит в них уникальные сведения о русской культуре и переводы русских эзотерических текстов, сложных даже для понимания носителей русского языка, а тем более для перевода на английский язык.

Явления русской культуры рассматривались В.Ф. Райаном на широком сравнительном фоне, с учетом их источников в культуре поздней античности и раннего Средневековья, а также параллелей в странах Центральной и Западной Европы. Особое значение сохраняет концептуальная статья В.Ф. Райана «Ведовская истерия в Европе раннего Нового времени: была ли Россия исключением?» («*The Witchcraft Hysteria in Early Modern Europe: Was Russia an Exception?*» // *The Slavonic and East European Review*. 1998. No. 76, 1. Pp. 1–36).

Вклад В.Ф. Райана в популяризацию русской культуры за рубежом невозможно переоценить. Ученый неизменно выступал как помощник, редактор, переводчик, рецензент, советчик российских историков и фольклористов. Трудно назвать кого-нибудь, кто сделал больше для развития научных связей между английскими и российскими фольклористами и медиевистами. В.Ф. Райан внимательно следил за новой научной литературой, выходящей в России, принимал участие в переводах и редактировании работ российских ученых на английский язык. В.Ф. Райан был обаятельным собеседником, открытым к диалогу, готовым обсуждать и учитывать чужие точки зрения даже в тех случаях, когда они не совпадали с его взглядами.

Знавшие В.Ф. Райана сохраняют о нем память не только как о блестящем исследователе и лекторе, но и как о доброжелательном коллеге, щедро делившемся своими знаниями с исследователями, которые обращались к нему за советами и консультациями. Как и многим другим выдающимся ученым, ему были абсолютно чужды чопорность и снобизм.

Вильям Френсис Райан был приятным и интересным собеседником, наделенным чувством юмора и оптимизмом. Сила духа помогла ему прожить несколько месяцев сверх того, что ему обещали доктора. Практически до последнего часа он не отрывался от научной работы, отвечал на письма коллег.

Смерть В.Ф. Райана – невосполнимая потеря; в полной мере мы не сразу сможем оценить ее. Искренние соболезнования родным и близким покойного, его коллегам и ученикам, всем почитателям его исследовательских работ! Его трудам суждена долгая жизнь.

Светлая память большому ученому!

*Requiescat in pace!*²

Информация об авторах:

Топорков Андрей Львович

член-корреспондент РАН, доктор
филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3106-3819
E-mail: atoporkov@mail.ru

Чернецов Алексей Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт археологии
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: avchernets@yandex.ru

Information about the author:

Andrey L. Toporkov

DrSc. (Philology), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Professor,
Chief Researcher A.M. Gorky Institute of World
Literature, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3106-3819
E-mail: atoporkov@mail.ru

Alexey V. Chernetsov

DrSc. (History), Professor,
Chief Researcher
Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
E-mail: avchernets@yandex.ru

² Да упокоится с миром!

Памяти Ивана Ивановича Попа (1938–2023)

Ссылка для цитирования: Памяти Ивана Ивановича Попа (1938–2023) // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 146–148.

Ivan Ivanovich Pop
(1938–2023)

For citation: Ivan Ivanovich Pop (1938–2023) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*, 2024. No. 1. P. 146–148.

14 сентября 2023 г. в чешском городе Хеб на 86-м году жизни после продолжительной болезни скончался Иван Иванович Поп, известный историк-славист и специалист по истории международных отношений в Центральной Европе в новейшее время, доктор исторических наук, бывший главный редактор журнала «Славяноведение» (1989–1993 гг.).

Иван Иванович родился 26 мая 1938 г. в селе Страбичево недалеко от г. Мукачево, в то время входившего в состав Чехословакии. Его родной край в первой половине XX в. пережил бурные исторические события, связанные с постоянными переделами границ на востоке Центральной Европы, сменой государственной принадлежности разных исторических земель. Начиная с раннего Средневековья он относился к землям венгерской короны св. Стефана (Иштвана), а после Первой мировой войны и распада Австро-Венгерской монархии вошел в состав образованной на ее руинах Чехословацкой республики, став ее отдаленной, наиболее экономически отсталой провинцией. Таким образом, Иван Иванович стал при рождении гражданином Чехословакии, именно в год ее трагического мюнхенского раздела, по которому само Мукачево перешло к хортистской Венгрии, а весной 1939 г. весь этот край был оккупирован венгерской армией. Семья И.И. Попа, как и все его земляки, должны были, главным образом не по своей воле, принять венгерское подданство, советскими же гражданами они стали летом 1945 г., когда в соответствии с соглашением между СССР и Чехословакией Подкарпатская Русь, именуемая также Закарпатской Украиной, вошла в состав Украинской ССР в качестве отдельной области. Все эти сложные перипетии истории Карпатского региона в 1930–1940-е годы нашли впоследствии полноценное отражение в работах И.И. Попа по проблемам истории международных отношений в новейшее время.

В 1955 г. Иван Поп поступил на исторический факультет Ужгородского госуниверситета. На последнем курсе учебы талантливый, но свободомыслящий студент был отчислен из университета по политическим мотивам. После этого Иван Иванович был вынужден работать на стройках и лесозаготовках. Некоторое время он также участвовал в археологических экспедициях в Поднепровье и учительствовал в горном закарпатском селе Гукливое. В 1963 г. ему все-таки позволили сдать в УжГУ государственные экзамены и получить диплом, однако хорошей работы в родном крае не предложили. Подобно своему знаменитому земляку Юрию Венелину (Гуце), выпускник университета решил поискать счастья не где-нибудь, а в Москве и поступил в аспирантуру Института славяноведения АН СССР, подготовив кандидатскую диссертацию «Чехословацко-венгерские дипломатические отношения в период усиления германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе (1935–1939 гг.)». После успешной защиты он был принят в штат Института славяноведения (с осени 1968 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР, ныне Институт славяноведения РАН), где проработал четверть века, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника. На основе кандидатской диссертации им была в 1972 г. опубликована монография «Чехословацко-венгерские отношения (1935–1939)», основанная не только на глубокой проработке дипломатических архивов, но и на знании историографии разных стран (не только чешским и словацким языками, но и венгерским языком уроженец Закарпатья И.И. Поп прекрасно владел).

Новейшая история Чехословакии в широком международном контексте стала на долгие годы магистральной темой исследований ученого. При этом он занимался проблемами не только конца 1930-х годов (участие в коллективных трудах: «Мюнхен – преддверие войны». М., 1988; «1939 год: уроки истории». М., 1990), но и более ранними (участие под руководством В.К. Волкова в проектах 1970-х годов по истории восточной политики кайзеровской Германии), как и более поздними (коллективный труд 1985 г. о становлении системы отношений между СССР и странами «народной демократии» во второй половине 1940-х годов). И.И. Поп в числе первых в отечественной науке обратился к изучению места словацкого госпроекта в системе гитлеровского «нового порядка» в Средней Европе. На основе докторской диссертации, защищенной в 1988 г., в 1990 г. была опубликована монография И.И. Попа «Чехословакия – Советский Союз, 1941–1947 гг.».

Будучи многогранной и творческой натурой, Иван Иванович не ограничивал себя рамками богемистики, одной лишь историей дипломатии и только XX столетия. Более того, не замыкаясь рамками исторической науки, он обратился к искусствоведению. В 1978 г. вышла его монография «Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI века», а в 1983 г. – статья о венгерском политическом плакате периода революции 1919 г. Будучи вместе с А.Х. Клеванским и В.В. Марьиной одним из ответственных редакторов большого коллективного труда «Краткая история Чехословакии: С древнейших времен до наших дней», вышедшего в 1988 г. в авторитетной книжной серии «История зарубежных стран социализма», И.И. Поп написал в нем ряд глав, посвященных проблемам средневековой истории.

Знаменем времени явилось то, что в 1989 г., еще в условиях существования Советского Союза, И.И. Поп, будучи беспартийным, стал главным редактором ведущего отечественного славистического журнала «Советское славяноведение», и именно тогда, в 1992 г., журнал получил свое сегодняшнее название. Во главе журнала Иван Иванович стоял до своего окончательного отъезда из России в 1993 г.

Живя с середины 1960-х годов в Москве, И.И. Поп не забывал и родной край, которому также посвятил ряд публикаций. Так, большую известность получили изданные многотысячными тиражами карманная научно-популярная книга «В горах и долинах Закарпатья» (М., 1971) и путеводитель «Ужгород и Мукачево» (М., 1987), написанные им в соавторстве со своим младшим братом – филологом Дмитрием Ивановичем Попом.

Распад Советского Союза, провозглашение независимости Украины и рост автономистских настроений в Закарпатье подготовили почву для возвращения И.И. Попа из Москвы в дорогие его сердцу места детства и юности. В 1992 г. ученого пригласили работать в Ужгородский университет, где он стал профессором, основателем и первым директором Института карпатоведения. Здесь Иван Иванович помимо всего прочего включился в активно развивавшееся русинское национальное движение, внося в него академическую струю. В эти годы он как историк-эксперт публично отстаивал идею федеративного устройства Украины, подчеркивая самобытность разных регионов страны, особенно Подкарпатской Руси. Начиная с этих пор имя этого маститого ученого получило довольно широкую известность в связи с его активной научно-просветительской деятельностью в области истории Закарпатья (Подкарпатской Руси). Надо сказать, что эта сторона деятельности ученого не всегда находила понимание, более того, создала ему проблемы в отношениях с украинскими властями, увидевшими в подчеркивании этнокультурной специфики закарпатских русин проявления сепаратизма. Нежелание работать в такой атмосфере предопределило отъезд И.И. Попа в Чешскую республику, он поселился с семьей в г. Хебе, на крайнем западе страны, близ границы с Германией.

В 1990-е годы И.И. Поп совмещал научные исследования с общественной деятельностью, участвовал во Всемирных конгрессах русин (в Будапеште в 1997 г. и в Ужгороде в 1999 г.), выступал как публицист. Позже, очевидно, разочаровавшись в перспективах «русинского возрождения» как общественно-политического феномена, он всецело сосредоточился на исследовательской работе. В центре его внимания находились проблемы истории родного края, а также русинского общественного и культурного движения как явления, не замыкающегося в границах отдельных государств. В 2001 г. при поддержке и под грифом американского Карпато-русского этнологического исследовательского центра в Ужгороде вышла его «Энциклопедия Подкарпатской Руси», вызвавшая острые научные и общественно-политические дискуссии как в самом Закарпатье, так и за его пределами (значительно переработанное второе издание энциклопедии опубликовано в 2006 г.).

В XXI в. имя И.И. Попа получило известность и в англоязычной академическо-университетской среде. В 2002 г. вышла в свет «Энциклопедия истории и культуры русинов» (*«Encyclopedia of Rusyn History and Culture»*), составителями которой выступили И.И. Поп и другой авторитетный историк-славист – канадский академик Пол Роберт Магочи. В 2010 г. расширенное издание книги было

опубликовано и в украинском переводе. Работы И.И. Попа выходили также на немецком и французском языках.

В Чехии, ставшей для И.И. Попа вторым домом, он считался главным специалистом по истории своего родного края, в том числе и по периоду, когда Подкарпатская Русь входила в состав межвоенной Чехословакии. Им опубликован ряд статей по различным международным аспектам истории этой территории, но особенно широкое распространение получили научно-популярные издания: томик «Подкарпатская Русь» (*Podkarpatska Rus*, 2005), справочник «История Подкарпатской Руси в датах» (*Dějiny Podkarpatské Rusi v datech*, 2005), книга о выдающихся деятелях истории, науки и культуры Закарпатья (*Podkarpatska Rus – osobnosti její historie, vědy a kultury*, 2008). В соседней Словакии, непосредственно примыкающей к его родному Закарпатыю, И.И. Попа знают не только как историка (книга «Малая история русинов» (*Malé dejiny Rusínov*, 2010) вышла сначала на словацком языке, была потом переиздана в Ужгороде и Нови Саде), но и как активного участника просветительских мероприятий Объединения русинской интеллигенции Словакии.

Не только друзья и соратники Ивана Ивановича Попа, но и его не столь уж малочисленные оппоненты, с определенной долей скептицизма относящиеся к дорогим для него идеям этнокультурной самобытности подкарпатских русин, всегда ценили в нем острый критический ум, огромную эрудицию и широту кругозора, колоссальное трудолюбие и идейную принципиальность. За педагогическое мастерство И.И. Поп был в 1998 г. удостоен премии «*Schola Ludus*» (Чехия – ФРГ), а за особые заслуги в деле сохранения русинской культуры и традиций в 2009 г. – венгерской премии и медали имени А. Ходинки.

В августе 2023 г. коллеги из Института славяноведения РАН по электронной почте обратились к И.И. Попу с просьбой согласиться на подготовку воспоминаний в форме пространного интервью для академического издания «Славянский мир в третьем тысячелетии». Но ответа из Хеба уже не последовало – Иван Иванович был тяжело болен... Его обширное и многогранное наследие продолжает жить, оставив заметный след в истории славистики. Память об известном ученом, организаторе науки и общественном деятеле будет всегда храниться в сердцах людей, его знавших.

Коллеги-слависты